

ИНСТИТУТ
НАСЛЕДИЯ

РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ, ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА

МОСКВА
2022

Министерство культуры Российской Федерации
Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва

**РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ,
ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА
И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА**

*Из цикла «Русская цивилизация
в исторической ретроспективе и перспективе»*

МОСКВА
2022

УДК 930.85
ББК 63.3(2)
P89

Рецензенты:

Ю. В. Китов, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии Московского государственного института культуры;

И. А. Треушников, доктор философских наук, доцент, полковник полиции Нижегородской академии МВД России

Составители: **Ю. А. Закунов, А. Л. Казин**

Научный редактор: **Ю. А. Закунов**

Предисловие: **А. Л. Казин**

*Издается по решению Ученого совета
Российского научно-исследовательского института культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачёва*

P89

Русская цивилизация, Великая Победа и новые вызовы XXI века : сборник материалов научной конференции, прошедшей 12 ноября 2020 г., организованной РИИИ и Институтом Наследия. (Из цикла «Русская цивилизация в исторической ретроспективе и перспективе») [Электронное сетевое издание] — М. : Институт Наследия, 2022. — 228 с. —DOI 10.34685/NI.2022.13.44.002. — ISBN 978-5-86443-376-8.

Сборник научных статей создан на основе докладов, прочитанных на научной онлайн-конференции с международным участием, прошедшей в 2020 г., организованной Российским институтом истории искусств и Российским НИИ культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва в рамках цикла «Русская цивилизация в исторической ретроспективе и перспективе». Конференция объединила культурологов, искусствоведов, философов вокруг темы миссии России как православной цивилизации и 75-летней даты Великой Победы, актуальных проблем и перспектив развития в условиях новых глобальных вызовов XXI в., переоценки культурного наследия, выявления основных точек зрения в гуманитарном научном сообществе на природу и смыслы происходящих культурно-цивилизационных трансформаций.

УДК 930.85
ББК 63.3(2)

В оформлении обложки использованы фрагменты картин А. А. Пластова «Сенокос» (1945 г., Государственная Третьяковская галерея) и И. С. Глазунова «Мистерия XX века» (1999 г., Московская государственная картинная галерея Ильи Глазунова).

ISBN 978-5-86443-376-8

© Коллектив авторов, 2022
© Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Казин А. Л. Предисловие	4
Расторгуев В. Н. Вызовы времени и цивилизационная миссия России	7
Казин А. Л. Технологии зла и русский выбор	24
Пластова Т. Ю. Великая Отечественная война как историческая доминанта национального самосознания и современные проблемы национальной идентичности в искусстве	34
Губарева О. В. Образ Георгия Победоносца в советском агитационном искусстве	60
Кокшенива К. А. Нигилизм и бунтующее сознание. Об актуальности философско-культурной концепции Н. Н. Стрехова	90
Гронский А. Д. Войны в свете исторической политики Белоруссии	124
Некрасов С. Н. Проектирование сельского будущего России и проблемы мировоззренческой подготовки кадров для новой экономической модели мира	133
Закунов Ю. А. Амбивалентность сознания и антиномизм как цивилизационные вызовы	152
Скоробогачева Е. А. Изобразительное искусство современной России как отражение вызовов XXI века	164
Царенко С. А. Имена явлений и память земли: смысловые назначения Отечества	176
Сокурова О. Б. Дети Победы на рубежах истории	184
Шаринов А. М. Эпоха 2020: закат культуры	201
Широкалова Г. С. Чей пепел «стучит в сердце»?	212

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый сборник статей создан на основе докладов, представленных на конференции с международным участием, состоявшейся в дистанционном формате в 2020 году. Конференция объединила размышления культурологов, искусствоведов, философов вокруг темы положения России — и шире, русской православной цивилизации — в современном мире. Ключевым вопросом обсуждения при этом стала Великая Отечественная война 1941–1945 годов и значение Победы в ней для настоящего и будущего нашей страны, ее народа и ее культуры. Особенно на фоне нынешнего кризиса деградирующей цивилизации Европы и Америки.

Настоящий сборник открывается концептуальной статьей В. Н. Расторгуева, безвременно ушедшего из жизни в 2021 году в результате пандемии. Валерий Николаевич внес огромный вклад в изучение взаимодействия культур и цивилизаций в современном мире. Будучи последователем и продолжателем научной школы выдающегося отечественного философа А. С. Панарина, он особое внимание уделял положению дел в России как уникальной православной части света, сочетающей в себе и разрешающей в своей истории основные мировые противоречия. Многие участники сборника обязаны Валерию Николаевичу новыми знаниями и плодотворными советами. Светлая ему память.

В настоящее время — первая треть XXI столетия — можно констатировать фактическое завершение христианской истории на постмодернистском Западе. Сегодня на пространстве Евроатлантики осуществляется не ценностное приращение бытия, а его технологическая эксплуатация. Технический прогресс Запада происходит по инерции, моделируя компьютерными средствами глобальный масштаб греха как нормы человеческого существования. Идеология постхристианского мира быстро, хотя и внешне незаметно, переходит в антихристианскую, тиражируемую под разными именами деятелями («жрецами») антицеркви. Как писал полвека тому назад М. Хайдеггер, в Европе (и тем более в Америке) уже нет *бытия* — там есть подручное, прирученное существование, когда субъект такого существования сидит перед компьютером (мир как иллюзия-выставка), имея в качестве собственника всю

Вселенную. Вопреки всей самодовольной позе подобного «царства теней», в истоке его лежит утопия — социальная и технологическая утопия трансгуманизма, вплоть до «американской мечты» о процветании с белозубой улыбкой, отграничивающей ее владельца от всего низшего — варварского, от всего внешнего — чужого, опасного, но и от всего высшего — богоносного, таинственного. Это утопия мира без страдания, без греха и без воздаяния. Никакие киборги и нанотехнологии не меняют этого положения в принципе, наоборот, усугубляют его. В сущности, это насмешка над образом Божиим в человеке, и самое печальное состоит в том, что этот смех уже прозвучал.

Что касается России, то, как доказывает история, Русь-Россия во всех своих социокультурных формах (включая советскую), так или иначе, с большим или меньшим успехом, исполняла роль Удерживающего (2 Фессал. 2, 7) в нисходящем движении истории, предсказанном в Писании. Можно предположить, что назначение Святой Руси и состоит в замедлении этого стремления мирового социокультурного «человейника» вниз, к всё более темным (вплоть до inferнальных) уровням тварного существования. Особенно это заметно в начале XXI века, когда православный Русский Мир фактически стал цивилизационной оппозицией Западу. Последовательная либеральная жизненная практика («евросодом») есть плод уже остывшей или остывающей цивилизации, где предельные религиозные (смысложизненные) вопросы давно «разрешены» и отданы на откуп частному мнению, а незыблемой почвой общественного согласия является необсуждаемая заинтересованность любых партий, классов и «меньшинств» в сытой и удобной жизни. Такого «бога» зовут ОКЕЙ, и это есть подлинно антихристианский «бог». От его имени говорил великий инквизитор в «Братьях Карамазовых» Ф. М. Достоевского.

В первые десятилетия XXI века олицетворением русской цивилизационной и культурной установки является президент В. В. Путин и его политика. После событий в Крыму и Новороссии 2014 года и поправок в Конституции 2020 года не остается сомнений в самостоятельной державной направленности этого курса. По основным духовным и геополитическим параметрам он переориентировал страну с Запада на Восток. Осталось национализировать стратегические ресурсы и ограничить влияние либералов-западников в идеологии и культуре. Тогда откроется

путь к *народному православному социализму*, а это именно то, что нужно России. Другого пути у России нет, потому что капиталократия (финансовые отношения между людьми как матрица социального устройства) неприемлема для национального сознания, государственности и культуры и разрывает их на части.

По ходу мирового времени возрастает напряженность антиномии добро-зло. Физических сроков и конкретных завершительных форм внутриисторического апокалипсиса мы не знаем, но, по видимому, основные события метафизического плана развернутся в наступившем XXI столетии. В определенном смысле конец света уже наступил, только не все это заметили. В таком плане решающее приношение России Творцу может заключаться в том, чтобы своим настойчивым поиском *онтологической правды* отвергнуть нисхождение к греху (инферногенез) как норме личной и общественной жизни в утерявшем вертикальное измерение мире. Это способна совершить — и совершает — именно Святая Русь, тот самый «русский остаток», который на деле является ценностным ядром исторической России, который существует независимо от политических режимов, и который принимает на себя грехи своих предков и современников. Для такой России «конец света» — конец определенного этапа (зона) духовной практики человечества — может приобрести положительный смысл в христианском значении этого слова. Как сказал один старец, в России что ни строй — всё Святая Русь получается.

А.Л. Казин

Расторгуев Валерий Николаевич

*доктор философских наук,
профессор кафедры философии политики
и права философского факультета МГУ
имени М. В. Ломоносова*

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ И ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ МИССИЯ РОССИИ¹

Аннотация. Статья посвящена анализу особого типа угроз, связанных со стратегическим прогнозированием. Они, как правило, подводятся под понятие «вызовы времени», используемое в языке политики как эвфемизм, что затрудняет выяснение их причин и следствий. Само будущее рассматривается как реальность, поскольку в нем уже содержатся все техногенные и социальные катастрофы прошлого, включая сюда объективные последствия войн и других роковых событий. Это важно учитывать наряду с другими факторами предопределенности, среди которых особо значимыми являются цивилизационные миссии. Завершается исследование реконструкцией концепта «миссия России».

Ключевые слова: вызовы времени, методология истории, угрозы, факторы риска, военные стратегии, цивилизационная миссия.

Rastorguev Valery Nikolaevich

*Doctor of Philosophy, Professor of the Department
of Philosophy of Politics and Law of the Faculty of Philosophy,
Moscow State University named after M. V. Lomonosov*

TIME CHALLENGES AND THE CIVILIZATION MISSION OF RUSSIA

Abstract. The article is devoted to the analysis of a special type of threats associated with strategic forecasting. As a rule, they are subsumed

¹ Доклад подготовлен в рамках Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

under the concept of “challenges of the time”, used in the language of politics as a euphemism, which makes it difficult to clarify their causes and effects. The future itself is viewed as a reality, since it already contains all the technogenic and social catastrophes of the past, including the objective consequences of wars and other fatal events. It is important to consider this along with other factors of predetermination, among which civilization missions are especially significant. The study ends with the reconstruction of the concept “mission of Russia”.

Keywords: *challenges of the time, methodology of history, threats, risk factors, military strategies, civilization mission.*

Вызовы времени и ответственность за будущее

Начнем с того, что сама постановка темы конференции включает в себя упоминание о «вызовах XXI века», что само по себе является вызовом для каждого, кто употребляет этот оборот, и, соответственно, для нас — тех, кто пытается разобраться в этой теме. Но мы почти не обращаем на это внимание, так как выражение «вызовы времени» и сходные с ним словосочетания прочно и давно вошли в наш язык. Вместе с тем они чаще всего служат не терминами, которые что-либо означают, а чистыми эвфемизмами, если их понимать буквально, — как обозначение проблем или угроз, которые идут из будущего, т. е. скрыты в завтрашнем дне.

Безусловно, в науке эти понятия иногда употребляются как точный инструмент, но это происходит только в том случае, когда за ними стоят авторские концепты, уже введенные в язык науки и связанные с конкретной теорией или школой. К примеру, А. Тойнби в своей теории «Вызов-и-Ответ» использовал это понятие для объяснения двойственной роли угроз в генезисе цивилизаций. По его мнению, внешние угрозы, которые можно определить как Вызов социуму со стороны окружающей среды — природной и социальной, играют не только деструктивную, но и позитивную роль в генезисе локальных цивилизаций, поскольку формируют способность общества дать адекватный Ответ, что предопределяет возможность развития: «...чем больше трудность, тем сильнее стимул»².

² Тойнби А. Д. Исследование истории. — М., 2010.

В современной научной и политической аналитике в последние годы получила широкое распространение концепция антихрупкости Н. Талеба, которая основана, по сути, на том же принципе, что и теория Тойнби, и объясняет особую миссию угроз разного типа в становлении и функционировании сложных и сверхсложных систем. Несколько ранее он ввел в научный оборот понятие «черные лебеди», обозначающее непредсказуемые угрозы и риски. Суть этой проблемы — в принципиальной невозможности рассчитать риск последовательности редких событий и предсказать их наступление. По мнению Талеба, всем живым системам присуща не только хрупкость, но и особое свойство — антихрупкость, которое закрепляется в эволюционном процессе. Его необходимо культивировать и в социально-экономической сфере, и в процессе образования, и в политике: «Почти все то, что навязывается нам сверху, делает нас хрупкими и блокирует антихрупкость и развитие, а все то, что идет снизу, наоборот, процветает от правильной дозы стресса и беспорядка. Научные открытия (или инновации, или технический прогресс) зависят скорее от антихрупких частников и агрессивного принятия риска, чем от формального образования»³.

Однако в большинстве случаев понятие «вызовы времени» проникает в язык наук и методологию научного знания не из самой науки, а их политического дискурса, в рамках которого зачастую ставятся цели перед научным сообществом, особенно в тех областях научной политики, которые требуют существенных ассигнований. В результате неизбежно происходит не только подмена собственной миссии науки, заключающейся в поиске истины, но и смысла ключевых понятий, из которых незаметно удаляются научные концепты. Каким же смыслом наполняется представление о вызовах времени? В большинстве случаев — простейшим допущением, в соответствии с которым возникновение новых угроз и рисков, с которыми мы или наши потомки столкнутся завтра, исходит из самого будущего.

При этом упускается из виду, что эти угрозы и сопряженные с ними риски — это не что иное, как минное поле, особое, но вполне реальное пространство-время, полное «неразорвавшихся

³ *Тaleb Н. Н.* Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса. — М., 2014. — С. 87.

зарядов», которые уже заложены нами или предыдущими поколениями, но карты этих закладок утрачены, сознательно уничтожены или забыты в архивах по многим причинам. Главная среди них — никто не хочет брать на себя персональную ответственность за события, которые еще не произошли, а следовательно, и вина за них не может быть точно определена в настоящее время, не говоря уже о будущем. К примеру, никто не задумывается об отдаленных последствиях принимаемых сегодня решений, и никому в голову не приходит провести их независимую экспертизу на рискогенность, тем более с учетом отдаленных временных горизонтов. В этом случае стоимость экспертно-аналитических исследований сделает или проблематичным, или вовсе бессмысленным любое решение.

К тому же никто не обращает внимания на синхронизацию даже явно рискованных решений, а точнее, на синхронизацию событий, ими произведенных. Именно эта, чаще всего, непредумышленная связь может стать причиной или одним из факторов возникновения масштабных катастроф социального или техногенного характера, которые обретут реальность в ближайшем или отдаленном будущем. С другой стороны, эта связь может быть, конечно, и предумышленной, о чем также не стоит забывать, когда речь идет о решениях стратегического характера. Таким образом, ответственность чаще всего просто не осознается, а если и осознается, то воспринимается как коллективная, а следовательно, безадресная, не требующая по этой причине и расследования.

«Минные поля» истории и мировые войны

Метафора минного поля, позволяющая понять суть проблемы, заключающейся в сокрытии настоящего и прошлого за личиной будущего, также тесно связана с полным названием нашей конференции: «Русская цивилизация, Великая Победа и новые вызовы XXI века», поскольку в основе цивилизационной истории лежат, к сожалению, кровопролитные войны не на жизнь, а на смерть. Именно они являются важнейшими и доступными для изучения звеньями мировой и отечественной истории. И старая присказка о том, что все войны кончаются миром, права только отчасти: после войн — и внешних, и внутренних — начинается другой мир.

И этот другой мир уже содержит в себе целое минное поле взаимных обид и неразрешенных противоречий, которые способны вновь взорвать мир.

Так, Вторая мировая война была уже предрешена мирными договорами, которые были заключены странами-победителями с проигравшей стороной и, прежде всего, с Германией, что отчетливо осознавали многие из тех, кто их готовил и подписывал. А что касается итогов Второй мировой войны, то они в не меньшей мере заминировали будущее, сделали всё человечество заложником прошлого. Об этом прямо писал Черчилль: «Давно миновали времена Утрехтского и Венского договоров, когда аристократические государственные деятели и дипломаты — как победители, так и побежденные — собирались для вежливых и учтивых споров и, не ведая трескотни и разногласия демократии, могли перекраивать политические системы на основе принципов, разделявшихся всеми ими. Ныне руководителей обступали народы, десятки миллионов людей, доведенных до иступления страданиями и увлеченных различными доктринами, рассчитанными на массы. Они требовали, чтобы возмездие было осуществлено в полной мере. И горе руководителям, вознесенным ныне своим триумфом на головокружительные вершины, если за столом конференции они откажутся от того, что было завоевано солдатами на сотнях кровавых полей сражений!»⁴

Другими словами, если прежде, еще в начале Первой мировой войны, политические доктрины и зародыши «великих учений», как называют себя мировые политические идеологии, представляющие собой взаимоисключающие проекты глобального переустройства мира, находились в «пробирках», то теперь они вырвались наружу, заражая миллионы людей. И действительно, раньше самые опасные доктрины, заключенные «в пробирки», стояли на полочках в лабораториях избранных, то есть по преимуществу были инструментами в руках узкого круга монархических семей, которые разрешали собственные конфликты, вовлекая свои народы в войны и заключая после мирные договоры по своему усмотрению, то теперь всё кардинально изменилось. «Великие учения» стали достоянием миллионов — их адептами считает себя подавляющее число подданных различных государств, где победила какая-

⁴ Черчилль У. Вторая мировая война. — М., Воениздат, 1991. — С. 7.

то одна из противоборствующих идеологий: либо либеральная, либо социалистическая, обосновавшаяся в самой большой державе мира — в России, либо национал-социалистическая, почву для которой подготовили мирные договоры, которыми завершилась Первая мировая война.

Что это означало для будущего? Только одно: оно стало объектом добычи и присвоения, приватизации со стороны целых армий, состоящих из адептов идеологий, для того и разработанных, чтобы овладеть сознанием миллионов. При этом, что самое существенное, они овладевали и умами своих создателей, поражая зачатки критического мышления и разделяя людей на народы, в большинстве своем уже пораженные индоктринацией, а также разделяя изнутри отдельные нации и целые цивилизации, различные этнокультурные и социальные группы, и даже семьи и поколения. Война идеологий перестала быть войной теорий, научных школ и конкурирующих авторских концепций, хотя какая-то связь, чисто условная, сохраняется. Это и историческая память о «пробирочных» временах, когда идеологии конструировались и строились на базе конкретных теорий, которые в этом случае приобретали статус учений, сохраняется в названиях идеологий.

Когда мы говорим о либерализме, то он продолжает соотносить себя с либеральными учениями И. Канта и Д. Локка, не сохраняя ни малейшей связи с ними. Это утверждение вдвойне верно по отношению к современной фазе эволюции либерализма, на которой он сохранил свое имя, но не свою сущность, превратившись, по сути, в своего антагониста — в рыночный фундаментализм, глубоко враждебный духу либерализма. Если следовать теории Дж. Сороса, который, вводя этот термин, дал ему следующее обоснование: «Именно рыночный фундаментализм сделал систему мирового капитализма ненадежной. Однако такое положение дел возникло сравнительно недавно. В конце Второй мировой войны международное движение капитала было ограничено, в соответствии с решениями, принятыми в Бреттон-Вудсе, были созданы международные институты с целью облегчения торговли в условиях отсутствия движения капитала. Ограничения были сняты постепенно, и только когда примерно в 1980 г. к власти пришли Маргарет Тэтчер и Рональд Рейган, рыночный фундаментализм стал господствующей идеологией. Именно рыночный фундамен-

тализм предоставил финансовому капиталу управляющее и руководящее место в мировой экономике»⁵.

Когда же речь идет о социалистических доктринах и идеологиях, на щитах которых начертано имя К. Маркса, то уже на первом этапе реализации коммунистического проекта в большевистской России, когда стал очевиден провал идеи революции в Европе, проект социалистического строительства в отдельно взятой стране вступил в прямое противоречие с коммунистическим учением Маркса. Это послужило основанием для И. Валлерстайна сделать вывод о том, что представление об утопизме этого проекта в целом не соответствует действительности, и что он далеко не исчерпал свой созидательный потенциал, пока не был насильственно остановлен. По его мнению, большевики приняли ряд последовательных геополитических решений, которые были самостоятельными сценариями развития, разработанными в соответствии с геополитической ситуацией, и оказались поворотными. Именно они и «определили далеко не единственно возможный путь, которым мог бы пойти советский режим, и первым было восстановление Российской империи»⁶.

Аналогичная история связана и с поверженным германским национал-социализмом, и с новейшими разновидностями нацизма (белого, черного и желтого), которые сегодня подпитываются стремлением основных геополитических игроков сохранять бациллы расовой сегрегации для решения локальных проблем в зонах нестабильности. Они паразитировали и паразитируют на самых перспективных научных школах, в том числе и в сфере экологии (впервые эта дисциплина была институционализована в политических структурах в гитлеровской Германии).

В действительности набор постоянно изменяющихся и модифицирующихся «великих учений» достаточно устойчив, хотя они по своей природе являются антагонистами научным знаниям. Причина их устойчивости в том, что они позволяют отразить основной спектр разнонаправленных политических интересов, от которых невозможно избавиться в современном мире, в том

⁵ Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. — М.: ИНФРА-М, 1999. — С. 9.

⁶ Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. — М.: Логос, 2004. — С. 20.

числе в рамках представительных демократий. Если наука основана на критическом мышлении, то идеологии — на императивном и рецептурном. Причина проста: во-первых, они базируются на заведомо некритических установках и требуют, следовательно, от адептов всей полноты веры, что приводит к неизбежным противоречиям не только с наукой, но и с мировыми религиями, а во-вторых, опираются одновременно на самые высокие и самые низменные чувства и страсти.

Либерализм, к примеру, опирается на высокие идеалы равенства и свободы, с одной стороны, и, с другой, черной, стороны, на жажду неограниченного обогащения, на культ успеха и силы, попирающей права слабых. Поэтому истинная свобода, исповедуемая адептами либерализма, начинается, согласно И. Берлину, с негативной свободы, т. е. в конечном итоге *свободы от* государственного контроля, религиозных заповедей и социальных обязательств: «Если другие люди не позволяют мне сделать то, что в противном случае я мог бы сделать, то в этой степени я несвободен; если из-за действий других людей упомянутая область сжимается, уменьшаясь далее известного предела, то обо мне можно сказать, что я нахожусь в состоянии принуждения и, возможно, даже порабощения. Однако слово принуждение не охватывает все случаи, когда мы не способны что-либо сделать. Если я не способен прыгнуть выше десяти футов, или не могу читать из-за слепоты, или тщетно пытаюсь понять наиболее темные места у Гегеля, то было бы странным говорить, что в этой степени я подвергаюсь порабощению или принуждению»⁷.

Социалистические доктрины легко завоевывают умы и сердца также потому, что играют на всех регистрах души человека — и высоких, и низких: с одной стороны, на исконной жажде справедливости, а с другой — на низменной зависти: чем я хуже того, кто владеет миром? То же касается, по сути, и нацизма во всех его проявлениях, практикующего игру на оскобленных чувствах, органично соединенную с культивируемым убеждением в собственном превосходстве. Конечно, это несколько упрощенное представление о природе живучести политических идеологий, которые сегодня переживают не лучшие времена, будучи включены в простран-

⁷ Берлин И. Две концепции свободы // Современный либерализм. — М., 1998. — С. 19.

ство массмедиа и коммерческой массовой культуры, что приводит к глубинным изменениям их функциональных целей.

Миссия Российской цивилизации в современном мире

Идеологии — это инструмент, которым политика вмешивается в Провидение, изменяя и отменяя те миссии, которые свойственны людям, народам и цивилизациям, ибо миссия в высшем значении этого слова и есть предначертанность, призвание и служение, долг. Миссия — это еще и редкий дар, который мы сохраняем и сторицей приумножаем, лишь отдавая дар обществу. Всеми этими качествами, определяющими смысл бытия, могут обладать и отдельные люди, и многоликие человеческие сообщества, в том числе нации и семьи наций, но только до той поры, пока они не утратят способности верить в Высший Разум.

Собственно, эти различия даров, определяемые как доминирующие начала различных культурно-исторических типов, и лежат в основе теории цивилизаций Н. Я. Данилевского (концепция видов культурной деятельности) и многих других теорий, восходящих к его учению. Но даже суждения самых выдающихся мыслителей, имена которых соединяются в нашем сознании с самообразом той или иной цивилизации, — только один из способов постижения цивилизационной миссии, ибо мыслители думают «не как все» и, соответственно, все думают не так, как они. К тому же у каждого мыслителя своя собственная теория, отличная от прочих и призванная не только объяснять сущность явлений, но и, как уже говорилось, конкурировать с другими объяснениями, теориями и школами. Нет и никогда не было жесткой границы между конкуренцией идей и конкуренцией людей, творящих идеи. Именно здесь можно обнаружить различия между миссией, о которой говорят люди (учители или лжеучители), и миссией, которая заложена в самом развитии цивилизации.

Понятие миссии (послание, поручение) восходит в европейской культуре к временам распространения миссионерами христианства между язычниками. И только в сороковых годах XIX века, как отмечалось в словаре Брокгауза и Ефрона, это слово с эпитетом «внутренняя» стало обозначать в Германии деятельность, направленную к утверждению и укреплению веры и нравственности между христианами. Позднее такое понимание распространилось на благотворительные организации и на посольства. Дальнейшая

судьба концепта, обозначаемого словом «миссия», была связана с процессом тотальной секуляризации научного знания и политики, который не прекратился в эпоху, иногда и все чаще называемую постсекулярной. Дело в том, что сам концепт постсекулярности никаким образом не связан с каким-то целостным учением или учениями, вошедшими в научный оборот. В большинстве случаев, как например, в концепции Ю. Хабермаса о будущем человеческой природы, словосочетание «постсекулярное общество» рассматривается как состояние либеральных государств, принужденных самой логикой секуляризации заниматься в отношении религии той же работой, какую религия проделала в отношении мифа: «Разумеется, теперь это осуществляется уже не на основании гибридного намерения перенять у врага все ценное, но исходя из заинтересованности осмысленно противодействовать в собственном доме ползучей энтропии ограниченных ресурсов. <...> Секуляризация, которая не уничтожает, осуществляет себя в модусе перевода на другие языки»⁸.

Под «другими языками» Хабермас имеет в виду «перекодирование» понятийного аппарата с сакрального языка на светский и веберовское толкование призвания науки (ее миссии) как «*расколдовывания мира*». Кстати, в русском языке это выражение переводится как «*разочарование*» (освобождение от чар), что более точно соответствует сути процесса десакрализации, поскольку она действительно лишает человека сопричастности высшим ценностям и надеждам⁹...

Как говорил в этой связи М. Вебер в своем известном обращении к студенческой молодежи «Наука как призвание и профессия», личностью в научной сфере является только тот, кто служит лишь одному делу (миссия ученого): «В науке совершенно определено не является «личностью» тот, кто сам выходит на сцену как импресарио того дела, которому он должен был бы посвятить себя, кто хочет узаконить себя через «переживание» и спрашивает: как доказать, что я не только специалист, как показать, что я — по

⁸ Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. — М. : Весь Мир, 2002. — С. 129.

⁹ Более детальный анализ основ постсекуляризма см. в моей статье «Цивилизационный подход в политической прогностике и границы секулярного мира» (Тетради по консерватизму. — № 3. — 2019).

форме или по существу — говорю такое, чего еще никто не сказал так, как я, — явление, ставшее сегодня массовым, делающее все ничтожно мелким, унижающее того, кто задает подобный вопрос, не будучи в силах подняться до высоты и достоинства дела, которому он должен был бы служить и, значит, быть преданным только своей задаче».¹⁰ Этой сверхзадачей, то есть миссией и долгом науки, по Веберу, был и остается «поиск истины». Именно по этой причине он считал, что политике не место в аудитории: «Студенты в аудитории не должны заниматься политикой. <...> Впрочем, политикой не должен заниматься в аудитории и преподаватель. И прежде всего в том случае, если он исследует сферу политики как ученый»¹¹.

Что же касается «постсекуляризма», то само появление этого концепта, по нашему мнению, основано на заведомо ложном послы, как и почти все «пост-бирки», якобы фиксирующие исчезновение или вытеснение каких-то социальных феноменов, которые никогда не собирались исчезать. Ни мировые религии, ни разнообразные формы секуляризации, ни институциональные сферы их сосуществования вовсе не собираются уходить в историческое небытие. Точно так же как постмодернизм вполне мирно и комфортно сосуществует с «великими проектами» и идеологиями, о смерти которых он возвещал. Конечно, и те, и другие теории тесно связаны между собой и видоизменяются, как и сами «великие проекты» переустройства мира, в первую очередь, политические идеологии, динамика эволюции которых в последнее время впечатляет.

Именно эта динамика и предопределила появление новых смыслов в понимании миссии, которое с этого времени распространилось уже на социальную сферу — на отдельные классы и страты общества, которые имеют собственные и иногда трудновосприимчивые интересы, а следовательно, и исторические миссии, трактуемые как надличностные функциональные цели, выражающие подлинные, инвариантные характеристики и интересы, независимо от того, осознаны они или не совпадают с личными интересами представителей этих общностей. Соответственно,

¹⁰ Вебер М. Избранные произведения. — М. : Прогресс, 1990. — С. 711.

¹¹ Там же. С. 721.

особые миссии открывались у государств и народов, у отдельных этносов и великих наций, у государств и локальных цивилизаций, охватывая все области политики и геополитики, иногда сохраняя при этом глубинную связь с основным — сакральным — значением, но значительно чаще подменяя его сугубо конъюнктурными и прагматическими смыслами. Таким же образом миссия предписывается и так называемой общечеловеческой цивилизации.

Но любая претензия на доминирование одной из ценностных систем и делегитимация любых отступлений от нее неизбежно связаны с игнорированием специфики исторических традиций и культур различных сообществ, сведением многообразия социальных форм к единой модели. Все это вытесняет «нецивилизованные» сообщества на периферию «планетарной цивилизации» и практически не оставляет им шансов на иной жизненный выбор. По отношению к ним возможна лишь позиция «прогрессора» — цивилизаторская миссия, содержание которой заключается в расширении сферы влияния базовых регуляторов на еще не охваченные ими социальные единицы. Именно поэтому все чаще в адрес моноцивилизационной парадигмы выдвигается вопрос о «допустимости внутри современной ойкумены и таких динамик, которые, не растворяясь в самодвижении выстроенной Западом «планетарной цивилизации», могли бы — именно в силу сочетания эффектов гетерогенности и глобального резонанса — породить в истории XXI века не просто непредсказуемые сейчас ситуации, а целые геополитические и хронополитические «плато непредсказуемости»¹².

В условиях глобализации общечеловеческая цивилизация понимается двояко — либо как общая судьба и общие тенденции в развитии мировых цивилизаций, либо как совершенно новый феномен, выросший из европейской, западной цивилизации и не только нивелирующий всё культурное и этническое многообразие мира, но и упраздняющий специфику породившего ее европейского духа. Причина несовместимости так понятой всечеловеческой цивилизации с цивилизацией-донором очевидна и продиктована сугубо технологическими рамками самой универсальности: обра-

¹² *Цымбурский В.* Сколько цивилизаций? (С Ламанским, Шпенглером и Тойнби над глобусом XXI века) // Pro et Contra. Т. 5. — № 3. Лето 2000. — С. 174.

зец не должен содержать в себе качеств, которые нельзя передавать и заимствовать. Такая трактовка цивилизации методологически ущербна и социально опасна, поскольку, как отмечает А. С. Панарин, «на самом же деле развитие чаще всего не автономно, а гетерономно, связано с выходами вовне, с диалогом с другими типами культуры. И это справедливо не только для Востока (с чем западники, верящие в учительскую миссию Запада для всего мира, согласны), но и для Запада. Это сыграло для Запада несравненно большую роль, чем открытие Америки со всеми ее золотыми запасами»¹³.

Это утверждение вдвойне ценно, если учесть железную логику развертывания во времени и пространстве безумной стратегии «однополярного мира», противоречащей элементарной логике, согласно которой идея полюса предполагает дихотомию, ибо полюс — это предел или крайняя точка, диаметрально противоположная другой. «Когда-то, — по словам Панарина, — в клерикальных кругах был выдвинут тезис: “Разум — первая потаскуха дьявола”. Американские миссионеры в Европе выдвинули похожий: “Европейская философская, интеллектуальная традиция — потаскуха мирового коммунизма”. Подобно тому как большевики классово предпочитали материально неимущих, американские миссионеры предпочитали интеллектуально неимущих, немудрствующих парней, любящих кока-колу и жвачную резинку»¹⁴.

Точно так же происходит и десакрализация языка наук, в том числе и гуманитарных, а следовательно, и миссии гуманитариев, деятельность которых и сама предметная область исследований органично связаны с религиозным и мифологическим сознанием, с моральными установлениями и даже признанием догматизма как неотъемлемой от знания ценности, что отличает, в частности, правосознание и юриспруденцию. Из языка и категориального аппарата наук постепенно «вымываются» все коннотации с сакральным. Это происходит даже в рамках теологии, особенно в протестантских ее версиях, с учетом усиления протестантского начала в католическом и православном богословии, о чем свидетельствуют бесчисленные дискуссии среди теологов, лишь усилившиеся

¹³ *Панарин А.* Православная цивилизация. — М., 2014. — С. 243.

¹⁴ *Панарин А.* Там же. С. 685.

в процессе «обмирщения» теологических знаний, легализованных в светской высшей школе.

Неотъемлемым смыслом, присущим всем концептам, обозначаемым одним и тем же словом «миссия», является прогностическая направленность: когда разговор заходит о миссии, то всегда возникает образ предзаданного будущего, и вопрос о природе этой предзаданности и предопределенности самым тесным образом связан с традиционным пониманием миссии и миссионерства, а также с механизмами прогнозирования. Последняя завершенная книга А. С. Панарина, которую можно считать его завещанием, так и называется: «Глобальное прогнозирование в XXI веке». Как определил ее особенности сам автор, она являет собой не очередной «исторический проект» из жанра утопической инженерии и не является антиутопией, а вписывается в русло сценарного политического прогнозирования. При этом Панарин поставил фантастически сложную задачу — постичь смысл и миссию нового столетия в тот момент, когда оно уже *предопределено* великим множеством уже свершившихся роковых событий, в том числе и еще не осознанных, не проявленных, но уже наложивших печать на будущее, катастрофически сузив возможности для полноценного развития грядущих поколений. Это еще неясно современникам, но откроется потомкам во всей полноте. Вместе с тем будущее и *предопределяется*, то есть оставляет шанс современникам по-иному распорядиться природным и культурным наследием, минимизировав уже накопленные риски и максимально раскрыв потенциал нереализованных сценариев, которые пока представляются утопиями.

Панарин обращается через головы поколений к тому рубежному, которому суждено будет осмыслить итоги эпохи, когда она делает первые шаги, способные стать роковыми: «Это последнее поколение, сегодня отделенное от нас целым столетием, является, может быть, нашим главным собеседником: именно оно подивится нашей свободе — ведь оно, а не мы, станет пленником наших решений — и нашей слепоте. В этом отношении оно будет походить на нас, переживших трагедии XX века. Разве мы не дивимся слепоте тех, кто развязал хаос Первой мировой войны, перечеркнувшей лучшие ожидания поколения, встретившего зарю XX века? Разве мы не хотели бы получить ту свободу, которую еще имели они до принятия рокового решения, — свободу иначе-возможного? Мы стали заложниками их авантюры, сделавшей трагический ход со-

бытий необратимым. И вот оказывается, что мы выступаем для наших потомков в той же роли — делаем их заложниками нашей трагической слепоты, нашего нетерпения, нашей безответственности. Разумеется, ситуацию можно «анализировать», сославшись на то, что каждое поколение является заложником поступков и решений предшествующих, и если называть это драмой, то это драма не новой истории как таковой, а драма человеческого бытия вообще»¹⁵.

Суть нашей миссии — преемственность во всех без исключения сферах жизнедеятельности, требующая самоотречения, но кто же способен установить границы собственной воле и наложить добровольные табу на собственные помыслы и желания? Кто готов признать, что всякое завоевание имеет свою цену, которую легче переложить на потомков? И кто будет задумываться над тем, что поддержание устойчивости его системы сопряжено с перенапряжением множества сверхсложных систем, о которых мы не задумываемся, хотя их способность к самовоспроизводству тоже имеет свои границы? По словам А. С. Панарина, XXI век едва стартовал, а уже был окрещен как стратегически нестабильный — то есть непредсказуемо пертурбационный в самых существенных моментах. «Обычно образ века, — рассуждает Панарин, — складывается после того, как он истек».

Из сказанного явствует, что уровень и глубина понимания миссии непосредственно зависят от механизмов самоидентификации и ее воспроизводства в новых поколениях, а следовательно, от отношения к традициям и традиционализму. Традиционализм — это, прежде всего, тяжкие пути, сковывающие творческую фантазию в любых сферах деятельности, в том числе и в области политики. И действительно, трудно принимать политические решения, постоянно помня, к примеру, о собственной цивилизационной принадлежности — о скрижалях Закона, написанных «перстом Божиим», или о том, что нельзя, как подметил Ф. Бэкон, «разбивать одну скрижалью о другую и в заботах о христианах забывать, что они также и люди»¹⁶.

¹⁵ *Панарин А. С.* Православная цивилизация... С. 578. (В этой книге опубликованы две последние монографии А. С. Панарина, поскольку они связаны общей логикой и именно в них наиболее полно раскрывается цивилизационная миссия России.)

¹⁶ *Бэкон Ф.* Сочинения в двух томах. Т. 2. — М., 1978. — С. 360.

Еще больше «мешает» груз многовековых традиций, память об обязательствах перед собственными народами, соотечественниками и историческими союзниками. Сковывает политиков и чувство ответственности перед уходящими и ушедшими поколениями, которые создали и защитили государство. Тяжело, видимо, думать одновременно и об ускоренной распродаже еще доступных ресурсов, за счет которых поддерживается жизнеспособность «энергетической сверхдержавы», и о долге перед гипотетическими потомками, что, собственно, и делает жизнь потомков гипотетичной. В такой ситуации куда *легче* принимать решения, идущие вразрез с традиционализмом, заменив мотивацию абсолютного должностования, характерную для «старых» политических идеологий, на голый прагматизм.

Такой эклектический прагматизм, прижившийся на почве современной политики, с одной стороны, не вызывает резкого отторжения, а с другой стороны, внешне действительно похож на политическую философию и даже повсеместно изучается как вполне респектабельное ее направление. Но чем органичнее «стеснительный прагматизм» (выражение А. С. Панарина) входит в политическую жизнь, тем быстрее и без всякого «стеснения» вытесняет он своих конкурентов — основные направления политической философии, требующие от их адептов хотя бы минимальной ответственности за отдаленные последствия принимаемых решений. В результате он вытравляет из сознания человека и из его деятельности, в том числе политической, интеллектуальную рефлексию, готовность к долгосрочному планированию и прогностике, поиск предельных оснований и саму потребность в философском осмыслении происходящего, в конфессиональной и цивилизационной идентичности. Как точно подметил Р. Рорти, «на публичной сцене основной общественной и культурной функцией этого движения было стремление прорвать корку конвенции, поддержать скорее восприимчивость к новому, чем привязанность к старому и, в особенности, стряхнуть с нации религиозную культуру, с которой она началась и которая до сих пор пронизывает всю ее публичную жизнь»¹⁷.

¹⁷ Рорти Р. Прагматизм без метода // Логос. — 1996. — № 8. — С. 155.

В результате подобного «страхивания культуры» временной горизонт планирующего политического мышления укорачивается на порядки, а ощущение миссии испаряется вовсе. Это избавляет политиков от потребности и даже от способности видеть и сопоставлять масштабы исторических явлений. «Короткая история», таким образом, органично дополняется политической близорукостью и установкой на «короткие деньги» в экономике, на превращение экологической политики, к примеру, в поле конкурентной борьбы ведущих корпораций, навязывающих новые экостандарты не для снижения «теплого слива», а для разорения конкурентов. Политика измеряется теперь, прежде всего, «производством» политических событий, вызывающих и провоцирующих, по мысли А. С. Панарина, нестабильность. Поэтому речь идет о целенаправленном *«производстве нестабильности»*, что характеризует геополитику в XXI веке и срывает стратегию и нестабильность, открывая широкие возможности методологии «управления хаосом». Это вступает в роковое противоречие с основными функциональными целями политики, которыми были и остаются природосбережение и народосбережение. Именно эти функции политической деятельности расширяют историческую перспективу политического планирования и прогнозирования на столетия и тысячелетия, возвращая в стратегию миссию.

Казин Александр Леонидович

*доктор философских наук, профессор,
научный руководитель Российского
института истории искусств*

ТЕХНОЛОГИИ ЗЛА И РУССКИЙ ВЫБОР

Аннотация. Статья посвящена взаимодействию духовных ценностей и технологий цивилизации в условиях современной Европы и России. Не экономика, вопреки Марксу, является базисом культуры, а, наоборот, духовная жизнь и культура являются базисом экономики, государства и цивилизации вообще. Культура — это сфера смыслов, а религия — это область идеалов, эти смыслы определяющих. На Западе в ближайшие десятилетия возможно наступление жесткого «сетевого тоталитаризма», то есть нового мирового порядка, построенного именно на всеобщей относительности горизонтальных «пустых мест» духовного пространства. Старомодное различение ценностного верха/низа может быть заблокировано спекулятивными финансово-семиотическими играми, идеально встраивающими человека в игровую социально-компьютерную систему. В России ситуация иная. В отличие от Запада, в основном уже определившегося, и в отличие от Востока, которому в известном смысле не надо определяться (ритуал всегда равен себе), России как срединной цивилизации материка, сочетающей в себе динамику Европы и устойчивость Азии, постоянно приходится делать судьбоносный выбор между восхождением и нисхождением, между классикой, модерном и постмодерном. Россия еще открыта для Бога.

Ключевые слова: *религия, культура, технология, добро, зло, атеизм, модерн, постмодерн.*

Kazin Alexander Leonidovich

*Doctor of Philosophy, Professor,
Scientific Supervisor of the Russian Institute of Art History*

EVIL TECHNOLOGIES AND RUSSIAN CHOICE TECHNOLOGIES OF EVIL AND RUSSIAN CHOICE

Abstract. The article is devoted to the interaction of spiritual values and technologies of civilization in the conditions of modern Europe and

Russia. Not the economy, contrary to Marx, is the basis of culture, but, on the contrary, spiritual life and culture are the basis of the economy, the state and civilization in general. Culture is the realm of meanings, and religion is the realm of ideals that determine these meanings. In the West, in the coming decades, the onset of hard “network totalitarianism” is possible, that is, a new world order built precisely on the general relativity of horizontal “empty places” of spiritual space. The old-fashioned distinction of value top/bottom can be blocked by speculative financial-semiotic games that ideally integrate a person into a game social-computer system. In Russia the situation is different. Unlike the West, which has basically already made up its mind, and unlike the East, which in a certain sense does not need to be determined (the ritual is always equal to itself), Russia, as a middle civilization of the mainland, combining the dynamics of Europe and the stability of Asia, constantly has to make a fateful choice between ascent and descent, between classic, modern and postmodern. Russia is still open to God.

Keywords: *religion, culture, technology, good, evil, atheism, modern, postmodern.*

Почему в мире бурлят — или назревают — «цветные» («оранжевые», «желтые», «розовые», «голубые», «черные», «серо-буро-малиновые») революции? Чего хотят все эти «раскованные» юноши и девушки — то в Алжире и Ливии, то в Иране и Ираке, то в Сербии и на Украине, то в Белоруссии, то — удивительно сказать — в самих США? Существует шутка, что в США не может быть «цветных революций», потому что в Вашингтоне нет американского посольства. 2020 год показал, что это не совсем так. Причины подобных революций не столько политические — они цивилизационные. Как выразился в свое время бывший чернокожий президент Америки Обама, вопрос в том, кто на правильной стороне истории. И, похоже, что «продвинутая» (читай — либеральная) часть населения этой планеты окончательно утвердилась в мысли, что главное на свете — это *свобода*. Вопрос только в том — свобода *кого*?

Проходя недавно по Летнему саду, я услышал, как один молодой человек лет пяти, стоя около копии античной статуи Дианы, спросил у своей мамы: «Мама, а это из какого мультика?»

Мама затруднилась с ответом.

Я тоже задумался. Рассказать малышу о подвигах Геракла и вообще о мифах древней Греции? Но мультики нынче повествуют совсем о другом. Как и вообще интернет, в котором нынешние дети «сидят» как раз примерно с пятилетнего возраста.

О чем же эта мировая сеть повествует?

Если сказать коротко — об эресе, танатосе и конце света. Технологии формирует мир по образу и подобию своего хозяина. Причем формирует почти тотально — за теми исключениями, которыми подтверждается правило. Старик Фрейд улыбается со своей трубкой. Как в воду глядел, обнажив нутро грешного человека. Правда, ему пришлось-таки прикрыть это змеиное нутро фиговым листком своего *super ego* — все-таки еще самое начало XX века было, сравнительно вегетарианские времена.

Сегодня вещи называют своими именами. Собственно, их просто показывают, особенно детям, юношам и девушкам. 24 часа в сутки мировая сеть выбрасывает терабайты информации, половину из которой (это подсчитано) составляет порнография. Та самая, которую раньше подсовывали из-под полы где-нибудь на базаре или в сомнительных компаниях. Менее грубая, но более опасная, глубинная. Теперь это социальная НОРМА. Детская порнография, вроде бы, запрещена, а вот взрослая — да сколько угодно. Питайся ею, детская и взрослая душа.

То же самое — насилие. Убей его, иначе он убьет тебя. Чудовища — двурогие и шестиногие — лазают/летают по свету, как его хозяева. Американский человек-паук — любимый герой миллионов. Он хороший, говорят дети. Неважно, что паук. Сформирована целая фаланга монстров неведомых названий и очертаний. Все они «колят, рубят, режут». Главное — победа! Недавно видел сюжет, как подростки лет 15-ти скрытно протягивают на детской площадке тонкую, почти невидимую леску — специально для того, чтобы какой-нибудь малыш на бегу порезал себе глаза. Милые детки. В сентябре 2020 года ФСБ арестовала 13 подростков, планировавших в разных городах взрывы на торжественных линейках в школах и уже изготовивших соответствующие бомбы. Правительству специальным указом пришлось запрещать АУЕ — уголовную, в прямом смысле слова, молодежную идеологию: «арестантский устав един».

А вот и конец света. В подростковом сегменте сети это самый «хайп». «Однаво живем» — это в прошлом. Сегодня круче: «живи

быстро и умри молодым!» Полузакрытые (только для своих) сайты учат «ласковой смерти» — от прыжков с крыш для девушек до тяжелых наркотиков для юношей. Оккультные группировки под разными слоганами предлагают красивую смерть — отказ от священного дара жизни ради черной дыры антибытия. Собственно, это и есть **антицерковь для молодежи**, со своим тщательно разработанным словесно-музыкальным оснащением. Тяжелый рок — пляска темных пламён. Я уже не говорю про рэп, особенно про рэп-баттлы с уничтожением противника обценным словом, которое есть не что иное, как молитва сатане. Один псевдоним «Гнойный» чего стоит! Гнойное слово (движение, жест) царит сегодня на улице, на радио, на сцене и, разумеется, в сети. Инволюция НОРМЫ идет со скоростью самолета. Я лично помню времена, когда девушки матерных слов не произносили. Совсем недавно было.

На просвещенном Западе дело обстоит серьезнее. Если на Руси *знают, что грешат*, то тамошние либералы — особенно университетские профессора — искренне полагают, что *так можно и даже нужно*. Прогресс — это возрастание свободы! Нет Бога, нет традиции, нет нации, нет пола, нет Родины. Есть права человека! Радужный флаг — победитель небесного деспотизма. Рационализм — самодостаточный конечный человеческий рас­судок — **не различает ценностей**. Как гениально предвидел Достоевский, «свобода, свободный ум и наука заведут их в такие дебри и поставят пред такими чудами и неразрешимыми тайнами, что одни из них, непокорные и свирепые, истребят себя самих, другие, непокорные, но малосильные, истребят друг друга, а третьи, оставшиеся, слабосильные и несчастные, приползут к ногам нашим и возопиют к нам: «Да, вы были правы, вы одни владели тайной, и мы возвращаемся к вам, спасите нас от себя самих». Недавно президент Франции Макрон — кажется, по поводу какого-то юбилея расстрела исламскими радикалами редакции журнала «Шарли эбдо» — гордо заявил, что каждый француз имеет право на богохульство. Это же прямо цитата из Великого Инквизитора: «О, мы разрешим им и грех, они слабы и бессильны, и они будут любить нас как дети за то, что мы им позволим грешить». Я вспоминаю при этом многотысячные толпы на улицах города Парижа в январе 2015 года — с обнявшимися премьерами почти всех европейских стран во главе — громко кричащих:

«Мы все — Шарли!». В переводе на человеческий язык: «Мы все богохульники!».

Это цивилизация? Нет, это варварство. Причем варварство вторичное, постцивилизационное, наступившее после всеобщего торжества космополитизма/атеизма/либерализма (КАЛа). Если задуматься о функциональных корнях происходящего в XXI столетии возврата к Хаосу, то придется признать, что это вторичный Хаос — в сущности, *искусственный* продукт, инвольтация онтологически темных (нисходящих) энергий. На наших глазах разворачивается полномасштабный *инферногенез* — в Европе, Америке и отчасти в России. Дело тут не только в транснациональных корпорациях, снимающих любые границы — от географических до моральных — для своих капиталов. Дело в исходных ценностных установках владельцев этих корпораций, полагающих подобную ликвидацию необходимой и успешной. Не экономика, вопреки Марксу, является базисом культуры, а наоборот, культура является базисом экономики, государства и цивилизации вообще. А базисом культуры и цивилизации является религия. **Цивилизация, культура и технология — это то, что вокруг культа** (П. Флоренский). *Культура — это сфера смыслов, а религия — это область совершенств и могуществ, эти смыслы определяющих.*

Если капитализм как таковой возник вопреки христианству («раздай свое богатство, богатый юноша, и следуй за Мной», не говоря уже о запретном ссудном проценте), то посткапитализму и вовсе ничего не стоит продать свою душу князю мира сего. **В сущности, в XXI веке мы встречаемся с глобальной империей/цивилизацией зла, ядро которой находится в виртуале, но культурное и технологическое оснащение которой представлено на всех уровнях современного информационного космоса. Ее своей волей — сознают они это или нет — творят свободные носители люциферианского выбора в истории. Якобы расовые протесты в Америке поддерживают сегодня отнюдь не только черные — их организаторами вступают как раз белые, но только с прическами зеленого, желтого и красного цветов:** типично постмодернистская практика «означающего без означаемого». Таковы **сетевая** интеррелигия и интеркультура («сетература»), в экуменическом культе которых в принципе снимается различие между полетом и падением, ангелом Божьим и Люцифером. Виртуальная реаль-

ность электроники — это жесткое дисциплинарное поле производства человеческой «инфомассы» («видиотов»), находящейся под строгим контролем анонимного сетевого антицерковного управления. Применительно к постмодернистским информационным и художественно-культурным сетям можно выделить даже некий «императив горизонтальности: «символические структуры типа «высшее/низшее» заведомо кодированы как скомпрометировавшие себя, как не работающие; апелляция к ним расценивается как дурной вкус и обречена на поражение» [1]. Таков ныне глобальный **художественно-политический перформанс**. Эстетика политики в информационном обществе важнее политической экономии: первая управляет второй.

Задумываясь о будущем подобного культурного **строя**, можно предположить следующее. Уже в ближайшие десятилетия возможно наступление жесткого «сетевого тоталитаризма», то есть нового мирового порядка, построенного именно на всеобщей относительности горизонтальных «пустых мест» цивилизационного пространства. Старомодное «дурновкусие» различения ценностного верха/низа может быть окончательно заблокировано спекулятивными финансово-семиотическими играми, идеально встраивающими человека в игровую социально-компьютерную систему. Иначе говоря, возможна **тотальная демонизация постхристианского мира**, предсказанная такими мыслителями, как К. Н. Леонтьев, О. Шпенглер, Х. Ортега-и-Гассет, Р. Генон и др. — тотальное духовное раскрытие «мирового яйца» снизу для беспрепятственного воздействия на него inferнальных сил. В перспективе подобная социальная архитектура крайне неустойчива. **Постмодернистская цивилизация** находится в плену у своих **неклассических технологий**, это пиррова победа прометеевско-фаустовского **проекта**. Глобальный Фауст получит в XXI веке своего Мефистофеля — но уже не вальяжного господина, как в величественном сочинении Гете, а трансгуманистического киборга, в котором будет смоделирован люциферианский выбор, сделанный либеральной элитой Запада к XXI столетию. Антихристианская цивилизация вошла сегодня в гедонистическую фазу своей истории, предвещающую в обозримом будущем гностическую «культуру смерти» и последующий за ней суд [2]. На улицах уже чувствуется нечистое дыхание поколений, занятых в своей короткой жизни исключительно «флешмобами», обрекающими на гибель любую вертикальную социальную

иерархию и дисциплину. Наукам, искусствам и государствам — конец. Прощайте, классические филармонии и психологические театры. За гомофилами пойдут педофилы, за педофилами — зоофилы, потом еще какие-нибудь «филы». И верховные суды признают их человеческие права. Последними пойдут людоеды и съедят председателя верховного суда. Храмы будут сожжены (Собор Парижской Богоматери — не единственный пример), христиане, как в Риме, уйдут в катакомбы, а на бывших стадионах развернутся гладиаторские бои. Все кончится антропофагией и войной всех против всех — Достоевский и это предвидел.

Что касается России, то здесь еще *«бабушка надвое сказала»*. В отличие от Запада, в основном уже определившегося, и в отличие от Востока, которому в известном смысле не надо определяться (ритуал всегда равен себе), России как срединной цивилизации материка («хартленд»), сочетающей в себе динамику Европы и устойчивость Азии, **постоянно приходится делать судьбоносный выбор между восхождением и нисхождением, между классикой, модерном и постмодерном**. Россия еще открыта для выбора Бога. Либералы у нас надеются на то, что траектория прогресса ведет мир от низших форм к высшим, чтобы однажды привести его в совершенное состояние — к «концу истории» по Фукуяме. Это как раз то состояние, когда преступление будет объявлено нормой, а норма — преступлением. В отличие от них, теоретик консервативной революции А. Г. Дугин предлагает, наоборот, «запрячь в историческую работу» сам постмодерн, подобно тому как древние богатыри заставляли пахать землю Змея Горыныча, — принять вызов постмодерна, стремясь освоить его формальную структуру, с готовностью поместить в чудовищный язык глобализации радикально иное содержание, уходящее корнями в глубины премодерна, в Традицию. Это значит не просто отстаивать старое, но отстаивать Вечное» [3]. Вряд ли такая стратегия имеет шансы на успех в постхристианском контексте, но в России она имеет шанс по мере ее включенности в сохранившееся наследие православия, отвергающего как *хилиастический оптимизм (утопическую веру в прогресс)*, так и устрашающую *трансгуманистическую эсхатологию*. История предстает противоречивой борьбой двух неравных, но огромных могуществ. Ее **финальный** смысл лежит за пределами мира сего, и он во всей полноте откроется только после его конца. Прав ита-

льянский мыслитель Джордж Манганелли, когда устами одного из своих персонажей говорит, что мы не замечаем, что конец света уже наступил, поскольку сам этот конец «порождает некоторое время, в котором мы пребываем, и это время исключает для нас опыт конца» [4].

Еще радикальнее выказываются некоторые современные петербургские «фундаменталисты». В романе П. Крусанова «Голубь белый» основные персонажи — художники, ученые, философы, музыканты — в финале как бы держат ответ перед Богом (вернее, перед его посланцем желтым *зверем*) за то, как они жили и что творили. Оправдания бесполезны: Зверь всех убивает. Но характерны сами эти оправдания. В них звучит сомнение в праве и даже необходимости бесконечного (в плане гегелевской «дурной бесконечности») *творчества* перед лицом Абсолюта, и уж, во всяком случае, не остается не только модернистской гордыни, но даже и постмодернистской игры. «Я так и думал, так и жил», — говорит главный герой. «Стремился не соперничать с Творцом, а претворять с Ним вместе замысел, прислушиваясь к изначальной ноте, чтобы случайно не слажать, не осквернить тональность и тоже сделать красоту... Все уже создано, и в этом рае просто нужно было жить, не отделяясь от него дурным умом и порожденной в муках творчества помойкой. Все, что портачит соблазненный разум, — скверна» [5]. В эпилоге романа герои все-таки «воскресают» — правда, совсем в других оболочках и в других мирах, но это уже произвольная авторская «отмазка»: основной сюжет заканчивается аннигиляцией.

Так или иначе, роман «Голубь белый» разворачивает перед читателем картину *завершения вавилонской башни атеистической цивилизации*. В качестве альтернативы писатель предлагает смерть и трансцендентное воскрешение героев, отказавшихся играть в постмодерн, то есть в *игру с нулевой суммой, игру в ничто*. Так «модернизм, достигший стадии постмодерна, от апологетики всего изменчивого, инновационного перешел к апологетике виртуального. Виртуальные игры выступают высшей и последней стадией развития модерна как идеологии «неустанных перемен». Перед современным человечеством стоит выбор: либо оно, азартно «заигравшись» с виртуальным, окончательно разлучит себя с космосом (точнее, с Богом. — А.К.) и устремится к самоликвидации, либо на новом витке вернется к великой традиции,

а вместе с нею — к реальному миру и к реальной ответственности перед ним» [6]. В России пока есть возможность это сделать. Надо только ясно сознавать, что это будет именно НАШ ВЫБОР, а не какая-либо необходимость, навязанная людям извне — чем-нибудь вроде «чипизации», «зеленых человечков» или гостями с Марса. Значительная часть люциферианской элиты — научной, художественной, философской — посвятила сегодня свой талант самоликвидации человека, и уже давно справилась бы с ним, если бы это зависело только от нее. Однако, как писал тот же А. С. Панарин, история — слишком серьезное дело, чтобы доверять ее только человеку. Своеобразие отечественной цивилизации проявляется в *состязательности*, конкуренции и даже борьбе между собой указанных установок творческого и нигилистического сознания, в то время как в современной Америке и Европе, например, они — во всяком случае, до 2020 года — коммерчески (путем символического обмена) сосуществовали. Не исключено, что коронованный вирус послан нам для того, чтобы не дать возможности глобализму (читай — пошлейшему американизму) подмять под себя остальной мир, заменив его пестротой национальных консерватизмов. Россия, по всей вероятности, найдет себе место в новом многополярном («постковидном») мире, особенно если Китай, Индия и Ислам помогут ей в этом. Не исключено также, что Господь своей всемогущей волей закрыл (возможно, на время) для части деградировавшего человечества дальнейшие пути познания твари, чтобы не дать ему с помощью новейших технологий превратиться в грешного Бога (то есть поддаться все-таки древнему адамову искусу). Может поэтому дети уже книг почти не читают, а смотрят мультики?

Впрочем, скоро мы это узнаем.

Литература

1. Матвеева А. Пустые места: топография // «Культурология как она есть, и как ей быть». Международные чтения по теории, истории и философии культуры. Вып. 5. — СПб., 1998. — С. 168.
2. Неклесса А. И. Мир индиго. Эпоха постмодерна и новый цивилизационный контекст. Доклад на семинаре «Контурь эпохи постмодерна: новый цивилизационный контекст. Россия в Новом мире» при Отде-

лении общественных наук Российской академии наук. 27.03.2008.
Текст: электронный.

3. *Дугин А. Г.* Геополитика постмодерна. – М., 2009. – С. 50.
4. Цит. по: *Агамбен Дж.* Оставшееся время. Комментарий к Посланию к римлянам / Пер. с итал. – М., 2018. – С. 95–96.
5. *Крусанов П.* Ворон белый. История живых существ. – СПб., 2012. – С. 212.
6. *Панарин А. С.* Русская культура перед вызовом постмодерна. – М., 2005. – С. 47–48.

Пластова Татьяна Юрьевна

кандидат филологических наук, доцент,
заведующая кафедрой гуманитарных наук МГАХИ
имени В. И. Сурикова, профессор

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ ДОМИНАНТА НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ИСКУССТВЕ

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы национального самосознания в контексте исторических событий XX века — Великой Отечественной войны и Победы. Автор проводит параллели между процессами в идеологии и культуре, возникшими в результате побед в отечественных войнах 1812 и 1941–1945 гг. Процессы в изобразительном искусстве военного и послевоенного периода рассматриваются на примере творчества одного из выдающихся художников XX века — А. А. Пластова в контексте исторической и культурной ситуации этого периода. Достижения и проблемы искусства и культурной политики послевоенного периода сопоставлены с современной ситуацией в культуре и проблемами национальной идентичности сегодня.

Ключевые слова: национальное самосознание, Великая Отечественная война, А. А. Пластов, «Фашист пролетел», «Сенокос», «Жатва», «Биеннале ди Венеция», идентичность, кризис.

Tatiana Plastova

Candidate of Philology, Head of Humanitarian department
of Moscow State Academic Art Institute named
after V.I. Surikov, professor. plastov@mail.ru

THE GREAT PATRIOTIC WAR AS A HISTORICAL DOMINANT OF NATIONAL CONSCIOUSNESS AND MODERN PROBLEMS OF NATIONAL IDENTITY IN ART

Abstract. The article deals with the problems of national identity in the context of the historical events of the twentieth century — the

Great Patriotic War and Victory. The author draws parallels between the processes in the ideology and culture that arose as the result of the victories in the patriotic wars of 1812 and 1941–1945. The processes in the visual arts of the war and post-war period are considered on the example of the work of one of the outstanding artists of the twentieth century — A. A. Plastov in the context of the historical and cultural situation of this period. The achievements and problems of art and cultural policy of the post-war period are compared with the current situation in culture and the problems of national identity today.

Keywords: *national identity, the Great Patriotic War, A. A. Plastov, «The fascist flew by», «Haymaking», «Harvest», «Biennale di Venezia», identity, crisis.*

Роль Великой Отечественной войны и Победы как мощного импульса, сформировавшего новое национальное самосознание, импульса, активизировавшего лучшие творческие силы народа в литературе, науке, искусстве, утвердившего силу и значимость народа и его право на лучшую жизнь — не исследована до конца историками, не осмыслена обществом.

Здесь уместна параллель с победой над Наполеоном в 1812 году, определившей вектор духовной и культурной жизни страны на последующее десятилетие, ставшей творческим импульсом эпохи, источником истинного, не приказного патриотизма. (Не случайно обе войны были названы Отечественными). Эти чувства выразил В. А. Жуковский в стихотворении «Певец во стане русских воинов»:

*Отчизне кубок сей, друзья!
Страна, где мы впервые
Вкусили сладость бытия,
Поля, холмы родные <...>
Что вашу прелесть заменит?
О родина святая,
Какое сердце не дрожит,
Тебя благословляя?*

И Пушкин, певец свободы, переживший войну юным лицеистом («И в сень наук с досадой возвращались, / Завидую тому, кто умирать / Шел мимо нас...»), в своем великом послании «19 октября» напишет о царе-победителе Александре I:

*Он человек! им властвует мгновенье.
Он раб молвы, сомнений и страстей;
Простим ему неправое гоненье:
Он взял Париж, он основал Лицей!*

Последствием процесса неуклонного роста национального самосознания стало и декабристское движение. (Именно эта логика исторического процесса отражена в романах Л. Н. Толстого «Война и мир» и «Декабристы».) И именно Толстой, великий пацифист и гуманист, считавший, что война есть «противное человеческому разуму и всей человеческой природе событие», сделал идеи национального единения, «мысль народную» художественной и смысловой доминантой своего романа.

Художник А. А. Пластов вслед за Толстым считал войну величайшим бедствием. Задолго до войны, в 1936 году, как бы предчувствуя грядущие события, он делает эскизы на тему «Проводы» («Мобилизация»), построенные на контрасте бодрой постановочной сцены официальной церемонии и внутренних драматичных локальных композиций, отражающих действительные чувства героев. «От толпы отделяется автомобиль — грузовик с новобранцами, мальчишка бежит за ним позвать руку одному. Парни пляшут под гармонь, прочие машут шапками и пр. Один, нагибаясь, что-то передает старухе-матери. В толпе ребятишки, бабы, девки, парни, старики. Позади башка лошади, за дугой — фигура выше прочих — предполагается на санях. Кто машет рукой, шапкой, кто смеется, кто смотрит серьезно. На переднем плане справа в углу парень пожимает руку немного беременной жене, надо думать, она вот-вот заплачет. Он смотрит на нее последним взглядом, тем самым, когда слегка улыбаешься, а сердце умирает. Старик за ним курносый с лысым лбом, как фавн, сдерживает напуганную фырканьем рванувшегося грузовика лошадь, машет шапкой. На помосте над ним — красноармейцы, рабочий и высокий, чудесный, смуглый мужик в тулупе, держа шапку в руке, смотрят на отъезжающих. Над ними — кусок уходящего за раму тяжелого бархатного знамени. Небо, и снег, и все. Впечатление дает сильное и цельное» [1]. Проблема трагического несовпадения чаянной судьбы отдельного человека с задачами, которые история ставит перед народом, нацией, явно волновала здесь художника.

Задача объединения людей в народ, осознание потребности в новых источниках духовных сил перед лицом смертельной опасности осознавались, по-видимому, и советскими идеологами. Уже в первые дни фашистского нашествия руководству страны стало ясно, что ни коммунистические лозунги, ни новый внешнеамериканский, внеконфессиональный патриотизм и даже ни ужас тоталитарных репрессий неспособны поднять «дубину народной войны», побудить народ, обескровленный коллективизацией и репрессиями, противостоять врагу в смертельной схватке. «Братья и сестры» — эти слова Сталина были обращены к потаенным глубинам национального сознания, и оно отозвалось. Именно в войну впервые за годы новой власти открывались заключенные православные храмы, было восстановлено патриаршество.

«О всеобщем повороте художников к национальному говорить почти не приходится — это слишком понятно и ясно, — напишет искусствовед В. И. Костин своему другу, художнику А. А. Пластову, — но так как этот поворот воспринимается и направляется, например Комитетом или Ал. Герасимовым, и вообще, как он бытует в официальных выступлениях, это мало имеет общего с тем, к чему тянет большинство художников...

И передо мной предстала сложная красивая душа русского искусства, ничего общего не имеющая, с одной стороны, с той пошлостью, которую проповедуют о ней Герасимовы и Яковлевы, с другой стороны, с тем пренебрежительным похлопыванием по ее плечу, до которого снисходят теперь наши западники, вроде Осмеркина, Татлина, Аронова, Волковой».

«Нас не удовлетворяет, — продолжает в том же письме Владимир Иванович, — существующее состояние искусства. Мы видим, как далеки мы от подлинного, настоящего творчества. Помимо множества общих и внешних причин, которые привели нас к этому состоянию (один РАПХ чего стоит!), существует одна причина, и она, если хочешь, трагична. **Это потеря психологических основ творческой деятельности художника.** Все, что в прошлом создавалось замечательного, все вытекало из какой-то приподнятости, особенной внутренней жизни художника, которую он охранял, оберегал от быстро текущих событий внешней жизни, постоянно развивал и обогащал ее. **Ведь все лучшее в искусстве рождалось в результате абсолютно потрясенной до корней волос души, когда художник или должен выразить это потрясение, не**

считаюсь абсолютно ни с чем, или умереть. Только это в искусстве что-нибудь и стоит, что вытекает свободно и искренне, от самой души, не продиктованное никакими меркантильными интересами, модой, расчетом или произвольными претензиями. Полная и абсолютная искренность — это закон искусства» [6].

«Абсолютная потрясённость души» пронизывает все военные картины Пластова. Уже в июле 1941 года он пишет картину «Немцы идут» («Подсолнухи») (илл. 1), где мир и война сливаются воедино, создавая одновременно страшную и живописную, яркую картину бытия. «Писал я ее, очень волнуясь. Я представлял себе эту трагедию очень ясно, как будто все это совершается перед моими глазами. Было тогда чудесное лето, все было такое свежее, рослое — подсолнухи в сажень высоты. И вот я представил себе, как все это горит, трагически нелепо ломается, цветущая земля засыпается пеплом, ясный воздух застилает гарь. Я сделал много этюдов — все хотелось написать так, чтобы было солнце, свежая зелень, гарь и пожарище, и среди всего этого родные люди, смелые и непреклонные» [8].

Картина «Немец пролетел» (авторское название впоследствии было заменено на «Фашист пролетел») (илл. 2) — самая известная и пронзительная картина Пластова. Художник писал ее всего пять дней осенью 1942 года (позднее художник напишет еще три ее повторения). Пейзажная поэтика этой работы связана с русской живописной традицией (И. Левитан, В. Серов), а семантика — с нестеровским шедевром «Видение отроку Варфоломею».

Знакомство Пластова с М. В. Нестеровым состоялось незадолго до войны — весной 1941 года.

Пластов живет с мыслью о Нестерове, обращается к его работам. Кажется, особо — к «Видению отроку Варфоломею» (илл. 3). Нестеровский отрок — будущий Сергей Радонежский — получает из рук старца-черноризца частицу просфоры в знамение благодати Божией и разумение Святого Писания. Это символ духовного возрождения, знаменующий надежду на будущее, воскрешающий торжество святого сплочения народа.

Написание осенью 1942 года картины «Немец пролетел» почти мистически совпадает с уходом М. В. Нестерова (он скончался 18 октября 1942 года).

Картина наполнена нестеровской поэтикой: и образ мальчика-пастушка, и пейзаж, и вырастающий из него эпический образ

Родины... Пластов — удивительно точный в деталях — словно цитирует фрагменты нестеровского полотна, помещает на первом плане молодые сосенки, оброненный кнут, ассоциирующий с конной упряжью в руках отрока Варфоломея...

В контексте «Видения отроку Варфоломею» пластовская картина приобретает еще более страшный и высокий смысл.

«Осень тогда у нас стояла тихая, златотканая, удивительно душевная, теплая. Я люблю осень, всегда испытываю в это время страшно приятное особое состояние творческого возбуждения. И вот шло что-то непомерно свирепое, невыразимое по жестокости, что трудно было даже толком осмыслить и понять, даже при большом усилии мысли и сердца, и что неотвратно надвигалось на всю эту тихую, прекрасную, безгрешную жизнь, ни в чем не повинную жизнь, чтобы все это безвозвратно с лица земли смести, без тени милосердия вычеркнуть из жизни навек...» [12, 15].

В ноябре 1943 года полотно висело в залах советского посольства в Тегеране во время проведения совещания глав трех великих держав — СССР, США и Великобритании, где решался вопрос об открытии второго фронта.

Сразу же после решения об отправке картины в Тегеран Пластов получает заказ написать ее повторение (находится в собрании Государственного Русского музея в Санкт-Петербурге).

Гуманистические смыслы искусства Пластова становятся очевидными именно в военные годы. Он почти не изображает военных действий регулярной армии (исключением можно считать картину «Один против танка» 1941 года), не пишет портретов военачальников, парадов (как это блестяще делали А. Дейнека, К. Юон, П. Д. Корин). Темой его военных картин стало то, как переживал войну народ. Он сам воспринял ее так, как еще с древнейших времен воспринимали русские люди нашествие неприятеля, — как великую народную беду и как общее дело.

В том же 1942 году Пластов создает одну из самых удивительных и смелых своих работ — «Защита родного очага» (местонахождение неизвестно). На холсте воплотился мощный выплеск энергии, неистовая страсть людей, стоящих на последнем рубеже.

Разбросанные по комнате вещи — сундук, стол с резными ножками, стулья, зеркало — предметы интерьера прислонишенского дома Пластова. Впервые в работе, предназначенной для офи-

циальной выставки, художник пишет красный угол с образами. Но не иконы испугали цензоров выставочного комитета.

«Узнаю, что Храпченко¹ что-то сказал о типаже Николая Волкова. Эта дивная голова показалась ему чрезмерно экспрессивной. Лакеи, всегда окружающие в таких случаях господина, засуетились и, хотя все отдавали должное замыслу и исполнению, решено было поставить ее в филиал...» [2].

В переломный год войны художник пишет картины с обнаженными женскими телами — «Трактористки» (1943–1944) (илл. 4) и «Суббота» (1943–1944) (илл. 5).

Тогда же зарождается замысел будущей «Весны». Сюжет картины «Трактористки», казалось бы, бытовой: разгоряченные работой и жарой женщины (в отсутствии мужчин они сели за руль трактора) раздеваются, чтобы искупаться. Художник с достоверностью изображает раскаленную железную машину — трактор ХТЗ, словно акцентируя нестерпимость тяжелого труда, жары и как бы противопоставляя этому изначальные животворящие смыслы: воды, света, неба, женского тела. Пластовские «Трактористки» задумывались как утверждение жизни в противовес беспощадным реалиям войны, как надежда на будущий мир, счастье, любовь.

«Главное, — писал художник накануне победы, — это сообщение по радио о том, что наши дерутся на улицах Берлина. Вот до чего дожили. Себе не веришь, когда пишешь эти невероятные строки. Вы подумайте только — на улицах Берлина!!! Весь мир, небось, затаил дыхание, и у всех на устах преславное, священное имя русское. Нет слов на языке человеческом достойно именовать это племя и его деяния и в каком-то благоговении говоришь себе — вот пришли дни, вот свершаются дела, вот люди, какие еще не были в истории вселенной, и это творят сыны великой России. Господи Боже, какой ты славой и сиянием венчаешь сей избранный народ! И мы ведь в этом числе, и наши усилия, и наша вера, и наши страдания, и труд, и вдохновение в общем, безмерно тяжком и священном подвиге для счастья человечества. Какое блаженство знать это, какое счастье и честь, невместимая в груди человеческой» [3].

¹ *Храпченко М. Б.* — председатель Комитета по делам искусств при Совете Народных Комиссаров СССР (1939–1946), председатель Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР (1946–1948).

Картины лета 1945 года — «Сенокос» (илл. 6) и «Жатва» (илл. 7) (которые художник и писал, и экспонировал как диптих) традиционно трактовались как однозначно оптимистические. Смысл же их гораздо глубже. Тема смерти, священной жертвы присутствует в поэтике обоих полотен. Вместе с тем почти религиозное чувство победы жизни над смертью не покидает художника. «Я когда писал эту картину, — вспоминал он о работе над «Сенокосом», — все думал: ну, теперь радуйся, брат, каждому листочку радуйся — смерть кончилась, началась жизнь» [8].

Это ощущение надежды на новую жизнь, на обновление рождалось и у художников молодого поколения. «Я могу сказать, — писал Г. М. Коржев, — что после войны наше искусство начало развиваться по-иному. Поколение, которое выиграло войну, которое многое узнало и заплатило за это знание своими жизнями и кровью, вернулось из армии. Страна была наполнена людьми, которые стали другими. Они видели все иными глазами и видели все очень ясно. Совершенно не было того революционного романтизма, который существовал в двадцатых. Демобилизованные пришли учиться в наш институт. Каждый день они приходили первыми и уходили последними.

Казалось, они стремились наверстать то, что пропустили. Это было совсем другое поколение. Именно это поколение породило шестидесятые. И не только «Суровый стиль». Оно в корне изменило культурную ситуацию.

Молодые бывшие офицеры возвращались в общество, принося с собой новое особенное понимание поэзии, литературы и свой собственный взгляд. Так рождалось иное, более честное искусство, искусство, ищущее правды. Для этих людей сталинистские картины Александра Герасимова и Дмитрия Налбандяна были совершенно неприемлемы. Вы можете называть этот стиль как угодно, только не соцреализм» [9, 25].

Реакция второй половины 1940-х годов — статьи Жданова, постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград», «О кинофильме «Большая жизнь» и опере «Великая дружба», борьба с «космополитами» и статьи о «формализме в искусстве» (в формализме обвинялись С. Герасимов, М. Сарьян, А. Пластов) — как раз и была во многом упреждающим ответом руководства на этот подъем. Одним из проявлений реакции стал разгром института имени В. И. Сурикова, удаление лучших профессоров, таких как С. В. Ге-

расимов, Н. М. Чернышев. Все это не способствовало свободному творчеству. «Только установки и тенденции, которые начинают проводить, конечно, много сковывают рост и размах очень многих, и заставляют слабых духом сбиваться на всякую пустельгу. Трудно сейчас не сбиться на дешевку, трудно писать без надлежащей поддержки, которая идет совсем не по адресу и не на пользу искусству» [12, 18], — писал Пластов в это время. В изобразительном искусстве формируется стиль камерной жанровой картины (метко названный позднее «советским бидермейером») [9, 490].

Знаменательно, что именно вопрос о «жанре», понимаемом официальной критикой как утверждение ценности устоявшегося образа жизни, мещанского, в сущности, быта, становится в центре полемики, принимающей порой идеологический характер.

Однако неверно было бы говорить о полной творческой несвободе и абсолютной «официальности» отечественного искусства этого периода.

Так, в 1946 году в связи с празднованием 125-летия со дня рождения Н. А. Некрасова художник получает предложение от издательства «Художественная литература» сделать иллюстрации к одному из самых трагических произведений русской литературы — поэме «Мороз, Красный нос» (илл. 8, 9, 10). «Все горькое горе деревенское хочу в них показать и без прикрас, и без усиления тоже. Пусть это было давно, о чем писано у Некрасова, а я изобраажу, что видели мои глаза» [4].

«Вся бесконечная печаль некрасовской вещи, так меня в начале сковывающая, и даже как бы отвращающая от выполнения этих иллюстраций, сейчас, напротив, захлестнула полностью и у меня для самого себя до неожиданности оказались такие темы, которые, конечно переросли иллюстрации, и по значительности не уступают картинам на темы безысходного горя народного, которое под этим соусом можно вполне законно подать зрителю. Пусть отдувается Некрасов, мое дело — верно передать его...» [5].

В некрасовском цикле есть сюжеты («Ставят крест», «На могиле сына»), о смысле которых даже в письмах к жене художник мог сказать лишь намеком: «Эти темы вечны, и они меня, повторяю, глубоко пленили. Никогда бы раньше я не коснулся этих скорбных страниц, но теперь вижу, что подавая их в плане монументальном, я сделаю большое дело, которое трудно переоценить» [6]. Темы «великой скорби» сквозь пластические ассоциации

с творениями гениев прошлого подводят сознание понимающего зрителя к великому первоисточнику — евангельским сюжетам.

Возможность воплотить эти вечные сюжеты, опираясь на Некрасовский текст («пусть отдувается Некрасов»), и представить их в изданной значительным тиражом книге в 1949 году было действительно редкой удачей. И хотя все же некоторые иллюстрации по цензурным соображениям в книгу не вошли (это композиции «Венчание», «Чтец»), с 1949 года, даже с наступлением более свободных времен, книга так и не была переиздана.

В 1947 создается Академия художеств СССР, блиставшая в то время созвездием достойнейших имен, таких как П. П. Кончаловский, П. Д. Корин, С. В. Герасимов, А. А. Дейнека, А. А. Пластов, М. С. Сарьян. И хотя в отличие от Императорской Академии художеств она была не образовательным учреждением, а прежде всего идеологическим министерством во главе с А. М. Герасимовым, но все же сыграла определенную положительную роль и в консолидации лучших творческих сил страны (например, академические выставки, ждущие исследования), и в патронировании художественного образования выдающимися мастерами.

Одним из значимых событий, характеризующих попытки представления национального искусства в Европе, стала выставка работ советских художников А. А. Герасимова, С. В. Герасимова, А. А. Дейнеки, А. А. Пластова в Вене, в Музее Прикладного искусства в 1947 году.

Пластов был представлен картинами «К партизанам» (1942), «Немец пролетел» (вариант 1946 — начала 1947 гг.), «Трактористки» (1943–1944), «Первый снег» (1946), акварелями военного времени.

В целом подбор работ говорит о желании устроителей показать художников их лучшими картинами, сделать выставку разнообразной. Важно, что советское искусство было представлено действительно выдающимися именами, вошедшими впоследствии в историю искусства.

Идеологическая же составляющая в экспозиции при этом (за исключением портрета И. В. Сталина А. М. Герасимова) не была определяющей. Особый интерес представляет экспонирование картины «Трактористки». Тремя годами ранее присутствие обнаженного женского тела вызывало возражения при формировании выставки «Героический фронт и тыл» 1944 года.

Выставка была открыта в Вене 20 февраля 1947 года, в апреле — июне демонстрировалась в Праге, в сентябре — в Белграде.

Послевоенное десятилетие стало временем рождения выдающихся произведений искусства XX века, это время создания романа Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» с гениальным циклом стихов; в 1954 году Пластов пишет свою знаменитую «Весну» (**илл. 11**), ставшую безупречным живописным символом новой эпохи. «Оттепель» была не подарком народу сверху, а результатом духовного подвижничества, несомненной победой лучших творческих сил страны.

Выдающимся событием культурной жизни страны, ее смещением в сторону общечеловеческих ценностей стало участие Советского Союза (впервые с 1934 года) в «Биеннале ди Венеция», которая проходила с июня по октябрь 1956 года. В советском павильоне были представлены работы различных стилистических направлений (разумеется, в рамках официального искусства), практически отсутствовала идеологическая, пропагандистская направленность.

На экспозиции были разделы живописи, скульптуры и графики.

В живописном разделе были выставлены портреты М. В. Нестерова, картина «Хлеб» Т. Яблонской, «Композитор С. Прокофьев» и натюрморты П. Кончаловского, «Москва» Ю. Пименова, пейзажи С. Герасимова, «Портрет скульптора С. Коненкова» П. Корина, работы М. Сарьяна: «Натюрморт с цветами и фруктами» (1953), «Улица в Ереване» (1945), «Натюрморт на фиолетовом фоне» (1952), работы Н. Удальцовой. Как видим, даже недавно столь неугодные и порицаемые за «формализм» художники, такие как Н. Удальцова, М. Сарьян, принимали участие в выставке.

Пластов был представлен тремя картинами: «Юность» (1953–1954), «Родник» (1952) (**илл. 12**), «Ужин трактористов» (1951) (**илл. 13**).

В отзывах итальянской прессы отмечалось, что «в русском павильоне ожидали увидеть многочисленные портреты “вождей” во всех более или менее героических позах и колоссальные полотна, изображающие бесконечные шествия трудящихся... или же изображения жестких боев, когда грозные “товарищи” в форме с победоносным видом давят карающей пятой ненавистного капиталиста — и все это в реалистическом стиле. Вместо этого публика

увидела в русском павильоне светлые и гармонические образы, плод иллюстративной живописи, мирной и радостной...» [11, 57].

В Биеннале участвовали такие выдающиеся европейские мастера, как Джорджо де Кирико, К. Карра, Ф. Казорати, скульптор Джакомоцци и другие.

Таким образом, несмотря на определенные идеологические репрессии, искусство послевоенного периода и, особенно, второй половины 1950-х годов имело мощный внутренний импульс развития. Оно поддерживалось государством, что выражалось в финансировании всесоюзных и республиканских выставок, регулярных закупках произведений изобразительного искусства, обеспечении художников заказами и мастерскими, пополнении коллекций музеев. Имена художников, работавших в этот период (П. Кончаловский, П. Д. Корин, А. Дейнека, С. Герасимов), вошли в историю отечественного и мирового искусства, их произведения стали частью музейных коллекций.

К сожалению, практически все достижения советского периода в области поддержки изобразительного искусства за последние 30 лет были безвозвратно утрачены, что вместе с объективными процессами глобализации, утраты национальной идентичности, в сущности, привело сегодня к кризису изобразительного искусства, о чем свидетельствуют следующие проблемы:

- утрата критериев оценки профессионального мастерства, и, как следствие, стирание граней между профессиональным и непрофессиональным искусством;
- отсутствие открытой конкурентной профессиональной среды (в роли которой выступали большие художественные выставки, организуемые и «цензурируемые» по профессиональному признаку);
- частный вкус — зачастую неразвитый и невоспитанный — становится определяющим в формировании художественного рынка и культурной политики;
- снижение уровня художественного образования;
- полное отсутствие художественной критики (которая, несмотря на идеологическое давление, была продуктивной, профессиональной и даже независимой (достаточно вспомнить имена В. Костина и Н. Щекотова);
- деградация народного искусства и художественных промыслов.

При этом изменились базовые представления об искусстве и творчестве, что отразилось в языке, в лексике.

Слово «искусство» последовательно заменяется в искусствоведческих трудах и практике английским «art», лишенным в русском языке традиционной семантики, внутренней формы, связанной с исторической памятью (слово «искусство» происходит от старославянского «искусити», то есть «испытать», «познать»).

То же можно сказать о слове «творчество», происходящем от «творити» и родственным слову «творец», заменяемым сплошь и рядом в документах культурной политики и практики (и даже в научном обиходе) словом «creation» («креативные индустрии», «креативные практики»). И это опять же свидетельствует об определенном понятийном сдвиге.

Так, утрачивая идентичность, страна Толстого, Достоевского все более превращается в культурную провинцию, неспособную формулировать смыслы и создавать новые художественные формы.

Литература

1. *Пластов А.А.* Письмо Н.А. Пластовой. 04–12.05.1936 // Архив семьи Пластовых.
2. *Пластов А.А.* Письмо Пластовой Н.А. 07.11.1942 // Архив семьи Пластовых.
3. *Пластов А.А.* Письмо Пластовой Н.А. 22.04.1945 // Архив семьи Пластовых.
4. *Пластов А.А.* Письмо Н.А. Пластовой. 11.12. 1949. Там же.
5. *Пластов А.А.* Письмо Н.А. Пластовой. 10.12.1946. Там же.
6. *Пластов А.А.* Письмо Н.А. Пластовой. 11.12.1946. Там же.
7. *Костин В.И.* Письмо Пластову А.А. 08.08. 1943 // Архив семьи Пластовых.
8. *Пластов А.А.* Автобиография // Архив семьи Пластовых.
9. *Боровский А.* Искусство послевоенных десятилетий // Лицом к будущему. Искусство Европы 1945–1968. Каталог. – М. : ГМИИ имени А. С. Пушкина, 2017.
10. *Bulanova Maria.* Raising the Banner // Raising the Banner. The art of Geli Korzhev. – Minneapolis : TMORA, 2007.
11. *Губер А.* Итоги XXVIII Биенале в Венеции // Искусство. – 1957. – № 3.
12. *Пластова Т.* Аркадий Пластов. – М., 2006.

Приложение

Рис. 1. Пластов А. А. «Немцы идут. (Подсолнухи)». 1941 г.
Тульский областной художественный музей

Рис. 2. Пластов А. А. «Фашист пролетел». 1942 г.
Государственная Третьяковская галерея

Рис. 3. Нестеров М. В. «Видение отроку Варфоломею». 1889–1890 гг.
Государственная Третьяковская галерея

Рис. 4. Пластов А. А. «Трактористки». 1943–1944 гг.

Рис. 5. *Пластов А. А. «Суббота». 1943–1944 гг.*

Рис. 6. Пластов А. А. «Сенокос». 1945 г.
Государственная Третьяковская галерея

Рис. 7. Пластов А. А. «Жатва». 1945 г.
Государственная Третьяковская галерея

Рис. 8. Пластов А. А. «Ставят крест». 1946–1948 гг.
Иллюстрация к главе XIV поэмы Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос»

Рис. 9. Пластов А. А. «На могиле сына». 1946–1948 гг.
Иллюстрация к главе I поэмы Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос»

Рис. 10. Пластов А. А. «Венчание». 1946–1948 гг.
Иллюстрация к главе XXII поэмы Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос»

Рис. 11. Пластов А. А. «Весна». 1954 г.
Государственная Третьяковская галерея

Рис. 12. Пластов А. А. «Родник», 1952 г.
Национальная галерея Армении. Ереван

Рис. 13. Пластов А. А. «Ужин трактористов». 1961 г.
Государственная Третьяковская галерея.
(Авторское повторение картины того же названия 1951 года,
находящейся в Иркутском областном
художественном музее имени В. П. Сукачёва)

Губарева Оксана Витальевна
кандидат культурологии,
старший научный сотрудник РИИИ

ОБРАЗ ГЕОРГИЯ ПОБЕДОНОСЦА В СОВЕТСКОМ АГИТАЦИОННОМ ИСКУССТВЕ

Аннотация: Статья посвящена принципам использования образа Георгия Победоносца и элементов его иконографии в формировании положительного образа Красной Армии и красноармейцев как борцов с мировым злом.

Ключевые слова: советская пропаганда, когнитивная схема, иконография, героический архетип, православный образ, визуальный образ, психологическое воздействие.

Gubareva Oksana Vitalevna
PhD, Senior Researcher at the Russian Institute of Art History

THE IMAGE OF GEORGE THE VICTORIOUS IN SOVIET PROPAGANDA ART

Abstract. The article is devoted to the principles of using the image of St. George the Victorious and elements of his iconography in the formation of a positive image of the Red Army and Red Army soldiers as fighters against world evil.

Keywords: Soviet propaganda, cognitive schema, iconography, heroic archetype, Orthodox image, visual image, psychological impact.

Принцип агитационной работы в искусстве советского государства с первых дней основывался на тщательном и широком отборе всего, что могло послужить созданию мифов и героических идеалов, укрепляющих советскую власть, формирующих новое общественное сознание. Открытий на этом пути было сделано много, и они были настолько значительны, что СССР надолго опередил страны Запада в использовании пропагандистских и рекламных возможностей визуального образа.

Об интересе Л. Д. Троцкого [8] и других советских лидеров к работам Фрейда и использование его идей в деле агитации и пропаганды хорошо известно [10]. Троцкий писал: «Выпустить новое, “улучшенное издание” человека — это и есть дальнейшая задача коммунизма» [7, 43]. Таким образом, СССР стал первой страной, в которой на практике была реализована марксистская система понимания искусства как политического и идеологического феномена.

Одним из открытий в области визуальной пропаганды, реализованных в агитационном искусстве, стало сознательное использование иконографического принципа, свойственного православной иконописи. Икона — не единственное искусство в истории, ограниченное рамками иконографических правил. Но трудно вспомнить другой вид искусства, где бы эти правила существовали столь же долго и имели такое же большое значение для культуры, так же глубоко воздействовали на человеческое сознание. Это связано с тем, что православная иконография закрепилась в русской культуре не как шаблон, а как когнитивная схема. Она выполняла функцию мгновенного «опознания» сюжета и включения механизма «воспроизведения» в памяти всего корпуса знаний, касающихся изображенной темы, являлась фокусом, точкой отсчета для дальнейших размышлений. Иконографическая схема для каждого отдельного сюжета была обобщенным визуальным представлением, «в котором воспроизведен набор общих и детализированных признаков типичного объекта и которое выступает в качестве основы для идентификации любого нового впечатления или понятия» [10, 113; 2]. Благодаря ей, изображение того или иного сакрального сюжета всегда совпадало с ожиданием. Иконография создавала «образ доверия», заставляла воспринимать изображение, написанное по ее устойчивой схеме, как родное, стоящее вне критики [1]. Свойство иконописной иконографии как когнитивной схемы было впервые осмысленно и целенаправленно использовано в советском агитационном искусстве.

Для прославления Красной Армии буквально с первых лет Октября в советских плакатах начал использоваться образ святого Георгия Победоносца, главного воинского архетипа русской культуры, защитника и покровителя Русской земли, воина-мученика, жертвующего жизнью в борьбе со злом (илл. 1, 2). Надо отметить, что идея употреблять в агитационных целях образ святого Геор-

гия принадлежала не большевикам. Впервые он был помещен на плакаты Временным правительством для рекламы военного займа. Иконописный образ воспроизводился на них почти без изменений с информацией о займе и побуждающими к действию лозунгами (илл. 3).

Тогда же в плакатах произошло соединение образа святого змеборца и русского былинного богатыря (илл. 4). Но это было именно прямое совмещение, а не использование иконографических принципов: особых композиционных, наиболее запоминающихся и эмоционально воздействующих приемов. Поэтому, несмотря на то, что рекламный образ был представлен «не ликом святого Георгия, а архетипической мифологемой русского богатыря» [3, 132], узнавался он сюжетно, а не иконографически. Русский богатырь и святой Георгий по тому же принципу перешли на плакаты белого движения эпохи Гражданской войны.

Сюжетность, многословность плаката, который создавали художники-передвижники в годы Первой мировой и Гражданской войн, со всей очевидностью проиграли ярким лаконичным авангардным агитационным образам, использовавшим язык русского лубка и иконы. Этот опыт, противопоставление двух подходов к агитации, начинает осмысляться в первые годы Октября, и в 1923 году в пролеткультовском журнале «Горн» появляется уже несколько статей практического, обучающего характера. «Наше время превратило прежнюю узкополитическую агитацию чисто интеллектуального воздействия в сложную систему нажимов на психику масс, — наставлял читателя С. Третьяков. — Агитатор — подстрекатель, направитель эмоций. Агитка — всякая вещь, имеющая назначение приковывать напряженное внимание к тому или другому явлению, толкать на нужное действие, повышая психическое давление на людей, обеспечивая действию нужное количество эмоционального пороха» [6]. Дальше идет разъяснение, как добиться такого воздействия: «позвать к себе в глаза (момент типично рекламный) — <...> запомниться, зацепиться за память» [6]. Ему вторит Н. Тарабукин, перечисляя характерные черты плаката: ударность, «нахальство» («назойливость»), динамизм, лозунговая краткость, общедоступность и т. п. [5]. «Степень психологической эффективности плаката — наиболее существенный критерий оценки его удельного социального века», плакат создается для того, чтобы «произвести эффект единовременного,

короткого и максимально-сильного удара по психике зрителя» [4, 133], — выводит он формулу успеха.

Для «удара по психике» в советском агитационном искусстве сразу были задействованы все возможные приемы, которые мы видим в первых авангардных плакатах: цвет, лаконичная форма, понятный образ. Чтобы этот образ вызывал доверие, воспринимался однозначно как положительный, его стремились привязать к базовым культурным архетипам, носителями которых были иконы, вернее — их иконографические когнитивные схемы. Советскими мастерами пропаганды было подмечено, что благодаря точно сформированным когнитивным схемам иконописные прототипы имеют свойство легко узнаваться в изображениях другой эпохи, даже если сюжетно изменены. И это свойство древних иконографий сразу же было широко использовано для создания образов доверия к новой власти. Изображения новых героев, по сути, стали создаваться как иконы нового мира, свободного от мелкобуржуазного индивидуализма.

Уже в период Гражданской войны образ святого Георгия, скачущего на коне и поражающего копьём змея, начал широко использоваться в изображении советского кавалериста. Был выработан новый иконографический тип, который впитал в себя многие иконописные иконографические черты, а главное — внутренние смыслы: защитник Родины, герой добра, сражающийся с предвечным злом. «Закрытость советской идеологии в области религиозных исканий не могла уничтожить архетипическую память русских художников, а стремление создавать героические идеалы искало новые образы в прошлом национальной истории» [3, 133].

Если до 1917 года когнитивные свойства иконографии не использовались ни в агитационном искусстве (как мы видели, использовались только напрямую сами иконы), не было ясных отсылок к устойчивым иконографическим приемам в творчестве авангардистов и символистов, то в советское время они появляются всюду. Агитационный образ очень широко применяет знакомую композицию Троицы, Георгия Победоносца, Богородицы, Архангела Михаила «Грозных сил Воеводы», икон Воскресения или Страстей Христовых и др. Причем нигде мы не видим никакой церковности. Везде в иконографические схемы «залиты» чужие образы.

У церковного искусства был заимствован и опыт создания сакрального пространства. Иконы и христианские символы, которые формировали жизненное пространство русского человека, повсеместно замещаются новыми образами и новыми символами. Революционные лозунги, советская символика и изображения агитационного характера заполняют все: городские улицы, транспорт, дома, квартиры, рабочие помещения. Наряду с агитационным плакатом и книжной графикой выпускаются агитоткрытки, агиттекстиль и агитфарфор. Агитационные требования применяются к официальным бланкам, почтовым маркам, фантикам, оберткам, этикеткам.

В этом агитационном горниле выковывались новые иконографические каноны: когнитивные схемы новых героев и новых врагов, которые должны были перекрыть в сознании прежние устойчивые образы. Развивался новый структурный язык знаковых символов, который замещал выработанные тысячелетиями визуальные ключи миропонимания. Так же как у святых на иконах, у героев агитационного искусства появились свои иконографические атрибуты, по которым они сразу узнавались зрителем. Например, атрибутами рабочего стали молот, наковальня, винтовка. Атрибутами освобожденной женщины стали укороченное платье, фартук и красная косынка. Красноармеец изображался в буденовке и часто уподоблялся былинным богатырям или Георгию Победоносцу.

Одним из первых плакатов, где красноармеец был изображен буквально как святой Георгий, был плакат Николая Семеновича Самокиша «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» (илл. 5). Плакат следовал реалистическим изображениям времен Первой мировой войны: образ святого был формально замещен изображением красноармейца, выступавшего в роли русского богатыря. В руках красноармейца вместо копья был изображен флаг. Существенным различием между иконографией плаката и иконы было отсутствие под ногами коня змея. Но здесь впервые был сделан акцент на важном и узнаваемом иконографическом знаке — диагонали древка. Стрела оружия (в данном случае идеологического), пересекающего наискосок живописное поле, которое должно сокрушить врага, стала важной иконографической чертой многих военных образов советского агитационного искусства.

Для русского человека диагональ длинного разящего сверху вниз оружия оказалась значимой когнитивной отсылкой к той он-

тологической битве добра со злом, в которой сражался святой Георгий, и участником которой ощущал себя каждый русский воин. Поэтому эту диагональ мы видим на первых советских плакатах повсюду, в первую очередь военных, например, «Да здравствует авангард революции Красный флот», «Петроград не отдадим», «Победит пролетариат», «Крым должен быть красным», «Очередь за Врангелем» и других (**илл. 6, 7, 8**).

Но не только в военных образах мы видим этот знак разящего зло оружия. Трудовые будни требовали такой же, как и на войне, жертвы ради Отечества, героического подвига. Поэтому военные реминисценции появляются на плакатах, посвященных труду, коллективизации, индустриализации. Например, на плакате В. Лебедева «Работать надо, винтовка рядом» эта диагональ прочитывается в движении пилы, а на плакате «В нашем колхозе попам и кулакам нет места» появляются грабли, которыми работница орудует как копьём (**илл. 9, 10**).

Физическое здоровье в Советском Союзе, занятия спортом пропагандировались как военная подготовка. Поэтому на плакате атлета спортивное копьё вполне могло превратиться в копьё святого Георгия, поражающего нечисть (**илл. 11**).

Но на традиционных иконах Георгий Победоносец очень редко мог изображаться не только с копьём, но и с мечом (**илл. 12**). Подобная иконография была распространена в Западной Европе, а с XIX века получила распространение в русской религиозной живописи. Решительно взмахивающий мечом воин, посланник Божий, в этом случае соотносился с образом Архангела Михаила, в небесных войсках которого он состоял (**илл. 13**). На иконе «Грозных сил Воевода» Архангел Михаил изображался скачущим на красном крылатом коне, с мечом руках и трубящим в трубу, звук которой призывал Небесное воинство на схватку с сатаной и подвластными ему злыми силами. Образ скачущего красного кавалериста в буденовке, размахивающего шашкой и трубящего в горн, вобрал в себя эти воинственные образы православия. Сложился устойчивый иконографический тип, который из агитационного фарфора и плаката перешел в кинематограф, книжную графику, лаковую миниатюру, песенное искусство, став основой самых романтических образов советской эпохи (**илл. 14, 15, 16**).

После 1932 года, когда началась активная борьба с религией и были подряд провозглашены две безбожных пятилетки, во

время которых уничтожалось древнерусское искусство, а иконы и кресты были запрещены к визуализации во всех видах искусств, все, что напоминало об иконописи, советской агитационной машиной было отвергнуто. Исчез и образ советского Победоносца и его борьбы с хтоническим злом. О святом Георгии, силе воздействия его образа, всех, связанных с ним иконографических черт, снова вспомнили только в годы Великой Отечественной войны. Уже в 1941 году появляются плакаты с изображением бойца, решительно прокалывающего врага штыком или ударяющего прикладом винтовки. Боец на советских плакатах не стрелял из пистолета или пулемета, не закалывал врага кинжалом, не бил кулаком. Он неизменно поражал противника длинным оружием, нанося уничтожительный удар сверху вниз, по диагонали, как бьют не стоящую жалости тварь, как поражал когда-то змея святой Георгий. В Великую Отечественную войну на плакатах очень скоро появился и сам змей — карикатурное изображение фашистов и Гитлера (илл. 18, 19, 20, 21, 22).

Возрождение образа святого Георгия Победоносца как олицетворения советской армии, советского солдата, героя, жертвующего своей жизнью в борьбе со злом, естественным образом оказалось спроецировано на личность маршала Победы Георгия Жукова, которого напрямую называли «победоносцем». Этот архетипический образ был поддержан на параде Победы в 1945 году, когда маршалы Рокоссовский и Жуков выехали перед войсками не на машинах, а на конях: Рокоссовский на вороном, а Жуков на белом скакуне.

После войны образ Георгия Победоносца постепенно уходит из агитационного искусства. Новые враги — лентяи, пьяницы, расхитители социалистической собственности, бюрократы — не требовали героической жертвенности для победы над ними. Поэтому их чаще всего гнали на плакатах метлой, которая все же прочитывалась как иконографический синоним разящего копья (илл. 23).

После распада Советского Союза и снятия запретов «на религию» образ Георгия Победоносца снова появился в искусстве в своем собственном облики, без иконографических иносказаний и когнитивных отсылок. Он стал одним из самых часто воспроизводимых образов и вернулся в государственную геральдику: на

герб России, деньги, награды, а Георгиевская ленточка стала символом Победы русского народа в Великой Отечественной войне.

Литература

1. *Губарева О.В.* Иконографический метод: к проблеме выбора методологических подходов в исследовании икон // Русская художественная традиция в современной отечественной культуре. Статьи. Размышления. Эссе. – Том 1. – СПб., Издательский дом «Петрополис», 2020. – С. 207–220.
2. *Миронов В.В., Косилова Е.В., Вархотов Т.А., Костылев П.Н., Беседин А.П. / Миронов В.В., Косилова Е.В., Вархотов Т.А., Костылев П.Н., Беседин А.П.* Аспекты применения когнитивного подхода в гуманитарной сфере // Вестник Московского университета. Серия 7 : Философия. – 2017. – № 2. – С. 59–70.
3. *Регинская Н.В.* «Образ святого Георгия в русском искусстве XX–XXI веков: ментально-семантический метод исследования» // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. – Vol. 185. – 2009. – С. 132.
4. *Тарабукин Н.* Изобретательность в плакате // Горн. 1923, Кн. 9. – С. 125–134. – URL: <https://electro.nekrasovka.ru/books/4279/pages/136> (дата обращения: 23.08.2020).
5. *Тарабукин Н.* Искусство дня: [Что нужно знать, чтобы сделать плакат, лубок, рекламу, смонтировать книгу, газету, афишу и какие возможности открывает фотомеханика] – Москва : [Всерос. пролеткульт], 1925. – 134 с.
6. *Третьяков С.* Обработка лозунга // Горн. 1923. Кн. 9. – С. 117–123. – URL: <https://electro.nekrasovka.ru/books/4279/pages/136> (дата обращения: 23.08.2020).
7. *Троцкий Л.Д.* Литература и революция. – М., Политиздат, 1991. – 399 с.
8. *Троцкий Л.Д.* Сочинения. – М. – Л. : Госиздат, 1927. Сер. 6 : Проблемы культуры. Т. 21. – 520 с.
9. *Холодная М.А.* Психология интеллекта: парадоксы исследования. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб. : Питер, 2002. – 272 с.
10. *Шилкина И.С.* Психоанализ в послереволюционной России (1920–1930-е годы) // РСМ. – 2019. – № 3 (104). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psichoanaliz-v-poslerezolyutsionnoy-rossii-1920-1930-e-gody> (дата обращения: 29.05.2021).

Рис. 1. Чудо Георгия о змие. Русский Север, XVIII в.

Рис. 2. Чудо Георгия о змие. Новгород. XV в.

Рис. 3. Военный 5 1/2 % заем. Наше доблестное воинство, проливая кровь за родину, свято исполняет свой долг. Незвестный художник. 1916 г.

Рис. 4. Священная война. Неизвестный художник, 1914 г.

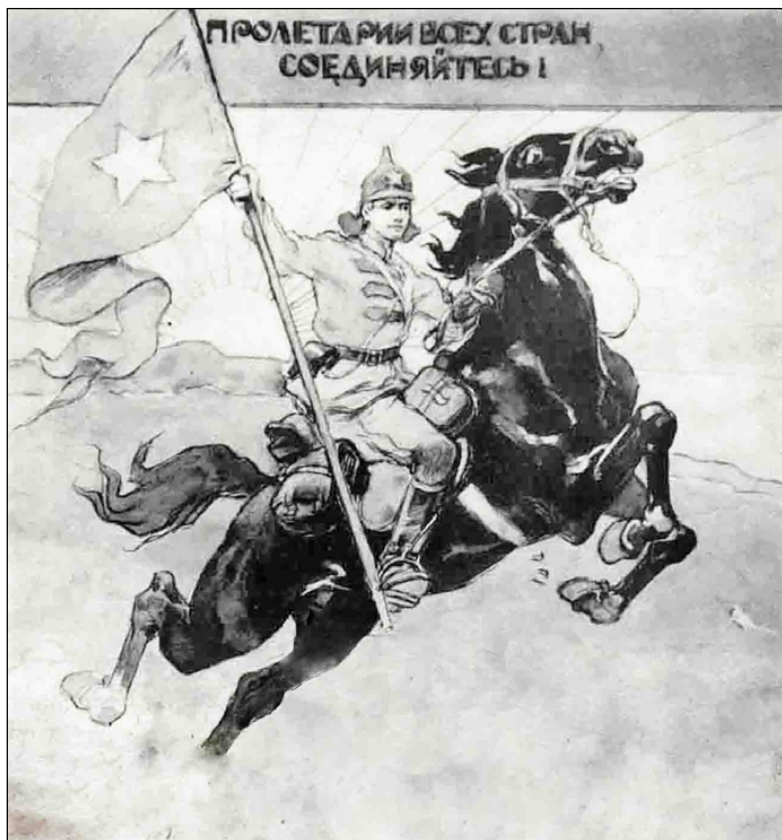

Рис. 5. Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Н. С. Самокиш, 1917 г.

Рис. 6. Да здравствует авангард революции Красный флот.
В. И. Козлинский, 1920 г.

Рис. 7. Очередь за Врангелем. Н. М. Кочергин, 1920 г.

Рис. 8. Крым должен быть красным! А. Маренков, 1920 г.

Рис. 9. Работать надо, винтовка рядом. В. Лебедев, 1920–1921 г.

*Рис. 10. В нашем колхозе нет места попам и кулакам.
Н. Михайлов, 1932 г.*

Рис. 11. Физкультура. В. Пшеничников, 1927 г.

Рис. 12. Чудо Георгия о змие. Московская Русь, XVI в.

Рис. 13. Архангел Михаил «Грозных сил Воевода»,
вторая пол. XVII в.

Рис. 14. Тарелка «Мы зажжем весь мир огнем III Интернационала».
А. Р. Голенкина, 1920 г.

Рис. 15. Красная конница. Н. Н. Когоут, 1921 г.

Рис. 16. Октябрь 1917–1920. Неизвестный автор

*Рис. 17. Слава армии, рожденной Октябрем!
Худ. А. Любезнов, 1984 г.*

Рис. 18. Беспощадно разгромим и уничтожим врага!
Кукрыниксы, 1941 г.

Рис. 19. *Славься, Отечество наше свободное.*
Г. Толоконин, 1944 г.

Рис. 20. Бей фашистскую гадину!
А. Александров, 1941–1944 г.

Рис. 21. Фашизм – враг человечества! Смерть фашизму!
Плакат работы В. А. Гальбы, И. М. Еца, В. И. Курдова,
Н. Е. Муратова и Г. Р. Петрова, 1941 г.

*Рис. 22. Завоеваний Октября не отдадим!
Н. Авакумов, В. Щеглов, 1941 г.*

Рис. 23. Поварам и по ворам. В. Говорков, 1960-е годы.

Кокшенева Капитолина Антоновна

*главный научный сотрудник, доктор филологических наук,
руководитель Центра наследования русской культуры
Российского научно-исследовательского института культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачёва*

**НИГИЛИЗМ И БУНТУЮЩЕЕ СОЗНАНИЕ.
ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ФИЛОСОФСКО-
КУЛЬТУРНОЙ КОНЦЕПЦИИ Н. Н. СТРАХОВА**

Аннотация. В статье рассмотрено появление в русской культуре XIX столетия нигилизма как сложного явления, вбирающего в себя философский, этический и эстетический аспекты. Проблемам нигилизма (литературного и «практического») Н. Н. Страхов (1828–1896) посвятил значительное количество критических, публицистических и философских статей, среди которых «Письма о нигилизме» (1881) отмечены глубочайшим уровнем понимания проблемы. Целостность взгляда Страхова на «нигилизм» проанализирована в контексте литературно-критической полемики второй половины XIX столетия.

Ключевые слова: *нигилизм, новые люди, террор, культура, ложная святость, Страхов, «Письма о нигилизме».*

Koksheneva Kapitolina Antonovna

*Doctor of Philology,
Head of The center for inheritance of Russian culture
Institute for Cultural and Natural Heritage
(Institute of Heritage – Likhachev Institute),
Moscow, Russia*

**NIHILISM AND REBELLIOUS
CONSCIOUSNESS. ON THE RELEVANCE
OF N. N. STRAKHOV'S PHILOSOPHICAL
AND CULTURAL CONCEPT**

Abstract. The article considers the appearance of nihilism in the Russian culture of the XIX century as a complex phenomenon that incorporates philosophical, ethical and aesthetic aspects. N. N. Strakhov (1828–1896) devoted a considerable number of critical, journalistic and

philosophical articles to the problems of nihilism (literary and “practical”), among which “Letters on nihilism” (1881) are marked by the deepest level of understanding of the problem. The integrity of Strakhov’s view of “nihilism” is analyzed in the context of literary and critical polemics of the second half of the nineteenth Century.

Keywords: *nihilism, new people, terror, culture, false sanctity, Strakhov, “Letters about nihilism”.*

Николай Николаевич Страхов (1828–1896) — русский философ, критик и публицист — был одним из тех мыслителей, кто смог не поддаться «потоку века» и «постыдно впасть в ничтожную современность» [33]. «Строгая работа ума», к которой он самым ответственным образом относился всю свою жизнь, позволяла ему многие вопросы современности («чудовищного разрушения и всеобщего отрицания, скептицизма, неустойчивости и самоуверенной подвижности девятнадцатого века» [33]) подвергнуть испытанию глубоким рационализмом. А это значит — понять не только современные «вершки» явления, не только мотивы и цели, но и возвести все эти «подвижности» к ясному коренному осознанию. Он ставит вопрос «что такое мы, русские?» и отвечает на него в самых разных своих работах. Распознавание нигилизма, анализ его и доказательное отвержение — одна из существенных заслуг Н. Н. Страхова.

Страхов, внимательно следивший за **отрицательными идеями века** в русской культуре и русском самосознании, свои наблюдения собрал в книгу, которую издает в 1890-м году — «Из истории литературного нигилизма». Статьи Страхова, помещенные в книгу, обнимали собой довольно короткий период — с 1861 по 1865 год, но это было время, которое «можно приблизительно считать временем полного расцвета нигилизма, когда он еще вполне верил в силу своей проповеди и занимал в литературе наиболее значительное положение, почти господствовал» [44, IX]. Критик-классик говорит о том, что как бы это нас «не огорчало, но целый период нашей литературы придется назвать нигилистическим» [44, VIII]. Сам период он обозначал довольно определенно: от Парижского мира (1856) при Александре II до Русско-турецкой войны за Болгарию (1877–1878). Период, таким образом, составлял более двадцати лет, и господствующей чертой его в литературе Страхов видит именно нигилизм «в раз-

личных его развитиях». А вот в «Письмах о нигилизме» 1881 года, написанным и изданным практически одновременно, он первым поставит со всей трагической глубиной вопросы о *терроре и культуре*, терроре как *завершающем этапе самосознания нигилиста*, теперь по сути террориста — поставит саму проблему на философскую высоту, нащупав в ней *вечное ядро*, а значит — актуальное навсегда. Опираясь на статьи философа и критика, размещенные в книге и «Письмах», мы перейдем вслед за ним от анализа «литературного нигилизма» к его второму периоду — «практическому».

1

Нигилизм (лат. *nihil* — ничто) — мировоззрение, умонастроение, определяемое тотальным отрицанием принятых норм, ценностей, идеалов, постулатов и догматов. Впервые такое название («нигилизм») получила церковная ересь XII столетия, носители которой отрицали догмат о богочеловеческой природе Христа. А с XVIII века понятие это закреплено уже во всех европейских языках.

Первым термин «*nihil*» в нашей литературе применил журналист и критик Н. И. Надеждин (1804–1856) в статье 1829 года «Сонмище нигилистов», сопроводив ее поясняющим названием — **«Цена из литературного балагана»**¹ [32]. Статья была разме-

¹ Статья была напечатана под псевдонимом Никодим Надоумко. Это было начало литературной деятельности критика. Статья полемически направлена против апологета романтизма Н. Полевого и его журнала «Московский телеграф». Надеждин довольно зло и крайне резко высмеивает ничтожество новой романтической литературы и «гениальничанье» ее апологетов. Так, писатель нового толка *Флюгеровский* представлен в статье так: «...Юноша не без талантов и не без познаний, подававший о себе самые блестящая надежды, по несчастью увлекся всеобщим вихрем мнимо-философического науконенавидения, вознегодовал на учение, сбросил с себя тяжкую узду систематической дисциплины, и, не дожидаясь окончания студенческого курса, выехал ратовать на чистое поле под знаменами литературного неологизма, проповедующего без наук всезнание, без трудов славу, без заслуг бессмертие» [32]. Позже Н. Надеждин напишет на латинском языке и защитит диссертацию о проблемах романтизма.

щена в «Вестнике Европы», считающимся «новой критикой» того времени «оплотом староверов», а потому молодой автор, так или иначе не просто писал критику, а старался соответствовать **направлению**. Высмеивая «*всеведущее невежество*», с его «гордым презрением к *тесным* пределам душевной вещественной атмосферы», то есть пародируя страсть к новым словам и терминам «очужестранившихся наших соотечественников», Надеждин выводит в центр критикуемой литературной партии «знаменитого *Чацко*», прямо заимствуя героя из грибоедовской комедии, появившейся в 1824 году, то есть за пять лет до «Сонмища нигилистов». Нет, «Горе от ума» для критика явно не было первым русским шедевром — иначе он не вывел бы Чацкого в таком обличье: «...У него на зубу все новейшие философико-эстетико-романтические системы, как у нас с тобой: *помилуй мя Боже!* Диво, а не человек!.. В диалектической стратегии он так силен и искусен, что посредством двух посылок может обратить *муху* в *науку*» (Здесь и далее курсив автора. — К. К.) [32]. И все же Чацкий здесь не случаен — литературный герой, который недоволен бытовой и культурной русской жизнью, становится для критика-«старовера» вполне *отрицателем*. Надеждин к тому же весьма иронично говорит о его *уме*, обзывая «*великаном* философического *сумрака* наших времен» [32].

В русской жизни и русской литературе (которая, конечно же, была **совершеннее** жизни) герои часто меняются местами: в литературную борьбу герой Чацкий будет включен как лицо реальное и типическое; а реальные революционеры пореформенного времени стихок про студента «Светлая личность» (Достоевский поместил в романе «Бесы» *пародию* на стихотворение Огарёва «Студент» как образчик тупейшей бездарности — агитационной и антигосударственной²) извлекли из романа и распространяли как **актуальную** и **подлинную** прокламацию³.

Насмешник над нигилизмом Н. И. Надеждин, быстро завоевавший реноме придиричливого критика и злобного хулителя рус-

² На это обратил наше внимание Н. И. Калягин.

³ См. текст стихотворения «**Светлая личность**», помещенный в романе «Бесы» (1871–1872), набор ценностей которого менее через полвека станет «программой действий» в первую и вторую антинациональные революции 1905 и 1917 гг., свидетельствуя о катастрофическом падении умов, вкусов и затмении душ:

ской литературы (зоила и педанта), не только сам вскоре напишет диссертацию о романтизме, но и издавая журнал «Телескоп» (с 1831 года), обзаведется помощником редактора и сотрудником — «передовым журналистом», «властителем мыслей и дум» николаевского времени, *неистовым* Виссарионом Белинским (1811–1848), не чурающимся вспоминать о «нигилизме» в надеждинском ключе — о главных его качествах *пустоты и невежества*. А уже в 1836 году недавний «зоил и педант» совершит еще более «решительный» поступок — напечатает в «Телескопе» скандальное «Философическое письмо» П. Я. Чаадаева, в результате чего журнал был запрещен, а сам Н. И. Надеждин сослан в «пристоличную Сибирь» — Вологду и Усть-Сысольск. «Чаадаевское начало», озвученное и «прописанное» на бумаге (то есть в *литературе*), стало въедаться в русские головы и души. Н. П. Ильин называет это чаадаевское *начало* «одним словом — **нигилизм**»⁴.

Он незнатной был породы,
Он возрос среди народа,
Но, гонимый мезью царской,
Злобной завистью боярской,
Он обрек себя страданью,
Казням, пыткам, истязанью
И пошел вещать народу
Братство, равенство, свободу.

Ждал его он поголовно,
Чтоб идти беспрекословно
Порешить в конец боярство,
Порешить совсем и царство,
Сделать общими именья
И предать навеки мшенью
Церкви, браки и семейство —
Мира старого злодейство!

И, восстанье начиная,
Он бежал в чужие края,
Из царева каземата,
От кнута, щипцов и ката.
А народ, восстать готовый
Из-под участи суровой,
От Смоленска до Ташкента
С нетерпеньем ждал студента.

⁴ См.: *Ильин Н. П.* Отравленная льдина. Очерк жизни и мысли П. Я. Чаадаева // Родная Кубань. — 2017. — № 4, 2018. — № 1–2. («Вполне отчетливо и, можно сказать, искренне, этот нигилизм выразился в отношении Чаадаева к России и русскому народу в первом «философическом письме». Россия как культурно-историческая реальность для Чаадаева не существует, у русского народа нет маломальски налаженного быта, «нет даже домашнего очага». В своем *национальном нигилизме* Чаадаев утрачивает всякое чувство меры, так

Определения «нигилист» и «нигилизм» становятся всё более и более наполненными: если еще Надеждин считал, что нигилисты, по словам Ап. А. Григорьева (1822–1864), «*ничего не знают, ни на чем не основываются в искусстве и жизни...*» [13, 60–61], то Н. А. Добролюбов (1836–1861) добавил уже *скептицизма*. А Катков М. Н. (1818–1887) уверенно делает вывод, что «нигилизм» тождествен «*материализму*» [28, 17]. Первенство употребления слова в *широком смысле* остается за И. С. Тургеневым, который в 1861 году назвал своего героя Базарова («Отцы и дети») «нигилистом». Таким образом, «напрасно спорить с веком» было уже трудно — от *сороковых* к *шестидесятым*, и далее — к *восьмидесятым* была протоптана широкая нигилистическая дорога, которая становилась все тверже, и шагали по ней всё большие толпы молодых «новых людей».

что даже дружески расположенный к нему Пушкин отвечает ему совершенно твердо: «клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал». «*Клянусь честью*» — это сказано совсем не случайно, для Пушкина это не ходячий «оборот речи». Именно *чувство чести* не позволяет Пушкину согласиться с Чаадаевым. По сути дела, Пушкин напоминает Чаадаеву, что отношение к своей Родине и к своему народу — это не только вопрос любви или ненависти, но и вопрос *чести или бесчестья*. В этом смысле ответ Пушкина, который при поверхностном чтении кажется недостаточно резким, в действительности затрагивает, сознательно или безотчетно, самую суть дела. То, что нигилизм несовместим с честью и честностью, показало дальнейшее развитие событий. На смену русофобской откровенности публикации в «Телескопе» пришло *лицемерие* «Апологии сумасшедшего». Нравственный характер человека проявляется во всех его делах, а потому существует и *философское* лицемерие. Если же при этом философ обманывает не только других, но и самого себя, мы имеем дело с философским *двомыслием*. В случае Чаадаева философское двомыслие явно обнажилось в том новом истолковании, которое он дал в «Апологии» своему тезису об отсутствии у русского народа истории и исторического опыта. А именно, Чаадаев стал уверять, что в этой *ущербности* заключено *превосходство* русских над другими народами. В чистом, беспримесном виде основную мысль «Апологии» можно сформулировать так: *наше историческое значение определяется именно тем, что у нас нет истории*» [21].)

Нигилизм — это отрицание не только умом, но чаще всего — это и отрицание чувством, сердцем. Очень интересные наблюдения зафиксировала нигилистка-шестидесятница Е. Н. Водовозова в своих воспоминаниях. Молодая нигилистка печалилась, что еще очень для многих «не долетал ни один стон, вызываемый человеческими страданиями» [9]. Нельзя не услышать в ее словах попросту повторения литературного урока, то есть появившуюся в литературе привычку «*стонать*», которую ввели в оборот поэты *гражданской скорби*⁵.

Именно их поэзия взяла за себя эту роль — рифмовать народные страдания и «стонать от имени народа». Всероссийский стон мужика поэт Некрасов запечатлевает в 1858 году в таких красках:

*Стонет он по полям, по дорогам,
Стонет он по тюрмам, по острогам,
В рудниках, на железной цепи;
Стонет он под овином, под стогом,
Под телегой, ночуя в степи;
Стонет в собственном бедном домишке,
Свету божьего солнца не рад;
Стонет в каждом глухом городишке,
У подъезда судов и палат.
Выдь на Волгу: чей стон раздается
Над великою русской рекой?*

Но, собственно, это *стонал* сам Некрасов о несжатой полоске и бурлаках, *стонал и плакал* в это же время Никитин о горькой доле пахаря, что тащится в изнеможении за плугом, — естественно, что все без исключения землепашцы страшно умучены горемычным своим трудом. Гениальные бунинские «Косцы» появятся много позже — больше, чем через полвека — и актом своего рождения на белый свет напрочь сотрут с лица русской земли плакальщиков о тяжелом крестьянском труде, то есть поэтов, упрямо стоящих

⁵ Тема поэтов, «уязвленных гражданской скорбью или зудом общительства», отменно рассмотрена Н. И. Калягиным в «Чтениях о русской поэзии», на которые мы часто будем ссылаться, полагая лучшим исследованием об отечественной поэзии конца XX — начала XXI века [25].

в позе «гражданской скорби» и жестоковыйных в своем намерении из дерюги шить поэзию⁶.

Литераторам вторили «новые люди» — они гордо следовали за теми, кто мог на замечательном русском языке сформулировать то, что стало принято ненавидеть в жестокой русской жизни.

В *«великую эпоху нашего возрождения»*, во время *«лихорадочного движения вперед»* (цитирую Е. Водовозову. — К. К.) раскрывалось *«прежде всего мрачные стороны нашей прошлой жизни»*. И, конечно, — снова цитирую ее — «излагать историю так, как это делали Устрялов и Карамзин, высказывать преклонение перед внешним могуществом России, замалчивать факты, указывающие на произвол верховной власти, — значило подвергать себя насмешкам и презрению» [9]. Собственно, постепенно складывается *субкультура нигилистов* (как сегодня, например, субкультура «современного искусства»), в которой требовалось «срезать косы», и не целовать у женщины руки, потому как целование руки — это *«амурные поползновения крепостнического закала»* [9]. Так, постепенно, и сам

⁶ Н. И. Калягин пишет: «А вот Некрасов следует иной традиции — скороспелой (едва ли столетней) и совсем не русской. Среднеевропейские просветительство и сентиментализм, французский «христианский социализм» — три источника, три составные части суконно-гражданственной его поэзии. Кого видит Некрасов в русском крестьянине? Раба, который днем *до смерти работает*, вечером *до полусмерти пьет*, а ночью *стонет под телегой*. Кого видит Некрасов в русской крестьянке? Опять-таки рабыню, которая *с рабом обвенчалась*, которая *стала матерью сына-раба*... Взгляд Некрасова на русского человека — это взгляд гуманного европейца на дикаря. <...> Крайний предел, до которого способна дойти гуманность подобного типа, состоит в обращенных к дикарю пожеланиях выйти поскорее из того ужасного положения, в котором он находится. Так и Некрасов желает русскому крестьянину поскорее проснуться, выкарабкаться из-под телеги и, *исполнившись сил*, взяться за топор... И только *в эту пору прекрасную* прекратится недолжное существование русского крестьянина и настанут счастливые дни должного его существования. Освободившийся от социального гнета сельский труженик (будущий колхозник) *Белинского и Гоголя с базара понесет*; молочные воды Волги величаво потекут в кисельных ее берегах...» [25, 542].

нигилизм набирал силу, и осмысление его становилось все более проблемным, но и глубоким, в лице Страхова, по крайней мере.

Итак, первая *исходная*, но и тотальная, *позиция* нигилистов есть позиция **отрицания действительности**. И мы знаем, как развивался этот процесс: от литературного нигилизма переходили к бытовому, эстетическому, революционному и радикально-террористическому.

2

После «великих реформ», конечно, «все перевернулось»: «Политическое честолюбие, непременное желание быть деятелем на поприще общего блага есть одна из самых распространенных черт нашего времени. <...> Свой ум и свое благородство мы больше всего стремимся показать горячим вмешательством в государственные и социальные вопросы. Говорить ли, к чему сводится это вмешательство? Нескончаемое злоречие, повальное злорадное осуждение — вот занятия просвещенных людей» [41]. Философ Страхов констатирует: общество отравлено — отравлено **ежедневной** заразой «безумных и вредных понятий», ими «дышат», как дышат воздухом. Но, собственно, где же доказательства этого общественного безумия? В чем оно проявляется?

Если бы у каждого из нас не было того опыта, о котором говорит Страхов, мы бы могли решить, что он сгущает краски. Любое трагическое или заметное событие и сегодня вызывает в СМИ и социальных сетях все то, что Страхов назвал **«готовым двухминутным ответом»**, когда всякий усердно **«выкрикивает свое мнение»**, объясняя террористический акт 1 марта, или, как прежде — выстрел Каракозова. К восьмидесятым годам XIX века в России вполне оформился такой феномен, как «общественное мнение». В «Письмах о нигилизме» Страхов анализирует этот корпус «мнений». Одно *мнение* стоит на уверенности, что причиной террористического акта стало «озлобление против царя», «ненависть к русской земле». А дальше всё сыплется и сыплется *мнения и предположения*: «Мы перебираем всех, кто мог понести несправедливости и притеснения, мы мысленно соединяем в одну картину все тягости, все неправды, всякое правительственное зло, какое у нас было или могло быть, и спрашиваем: не отсюда ли явились злодеи? Это страшное злодейство не составляет ли отголоска

озлобления, зародившегося в каком-нибудь углу России, не вызвано ли оно неправильным распоряжением, чрезмерною строгостью к каким-нибудь лицам или делам? Тут нам открывается обширное поприще соображений. Мы допытываемся, какого звания и происхождения преступники, чем они занимались, с кем водились, от кого и от чего могли пострадать и вознегодовать, и когда найдем причины раздражения, мы удовлетворяемся и даже, пожалуй, сами начинаем проповедовать против порядков и случаев, вызвавших это раздражение» [41]. Страхов очень точно в этом абзаце описал характер нарастания критики и психологию вовлеченного в этот процесс человека: от поиска *причин* трагедии прямоком к *«проповеди» против действительности*. Тем более что *картины действительности* были запечатлены во всей своей *стонущей полноте* той русской литературой, которая взяла на вооружение прагматизм и пользу.

Недавняя история с *«Шарли Эбдо»*, с нападениями и зверскими убийствами, развивалась ведь тоже по законам, увиденным Страховым. Но еще большее доверие, с первых же страниц, вызывает работа Страхова после его наблюдения, что «дело <...> в иных случаях, пожалуй, *возвышается и до героизма*» [41]. Но об этом мы поговорим позже.

Сам процесс отрицания был многосоставным. Он требовал многих усилий, в частности, *«разрушения ради самого разрушения»*: сладостного обрезания «косы» очередной нигилисткой или того, о чем говорил тургеневский Базаров в романе «Отцы и дети»,⁷ — «сперва нужно место расчистить». По свидетельству Н. Н. Страхова, «из всего, что есть в романе Тургенева, слово “нигилист” имело самый громадный успех. Оно было принято беспрекословно и противниками, и приверженцами того, что им обозначается» [43, 203].

Но предвещает разрушение *акт высмеивания* всего, что «дорого всякому образованному и культурному человеку», — издевательство над всем непрогрессивным культурным и историческим прошлым и воспитание «реалистов». Главным «коново-

⁷ Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети» написан в 1861–1862 гг., опубликован в 1862 году в «Русском вестнике» М. Каткова. Автор посвятил его В. Г. Белинскому, который и являлся «учителем» нового поколения — тех, кто печатался и читал журнал «Современник».

дом нигилистов», который, однако, предпочитал называть себя «реалистом», после смерти Н. А. Добролюбова был Д. И. Писарев (1840–1868), ставший в 1861–1866 годах ведущим критиком и идеологом журнала «Русское слово»⁸. Им была оформлена уже вполне боевая программа действий молодежи или «ultimatum нашего лагеря». Он пишет: «Что можно разбить, то и нужно разбивать; что выдержит удар, то годится, что разлетится вдребезги, то хлам; во всяком случае, бей направо и налево, от этого вреда не будет и не может быть» [35, 135].

Писарев и его боевые товарищи занимаются откровенной радикализацией и эпатажем: писаревские эскапады против Пушкина очень соотносимы с днем сегодняшним, когда современники воюют с классиками. «Жрецы чистого искусства» во главе с Пушкиным под писаревской кувалдой стали «мелкими пташками в великой семье паразитов», «мошками» да «букашками», а сам Пушкин просто «козьявкой» [36, 306]. *Высмеивание* Пушкина — вещь для нигилиста принципиально важная.

Если Страхов-критик не был при жизни популярен, то Писарев стал, пожалуй, первым критиком, очень популярным при жизни. Молодежь (строившая себя как «новых людей») слепо следовала за идеями Писарева, что позволяло оппонентам критика говорить о «рабском отношении к Писареву». И что особенно любопытно: вместо отмененного рабства «великих реформ» появилось новое **рабство** — **реальных идей**. Г. Г. Елизаветина, лучший знаток наследия Писарева, собрала свидетельства писаревской популярности в оценке его оппонентов, что ценно. Приведем некоторые из них: Н. И. Соловьев отмечал успех критика в молодой аудитории, «которую составляли люди, недовольные своим социальным положением, жаждущие перемен и готовые все разрушить в настоящем» [17, 32]. Оппоненты были уверены, что критик предлагал такие радикальные задачи для решения «проблем жизни»,

⁸ За нелегальную статью-прокламацию «О брошюре Шедо-Ферроти», содержавшую призыв к *свержению самодержавия* («Низвержение благополучно царствующей династии Романовых и изменение политического и общественного строя составляет единственную цель и надежду всех честных граждан России»), он с июля 1862 по ноябрь 1866 года отбывал заключение в Петропавловской крепости. С августа 1863 года ему было разрешено продолжить литературные занятия.

которые молодежи не под силу по определению, то есть тем самым вводил ее в заблуждение, дезориентировал и деформировал человеческие личности. Но была у писаревских статей и иная привлекательность, о которой писал в 1867 году Я. П. Полонский лучшему русскому поэту той поры — К. К. Случевскому, относящемуся к лагерю «эстетиков»: «Собираясь бороться с Писаревым, вспомните, что если бы Писарев был и в двадцать раз учнее и в сто раз правдивее и логичнее — он и сотой доли не имел бы успеха в нашей публике, если бы не был оптимистом, если бы плавностью, воодушевленностью, меткостью и живописностью своих сравнений, точностью эпитетов — словом, языком и его художественной стороной не привлекал и не увлекал читателей <...>. Писарев не только даровитый, но и убежденный, искренно и честно увлекающийся, чуть не до помешательства. В этом его обаяние»⁹ [17, 33]. Действительно, во всей критической радикальной деятельности Писарева, которого «боготворили» новые люди, была совершенно особенная искренность и одержимое обаяние — «чуть не помешательство», что всегда действует сильно на читающую публику. Но качество этого воздействия, как видим, вызывало много вопросов.

⁹ Писаревский эпатаж сыграл свою роль в том, что в устах обывателей и официальной печати слово «нигилист» сделалось постепенно синонимом слов «преступник», «бунтовщик», а сам «нигилизм» ассоциировался с чем-то «ужасным». Подобное употребление слова стало характерным и для западноевропейской литературы конца XIX—XX века, в которой (с подачи С. М. Степняка-Кравчинского, в очерках 1881–1882 года, составивших книгу «Подпольная Россия», впервые познакомившего западного читателя с «русскими нигилистами») не обошлось и без влияния Н. А. Бердяева и С. Л. Франка, «записавших» в «нигилисты» всех русских. См., напр.: *Бердяев Н.* Духи русской революции // Вехи. Из глубины. — М., 1991, — термин «нигилизм» закрепляется для обозначения русского радикализма вообще. В России о нигилизме в XIX веке писали помимо названных М. Н. Каткова, И. С. Тургенева, Н. Н. Страхова, Ф. М. Достоевского, так же и А. И. Герцен, С. С. Гогоцкий, и др., в XX веке эта тема в той или иной форме затрагивалась Д. С. Мережковским, В. В. Розановым, Л. Шестовым, С. Н. Булгаковым и заняла особое место в трудах Н. А. Бердяева и С. Л. Франка. [См. *Шириняниц А. А.* О нигилизме и интеллигенции (48).]

Г. А. Ларош уверен: «Молодое поколение, поклоняющееся Писареву, суеверно не менее старого, боявшегося порчи и домовых... тут произошла простая замена одних божков другими» [17, 33].

Что же происходило? Откуда это почти религиозное поклонение критику Писареву и его прагматическим идеям? Что он предлагал такое, от чего «новые люди» не могли отказаться?

Долго наблюдая за отрицательными явлениями века, Страхов в «Письмах о нигилизме» делает важнейшие выводы: он говорит о том, что и *нигилист нуждается в вере*, то есть не может отказаться от религиозности человеческой природы, от поклонения Богу, кумиру, идее. «Новый человек» теперь презирает «гасильников» и «усыпителей» в лице «реакционеров — он теперь *верит кумиру*, верит Добролюбову, Писареву, Рахметову и Базарову, воспринимая последних серьезными свидетелями того, что даже литература отбросила в сторону «эстетические затеи», «эстетическое арлекинство». На арену истории и литературы взошли реализм, польза и идея. Идея — прежде всего. Особая идея — полезная! Но, собственно, торжествовать рано. «Куда ни кинь, везде на эстетику натыкаешься» [35; III, 58], — недовольно ворчит Писарев. Да, «натыкаешься»: Толстой и Достоевский, Фет и Случевский — живут и пишут. И вот совсем недавно (меньше, чем за два года до торжества «великих реформ» и нигилизма) Аполлон Григорьев уверенно, на веки вечные, вывел твердой рукой: «*Пушкин — наше всё*: Пушкин — представитель всего нашего душевного, особенного, такого, что останется нашим душевным, особенным после всех столкновений с чужими, с другими мирами» [12]. (Здесь и далее выделено мной. — К.К.)

Критик Писарев, а следом и «новые люди» теперь ждут от искусства *пользы*, т. е. они полагают нужным и возможным найти некие рациональные основания *решения жгучих проблем жизни*. Это и есть высшая цель, а уж коль скоро некий писатель не в состоянии дорасти до такой «высшей цели», то уж лучше ему печь кулебяки или шить сапоги (*пользы* от этого больше). Максимализм писаревских требований было легко разделять именно молодому поколению: «Поэт — или великий боец мысли, бесстрашный и безукоризненный “рыцарь духа”, или «ничтожный паразит, потешающий других ничтожных паразитов <...> Середины — нет. Поэт — или титан, потрясающий *горы векового зла*, или же козявка, копающаяся *в цветочной пыли*» [35; III, 95].

Писаревская пропаганда имела влияние: не считать чтение Пушкина насущной задачей было довольно приятно, тем более что у него и барства, и всяких «крепостных» довольно в сочинениях, не говоря уже об «эстетических затеях» — чего стоит только один крепостной дядька Савельич у Петруши Гринева, держащий на своих плечах эти самые *горы векового зла!* К досаде «новых людей», старые верные слуги не так быстро переводились в жизни и категорически ни себя, ни крепостное право злом не считали. Даже Тургенев в позднем романе «Новь» (1877), в котором был *намерен примириться с «новыми людьми»,* и тот «<...> не устоял перед желанием нарисовать старорусскую картинку в виде d'un herousoig <контраста> или оазиса, как хотите» [5]¹⁰. Тургеневский Каллиопыч из «старорусского оазиса» на вопрос: *«не слышал ли он, что для всех крепостных вышла воля, всякий раз отвечал, что мало*

¹⁰ Несмотря на то что критикам история Фимушки и Фомушки в «Нови» категорически не нравилась, мы считаем именно эти страницы романа как раз лучшими, обильными, в противоположность стилистической серости рассказа о «новых людях». Позволим себе привести обширную цитату: «Фомушка и Фимушка — Фома Лаврентьевич и Евфимия Павловна Субочевы принадлежали оба к одному и тому же коренному русскому дворянскому роду и считались чуть ли не самыми старинными обитателями города С.

Они вступили в брак очень рано — и очень давно тому назад поселились в дедовском деревянном доме на краю города, никогда оттуда не выезжали и ни в чем никогда не изменили ни своего образа жизни, ни своих привычек. Время, казалось, остановилось для них; никакое “новшество” не проникало за границу их “оазиса”.

Состояние у них было небольшое; но мужички их по-прежнему привозили им по несколько раз в год домашнюю живность и провизию; староста в указанный срок являлся с оброчными деньгами и парой рябчиков, будто бы застреленных в господских лесных, в действительности давно исчезнувших, дачах; его поили чаем на пороге гостиной, дарили ему баранью шапку, пару зеленых замшевых рукавиц и отпускали с богом.

Дворовые люди по-прежнему наполняли субочевский дом. Старый слуга Каллиопыч, облеченный в камзол из необычайно толстого сукна с стоячим воротником и маленькими стальными пуговицами, по-прежнему докладывал нараспев, что “кушанье на столе”, и засыпал, стоя за креслом барыни. Буфет был у него на руках; он заведовал разной бакалеей, кардамонами и лимонами <...>» [45].

ли кто какие мелет враки; это, мол, у турков бывает воля, а его, слава богу, она миновала» [45]. Навек Тургенев оказался пропитан этой эстетикой «дворянских гнезд», коль и в романе новейшей формации называет одно из них «оазисом»!

Писарев выбрал Пушкина как самую знаковую фигуру, выбрал *наше всё*, чтобы показать, что и от него нужно **отречься ради насущных социальных задач**¹¹, не говоря уже о прочих «мелких козявках». Разоблачить, развенчать, отобрать Пушкина у людей и они все станут разом решать исключительно социальные вопросы — такие задачи ставил перед собой «передовой критик». Люди станут одевать и кормить бедных, вместо чтения Пушкина, который своим талантом усыпляет общественное самосознание. Ведь Александр Сергеевич всегда «игнорировал и голод, и нужду, и все остальные болячки действительной жизни» [35; III, 334]. Пушкинский мир прозы и поэзии — светел, ясен, чист, гармоничен: в нем «живется так весело и дышится так легко» [35; III, 357]. А действительность, между тем, мрачна, русская жизнь — гнетуща.

¹¹ План, по которому осуществлялись эти «социальные задачи», с тонкой иронией воссоздал Страхов в статье о «Преступлении и наказании» Достоевского: «Пусть читатель переберёт потом все хорошо знакомые ему формы нигилизма. Молодая девушка обрезывает свою великолепную косу и надевает синие очки. Со стороны безобразно, а между тем она очень довольна собою, как будто надела наряд красивее того, который прежде носила. Она бросает романы и читает «Физиологию обыденной жизни» Льюиса. Сначала она запинается, но делает над собою усилие и принимается свободно толковать о пятнах и мочевых органах. Что же? Ощущается новое удовольствие. Пойдём далее — девушка уходит от родителей и совершенно теоретически отдаётся некоторому юноше, чуждому предрассудков и толкующему ей о необходимости завести на каком-нибудь необитаемом острове новое человечество. Или бывает иначе. Брат девушки сам устраивает её гражданский брак со своим приятелем. Точно так же на основании теории муж бросает жену, жена мужа или устраивается коммуна, в которой случается, что один мужчина имеет связь с двумя женщинами, красноречиво проповедуя им, что ревность — фальшивое чувство. И что же? Вся эта ломка самих себя, всё это искажение жизни совершается совершенно хладнокровно. Все довольны и счастливы, смотрят на себя с великим уважением и гонят от себя всякие нелепые чувства, мешающие людям идти по пути прогресса» [40].

Чем художественнее произведение русской литературы — тем оно **вреднее** в новых исторических условиях торжества отрицателей и бунтарей.

Забота писателя о «ранах действительности» — вот главный критерий, а «воспитывать молодых людей на Пушкине, значит готовить из них трутней или <...> сибаритов [35; III, 380]. С большим апломбом и с еще бóльшим самодовольством критик Писарев делает окончательный вывод: «...в так называемом великом поэте я показал моим читателям легкомысленного версификатора, опутанного мелкими предрассудками, погруженного в созерцание мелких личных ощущений и совершенно не способного анализировать и понимать великие общественные и философские вопросы нашего века» [35; III, 415].

Молодое поколение освобождалось от чтения Пушкина, как крестьянин — от своего помещика.

3

В 1866 году Ф. М. Достоевский напечатал в «Русском вестнике» Каткова¹² первую часть романа «Преступление и наказание». Наиболее полярные позиции в оценке романа заняли, конечно, Страхов и Писарев. Да, Страхов видит, что Достоевский и здесь тоже откликается на появление в русской жизни «новых людей» (демократической молодежи с бунтующим сознанием) и новых идей. Но в отличие от демократической критики, которая полагала, что роман писателя имел «реакционную идейную направленность», «сослужил службу реакции», поскольку в романе мотивируется преступление «научными убеждениями» и Достоевский распространяет «эти убеждения на целую студенческую корпорацию»¹³, Н. Н. Страхов категорически отказался смотреть

¹² Печатание «Преступления и наказания» началось в январском и закончилось в декабрьском номере «Русского вестника» за 1866 г.

¹³ Критик демократического лагеря Г. З. Елисеев, сотрудник «Современника», в заметке «Ещё несколько слов о новом романе г. Ф. Достоевского» говорит: «Кому оказывается этим услуга, если не обскурантам, которые в распространении света видят причину всякого зла в мире? Какое впечатление и влияние может иметь подобное изображение на читающую публику, которая привыкла видеть в науке осно-

на Раскольникова и как на злобную карикатуру студенчества, и как на «сумасшедшего» и «больного человека»¹⁴. Страхов считал, что Раскольников Достоевского — нигилист, но нигилист страдающий, *ошибки сердца и ума* которого привели его к преступлению. Собственно, и сам нигилизм показан в романе как трагическое явление: «Итак, в первый раз перед нами изображён нигилист несчастный, нигилист глубоко человечески страдающий. Свойство широкой симпатии, которое мы приписали автору, и здесь, очевидно, воодушевляло его. Он изобразил нам нигилизм не как жалкое и дикое явление, а в трагическом виде, как *искажение души*, сопровождаемое жестоким страданием. По своему всегашнему обычаю, он *представил нам человека* в самом убийце, как умел отыскать людей и во всех блудницах, пьяницах и других жалких лицах, которыми обставил своего героя. Автор взял нигилизм *в самом крайнем его развитии*, в той точке, дальше которой уже почти некуда идти. Но заметим, что сущность каждого явления всегда обнаруживается не в его обыкновенных ходячих формах, а именно в крайних высших ступенях развития» [40]. Достоевский и сам, кстати, заметим, позже «повторит» эту страховскую мысль: «При полном реализме *найти в человеке человека*. Это русская черта по преимуществу...» [15, 373].

Страхов показывает, как героем овладевает идея, исказившая его дух, и как происходит высвобождение души от исказившей ее идеи: «Сперва поглотила его извращенная идея, а потом в нем с неодолимою силою просыпается человек, человеческая душа и мучит его своим пробуждением, с которым он старается совладать»

вание и залог всего лучшего для своего будущего?» Основной темой романа, по его мнению, оказался «процесс чистого, голого убийства с грабежом, что нельзя оправдать какими бы то ни было эстетическими целями, а поэтому роман Достоевского лишён художественности и имеет сугубо реакционную идейную направленность». («Современник», 1866, № 3, с. 39.)

¹⁴ А. С. Суворин в газете «Русский инвалид» писал: «Раскольников вовсе не тип»; «...причины, побудившие Раскольникова на преступление <...>, чисто индивидуального свойства, а вовсе не из тех, которые носятся в воздухе»; «Раскольников как явление чисто болезненное подлежит скорее психиатрии, чем литературной критике». («Русский инвалид», 1867, № 63.)

[40, 111]. Мы не можем более подробно говорить о страховской статье, — нам важно подчеркнуть, что именно он среди многих современников смог дать точную и верную оценку романа, а также правильно увидеть Раскольникова, дав «старт» для понимания глубины его самосознания. Не случайно Достоевский говорил критику, что он один понял его.

Писарева не интересовали (как Страхова) этическая и психологическая стороны романа. Писарев, назвавший статью «Борьба за жизнь», весь — в социальных источниках преступления Раскольникова: «Теория Раскольникова сделана им на заказ. Сооружая эту теорию, Раскольников не был беспристрастным мыслителем, отыскивающим чистую истину и готовым принять эту истину, в каком бы неожиданным и даже неприятном виде она ему ни представилась. Он был *кляузником*, подбирающим факты, придумывающим натянутые доказательства...» (Выделено мной. — К. К.) [40]. Если произведение писателя не соответствует писаревской аксиоме — «конечная цель всего нашего мышления и всей деятельности каждого честного человека всё-таки состоит в том, чтобы разрешить навсегда неизбежный вопрос о голодных и раздетых людях» [35; III, 105], — то его стоит «сбросить с корабля современности».

При таком практицизме, при подавляющем всё *неразумное и красивое* критерии пользы, Страхов заметил и такое важное свойство нигилистов, как *мечтательность*. В «новых людях», носителях бунтующего сознания, развиваются *сладостные мечтания о каком-то необыкновенном будущем*, когда появятся обладатели каких-то особенно светлых понятий, когда все человечество в торжественной и радостной процессии закрепит «победоносное шествие» свободы, правды и добра. Н. И. Калягин изящно выразился о «мечтателях» и по совместительству «отрицателях»: не случайно прогрессивный критик Н. Добролюбов (1836–1861) в 1860 году пишет статью «Когда же придет настоящий день?». Современный «день» его не устраивает, «день», в котором писали гениальные стихи Фет и Тютчев, замысливали новые великие романы Толстой и Достоевский [25, 739]. Собственно, «не устраивал» уже и Тургенев, печатавший прежде именно в «Современнике» и «Дворянское гнездо» (1858), и роман «Накануне» (1860), а теперь «перебежавший» к реакционному Каткову. Эпоха «великих реформ» все перевернула и в культуре, где впервые воз-

ника самая настоящая революционная ситуация, раздиравшая Россию между «силами революции и реакции». «В недрах передового журнала «Современник», — говорит Н. И. Калягин, — произошел потрясший читающую публику разрыв между “нюхающим розы” Тургеневым (также и Дружининым, Фетом) и принявшим “гражданскую позу” Добролюбовым (также и Некрасовым, Чернышевским)» [25, 740]. Но и между *прогрессивными журналами* «Современник» и «Русское слово» тоже произошел конфликт по поводу романа «Что делать?» Н. Г. Чернышевского (1828–1889), претендующего на учение об устройении жизни на новых жизненных основаниях. И являющейся, конечно, «вершиной» той самой **мечтательности**, которую трезвый ум Страхова (и Достоевского) не мог принять. Конечно, это была мечтательность особого рода. Настолько «особого», что даже М. Е. Салтыков-Щедрин (1826–1889) не сразу смог скрыть своей иронии. Он пишет: «Когда я вспомню, например, что “со временем” дети будут рождать отцов¹⁵, а яйца будут учить курицу, что “со временем” зайцевская¹⁶ хлыстовщина утвердит вселенную, что “со временем” *милые нигилистки будут бесстрастной рукой рассекать человеческие трупы, и в то же время подплясывать и подпевать*¹⁷: «*Ни о чем я, Дуня, не тужила*» (ибо “со временем”, как известно, *никакое человеческое действие без пения и пляски совершаться не будет*), то спо-

¹⁵ Дети будут рождать отцов... — Салтыков-Щедрин подразумевает восторженное отношение Писарева к тургеневскому Базарову, то есть к «детям».

¹⁶ Имеется в виду В. А. Зайцев (1842–1882) — публицист, литературный критик, известный нигилист 60-х годов XIX века, активный сотрудник журнала «Русское слово», застрельщик полемических скандалов между «Современником» и «Русским словом», получивших название «раскол в нигилистах». Салтыков считал «сектантством», «хлыстовством» взгляды Зайцева на роль естественных наук и интеллигенции демократического типа в решение общественно-социальных вопросов и проблем.

¹⁷ Критик Зайцев счел эти слова Салтыкова глумлением над Чернышевским, так как высмеивался «четвертый сон» Веры Павловны в романе «Что делать». (См. В. Зайцев. Глуповцы, попавшие в «Современник» // Русское слово, 1864, № 2, с. 39.)

койствие окончательно водворяется в моём сердце, и я забочусь только о том, чтоб до тех пор совесть моя была чиста» [37].

Безусловно, говоря о «новых людях» и беспокоящих их «проклятых вопросах», нельзя обойти вниманием и Н. Г. Чернышевского с его романом «Что делать?» (1863). «Недавно зародился у нас этот тип, — констатирует писатель в год написания. — Прежде были только отдельные личности, предвещавшие его; они были исключениями и, как исключения, чувствовали себя одинокими, бессильными и от этого бездействовали, или унывали, или экзальтировались, романтизировали, фантазировали, то есть не могли иметь главной черты этого типа, не могли иметь *хладнокровной практичности, ровной и расчетливой деятельности, деятельной рассудительности*. То были люди хоть и той же натуры, но еще не развившейся до этого типа, а он, этот тип, зародился недавно...»¹⁸ (Курсив мой. — К.К.). Собственно, и сами писатели тоже будут представлять собой «новый тип» хладнокровной практичности, как критик Д. Писарев, ставший не только идеологом, но и **представителем** «новых людей» на «подиуме» общественной жизни. Новый тип скоро почувствует свою силу, — силу коллективного практического действия.

По словам демократа Н. В. Шелгунова¹⁹, «шестидесятые» родили все те «проклятые вопросы», на которые будут отвечать еще не одно десятилетие (мысль о том, что на какие-то уже ответ получен — не приходила в голову «честному демократу»): «Шестидесятые годы явились моментом необыкновенного подъема нашего духа, небывалого напряжения наших умственных сил и небывалого еще развития критической мысли... Не было в то время ни

¹⁸ Чернышевский Н. Г. Что делать? — URL: <https://24glo.com/ru/book/text/1694/p.44/index.html> (дата обращения: 26.01.2022).

¹⁹ Шелгунов Николай Васильевич (1824–1891). Русский публицист, литературный критик, революционер-демократ. Близок Чернышевскому, сотрудничал в журналах «Современник», «Русское слово», «Век». Участник революционного движения 1860-х. После арестов и ссылок с 1866 г. стал одним из ведущих сотрудников, а с 1880 г. — фактическим редактором журнала «Дело». Известен цикл его статей «Очерки русской жизни». Отстаивал принципы гражданского реализма. Умер в Петербурге. Его похороны превратились в многотысячную антиправительственную демонстрацию.

одной области ведения, куда бы не заглянула критическая мысль, и не было ни одного общественного явления, которого бы она не коснулась. Земля и небо, рай и ад, выражаясь фигурально, вопросы личного счастья, вопросы счастья общественного, изба мужика, дом вельможи — все это было осмотрено и обследовано критической мыслью. <...> Умственная революция, которую мы пережили в шестидесятых годах, была не меньше умственной революции, которую переживала Франция с половины XVIII века» [47, 145]²⁰.

²⁰ Устойчивость, а точнее *застой* «умственной жизни», характерный для демократической интеллигенции, не может не удивлять. Что делает Чернышевский за год до смерти? Мы найдем его в Астрахани. Сюда прибывает стареющий — 60-летний — писатель из сибирской ссылки. Чернышевский живет здесь довольно одиноко. Пишет мемуары, готовит большую работу по биографии Н. А. Добролюбова, и все еще «воюет»: в 1888 году в журнале «Русская мысль» размещена его статья «Происхождение теории благотворности борьбы за жизнь». В ней он позволяет себе критиковать самого Дарвина, полагая, что в дарвиновской «борьбе за жизнь» содержится реакционный элемент, связанный с теорией Мальтуса, — то есть, ставящий развитие общества в зависимость не от социальных, но от *биологических* законов воспроизводства народонаселения. Ну, а того, что человек, собственно, не весь целиком существо сугубо социальное, старый революционер, кажется, так и не понял. Дух воинственного материализма крепок и силен был и в другой его «песне песней»: Чернышевский готовит *третье издание* своей диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности», которую еще в 1855 году, при защите, многие полагали слишком простенькой... Однако и в восьмидесятые годы золотого века русской литературы были, надо полагать, готовы ее читать воспитанные марксизмом «новые дети». Писатель Евгений Чириков, например. Правда, цензура все же не позволила этому изданию увидеть свет, но кому надо — все прочли, а Ленин старательно бивал гвозди на стене русской классики, чтобы водрузить там «портреты», которые почти на сто лет искажат подлинную картину истории литературы: «Чернышевский — единственный действительно великий русский писатель, который сумел с 50-х годов вплоть до 88-го года остаться на уровне цельного философского материализма и отбросить жалкий вздор неокантианцев, позитивистов, махистов и прочих путаников». (См. *Мещеряков Н. Ленин о Чернышевском // Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: В 15-ти тт. — М., 1939. —*

«Подъем духа» за счет *«небывалого еще развития критической мысли»*, что с таким пафосом вспоминал Шелгунов, не только критиков, писателей, философов, но и многих русских людей не столь решительно увлекал. Н. Н. Страхов назовет эту потребность «новых людей» «заглянуть всюду» и всюду увидеть зло (в детской и в келье монаха) — *потребностью во зле*, которым питается душа. Он сразу тем самым придал проблеме критицизма глубокое метафизическое измерение.

Последний большой роман Тургенева «Новь», собственно, и посвящен им, «шестидесятникам». Напечатан роман был в 1877 году, в двух номерах «Вестника Европы», но романские события разворачиваются в 1868 году. Писатель уже смотрел на это время с некоторой дистанции, поскольку была возможность увидеть «итоги» деятельности «шестидесятников»: завершились нечаевский (1871) и долгушинский (1874) судебные процессы над революционерами-народниками. (Под именем «Василий Николаевич» в романе «Новь» писатель имел в виду как раз революционера Нечаева, который не появится в романе, но герои все время его вспоминают и ждут от него сигнала, *призывающего к действию*.) Начав роман с эпиграфа *«Поднимать следует новь не поверхностно скользящей сохой, но глубоко забирающим плугом»* и заканчивая его *самоубийством* главного героя Нежданова, писатель «завершил» свой разговор о нигилизме: от Базарова к Нежданову нигилизм, несомненно, «развился» — от «критической *мысли*» в сторону «общего *дела*», но герой к «делу» оказался неспособен, а потому и убил себя. Тургенев, помнивший жаркие дискуссии вокруг «Отцов и детей», отлученный от «Современника», где печатал прежние свои романы, в романе «Новь» пытается оправдаться в глазах «передовых людей». В письме к Стасюлевичу от 22 декабря 1876 г. (3 января 1877 г.) он говорит: «Молодое поколение было до сих пор представлено в нашей литературе либо как сброд жуликов и мошенников — что, во-первых, несправедливо, — а во-вторых,

Т. 1. — С. 5–23. — URL: http://ngchernyshevsky.ru/texts/books/15-1/Meshcheriakov_Lenin-on-Chernyshevsky/4601-text/9 (дата обращения: 26.01.2022)). Оставим вождю мирового пролетариата примитивно-политизированную уверенность в том, что Чернышевский — «великий русский писатель» (к сожалению, эту точку зрения в ту пору разделяли многие «прогрессивные» деятели).

могло только оскорбить читателей-юношей как клевета и ложь; либо это поколение было, по мере возможности, возведено в идеал, что опять несправедливо — и сверх того, вредно. Я решил выбрать среднюю дорогу — стать ближе к правде; взять молодых людей, большей частью хороших и честных — и показать, что, несмотря на их честность, самое дело их так ложно и не жизненно, что не может не привести их к полному фиаско. Насколько мне это удалось — не мне судить; но вот моя мысль... Во всяком случае, молодые люди не могут сказать, что за изображение их взялся враг; они, напротив, должны чувствовать ту симпатию, которая живет во мне — если не к их целям, то к их личностям. И только таким образом может роман, написанный для них и о них, принести им пользу» [45].

Н. Н. Страхов быстро понял, что Тургенев снова оглядывается «на литературный кружок», его воспитавший, то есть на редакцию «Современника». Критик в тургеневских намерениях (*заслужить прощение*) увидел «отсутствие всяких твердых опор внутри человека», увидел «боязнь, при которой он уже не может сам различить, прав он или виноват <...> Тургенев ведь кончил тем, что воспел нам Соломина («Новь», 1877) как нечто положительное, как последний фазис нашего прогресса, последнюю ступень нашего развития» [42, IX–X]. Соломин русской критике показался фигурой придуманной, деланной, — «мнимым представителем новой России». Роман Тургенева, скучный и длинный, несмотря на партийную полемику, остается весьма скромной страницей в русской литературе. Тургенев не смог написать героя интереснее Базарова.

«Тему закрыл», конечно, не Тургенев в «Нови», а еще раньше его Достоевский — романом «Бесы» (1871). «Закрыл» тему нигилистов в русской культуре — нигилистов всех оттенков и мастей. И сделал это с блестящим художественным мастерством. Роман Тургенева «Новь» рядом с «Бесами» Достоевского — это телеграфный столб рядом с живым деревом. Но очень часто именно не первого ряда произведения говорят больше о злобе времени, чем те, в которых художник смотрит на мир с позиции Вечности. Достоевский, сам отдавший часть жизни революционному подполью, и обладающий огненным даром слова, конечно, запросто опрокидывает все чистенькие стилистические увертывания от жизни, все

умозрительные жиденькие схемы, к которым в романе прибежал «французский сиделец» Тургенев.

4

В 1866 году, 4 апреля по старому стилю, прогремел выстрел Каракозова. Эпоха литературного нигилизма, казалось Страхову, закончилась. Вместо литературного террора пришла пора террора физического. Этот выстрел «поставил точку» в окончательном понимании смысла нигилистического движения умов: «Это был не умственный поворот, а бесплодное шатание мыслей, не умеющих и не стремящихся во что-нибудь сложиться. Это шатание быстро пошло по давно пробитым колеям революционаризма и анархизма, то есть пошло в отрицательную сторону, как самую легкую и всегда открытую. Но оно не дало нам никакого положительного плода. Мы остались на том же месте, где и прежде были, потому что мы не любим медленно строить, не хотим трудиться и думать, а предпочитаем говорить и действовать» [42, XI].

На «новом этапе» появится и новое название — «практический нигилизм». Конечно, «практические нигилисты» (критик Авсеенко назовет их «вторым поколением» после радикалов-теоретиков) будут далеко не все «бомбы метать», но кто-то будет бесчинствовать на ниве личного обогащения под лозунгом «общего дела». В романе Лескова «На ножах» (1870) центральный герой Павел Николаевич Горданов «нимало не лгал ни себе, ни людям, что он имел оригинальный и верный план быстрого и громадного обогащения» [30, 290]. Он уже и человека может продать (пусть крепостное право и отменили, зато капитализм развивается немислимыми темпами и пользуется весьма широкими средствами для превращения всего и вся в денежную массу); он уже и торгует компроматом, заставив жалкого нигилиста Висленева написать статью, адресованную врагам России, в которой начертаны самые смелые рекомендации по одолению русского народа (загнать его в Азию, например). За висленевскую статью практический нигилист Горданов получит десять тысяч.

Радикализм новых людей начинался, как мы показали, с ополчения против «чистого искусства», не желающего служить действительности, в которой так много мрачного и грязного. Нельзя парить в пространстве чистых наслаждений, пока «не сжата по-

лоса» Это был первый «проклятый вопрос», за ним последовали и другие²¹. Но нам важно, что «чистое искусство» было объявлено **праздной забавой** на фоне задачи «спасать Отечество» от Государя и государства.

Победа утилитаризма была сокрушительна — и она сопровождала (часто очень бездарно) такое, казалось бы, высокое дело, как освобождение крестьян. Почему же реформа так прибила долу все высокие потребности человека? Почему подчинение «общественной пользе» обернулось катастрофически сниженной культурной нормой? Почему совершенно неопределенные **мечтательные идеалы** Белинского, Добролюбова и Писарева, требующих от литературы и культуры **служения общественным интересам**, приобретая в 1860-е **программную неопределенность**, тем не менее привели к тому, что искусство в XX веке «стало орудием единственной партии»?

С сороковых годов XIX века вплоть до 1917 года навсегда разойдутся в русской критике пути тех, кто принимает и не принимает идеальное «чистое искусство» (*чистейшей прелести чистейший образец*). Писарев и Страхов, Белинский и Григорьев, Добролюбов и Дружинин с Анненковым никогда не примирятся. 60-м годам XIX столетия присуща не просто «литературная рознь», но и «партийная нетерпимость»²². В литературной критике появилось то, чего совсем еще недавно не было, — «партии» или «лагеря».

Практические нигилисты и практические революционеры имели общий корень, как показала русская литература той поры, и мы не будем рассматривать их как отдельные друг от друга типы. Если в 1861–1865 годах Н. Н. Страхов борется с литературным нигилизмом, то после террористического акта 1 марта 1881 года, когда через 15 лет все же убьют Императора Александра II, он

²¹ В некотором смысле все другие «проклятые вопросы» шестидесятых, такие как женская эмансипация и отношения в семье, «право на равенство» мужчины и женщины, призыв к самосовершенствованию на базе опять-таки веры в прогресс и науку, неприятие роскоши и красивой жизни, как и обывательской морали, культ труда — все эти проклятые вопросы отразила русская литература.

²² Например, статья Н. С. Лескова «Литературная рознь» (Петербургская газета. 1885. Дек., 12) посвящена вопросам взаимоотношений писателей.

прямо **указывает на корень зла — на нигилизм**. И до сих пор нигилизм (пусть и под другими названиями: «правозащитная деятельность», «оппозиция») не покинул сцены нашей личной и общественной жизни.

«Письма о нигилизме» Николая Николаевича Стрхова были написаны, повторим, сразу после 1 марта 1881 года — черного дня русской истории. «Новые люди», отрицатели Базаровы предстали теперь в предельном своем обличье — политических террористов.

«500–600 отрубленных голов обеспечат покой, свободу и счастье», — писал французский революционер Жан-Поль Марат (1743–1793), первым в истории изложивший программу захвата власти с помощью террора [29, 185]. Само слово «террор» вошло в европейский оборот без перевода на национальные языки и стало термином, потребовавшим закрепления того, что уже было действительностью. Позже на арену европейской мысли явится Карл Гейнцен (нем. *Karl Peter Heinzen*; 1809–1880) в качестве теоретика терроризма. Им сформулирован основной постулат: не останавливайся ни перед чем, то есть не учитывай каких-либо этических, культурных и законных норм, а используй любые средства. Зловещее положение его теории состояло в том, что он полагал, что **террор уже осуществляется** — осуществляется правящими классами государства (властью) и все иные действия являются **только ответом** на «их террористические акты» [29, 186]: «Им необходимо убийство, мы отвечаем убийством же. Убийство — их аргумент, в убийстве — наше опровержение» [49, 64]. Конечно, такие русские публицисты-революционеры, как Александр Иванович Герцен (1812–1870), были много мягче. Того же Гейнца автор «Былого и дум» называет «Собакевичем немецкой революции», полагая умственные выверты Гейнца вполне «каннибальскими выходками» (немецкий теоретик публично предлагал «избить два миллиона человек на земном шаре — и дело революции пойдет как по маслу», — рассказывал Герцен, названный, в свою очередь, нашим Н. Н. Стрховым первым русским западником, разочаровавшимся в Западе [10].

Можно было сколько угодно **пока** говорить о «каннибальских выходках», но уже скоро и в России была применена тактика террора С. Г. Нечаевым (1847–1882) — нигилистом и революционным активистом, лидером тайного общества «Народной расправы», автором «Катехизиса революционера». «Стержнем всего мироощущения

и главным психологическим стимулом его политической деятельности было **убеждение в собственном мессианском призвании**, — утверждает историк В. В. Витюк. — Его непреклонная воля была настояна на самовлюбленности, отсутствии нравственных устоев и узости мысли. Претендентам на **роль мессии**, какими бы возвышенными ни были декларируемые ими цели, всегда свойственно представление о себе как о «**сверхлюдях**», скрытое или явное презрение к другим» (Выделено мной. — К. К.) [8, с. 172].

В «Письмах о нигилизме» Н. Н. Страхов умно опишет эту нравственную болезнь, которая захватила не только худших, но и чистых людей русского общества. Таким образом, в русской культуре, вместе с первыми героями террора, появляется практически **сразу** и глубочайшее осмысление этой проблемы, где **нигилизм и террор крепко связываются**.

Собственно, в «Письмах...» (а это четыре письма) Страхов, как и Достоевский в «Бесах», показал, по наблюдениям Н. И. Калягина, **как** из *обычных людей* происходит выделка *радикальных революционеров*.

Страхов решительно предлагает **оставить** все эти бесконечные мнения о неких *личных* (то есть приватных) *интересах* тех, кто бросал бомбу в царя, или, добавим мы, отрезал голову школьному учителю: «Мы должны вспомнить, что в человеке, живущем в государстве, личные побуждения неспособны иметь такую силу. Всякий с детства привыкает к мысли, что тяжелая и сложная машина государства может наносить ущерб его интересам; все мы каждый день чувствуем хоть малую долю тягости, происходящей от того, что мы так или иначе **держим на себе государство**. <...> **Племенная ненависть** тысячекратно сильнее личной, и вот, по видимому, где можно найти источник этой дерзости и силы. Наши политики и историки очень естественно останавливаются на этих соображениях. Польский фанатизм, или, может быть, ярость обезумевших хохломанов, — вот где злоба действительно может дорасти до тех размеров, в каких мы видим её перед собою» [41]. Понимая всю правоту такой точки зрения, понимая, что «наши преступники, очевидно, посягают на политическое существование России; следовательно, они действуют заодно с ее политическими врагами» [41], Страхов тем не менее считает, что и такое понимание **не защитит нас от движения к пропасти**, не обеспечит глу-

бины понимания, которую он связывает только с обнаружением **«настоящего корня зла»**.

«Корень зла — нигилизм, а не политическая или национальная вражда», — Страхов сразу дает ответ на поставленный вопрос, а уже потом развертывает свои доказательства, до глубины аргументации которых редко доходят и сегодня. Да, вражда политическая и национальная существуют. Но и та, и другая — это **пища** нигилизма. Ими как раз нигилизм и питается, он, как порох, разбросан по всей нашей жизни, и достаточно прийти поджигателю и зажечь порох-нигилизм! Если бы, говорит Страхов, «наш дом был чист от пороха», то и поджигатели были не страшны.

Критик и философ прекрасно понимал, что ему легко возразить: Вы хотите уничтожить нигилизм? Вы хотите переловить всех нигилистов? Это невозможно, потому как «тысячи молодых людей» ежедневно вербуются в эту «незримую армию». Даже если предположить, что нигилисты совершили все последние зверские покушения и террористические акты, неужели это можно «делать только из чистого желания зла, из жажды разрушенья для разрушенья. Ужели же это возможно? Ужели такая дикая мысль может кого-нибудь воодушевлять и доводить до отчаянных усилий, **до пожертвованья собою?»** [41]. Страхов задает все эти вопросы от лица обычного просвещенного человека, и отвечает на них со всей определенностью.

«Жажда разрушенья для разрушенья», о которой мы уже говорили выше, безусловно, вполне **фантастична**. Но в том то и дело, что порождена она **не** реальными и «конкретными местными интересами», а теориями (*мыслями отвлеченными*), желаниями — призрачными, целями — не имеющими опор в реальности (а потому — фантастическими). Перед нами не простая реальная злоба — перед нами реальность чудовищного безумного сознания, *«ибо реальные желанья можно удовлетворить, реальную ненависть можно отразить и обезоружить; но что сделать с фантастической ненавистью, которая питается сама собою, над которой ничто реальное не имеет силы?»* (Здесь и далее выделено мной. — К.К.) [41]. Как тут не вспомнить снова Н. Добролюбова с его опасной мечтательностью, с его категорическим ожиданием «настоящего дня»?

Никакого частного (конкретного приватного интереса), повторим, не было ни в прежних убийствах тех, кто носит мундир,

ни в убийстве Императора. Национальная и политическая ненависть, говорит Страхов, — это нечто совершенно определенное, причем меняющееся, часто ослабляемое со временем. «Но той беды, которая пришла на нас, мы не избудем ни реформами, ни умиротворением народностей. Нигилизм есть движение, которое в сущности **ничем не удовлетворяется, кроме полного разрушенья**» [41]. Эту мысль Страхова очень трудно и сегодня в себя вместить, — готовность к такого рода разрушению, кажется, есть и в современном нам обществе.

Нигилизм на том уровне, куда он определен Страховым, это не только обычный *грех*; это не только простое *злодейство*, это не только *политическое преступление*, это даже не *революционное пламя*. Нам предлагают сделать еще один шаг — подняться туда, где должны размещаться *душа и законы совести* и оттуда посмотреть на нигилизм. Что же мы увидим? Увидим картину **последней правды о нигилизме**, обнажающей его зерно, его суть: «Нигилизм, это — грех трансцендентальный, это — грех нечеловеческой гордости, обуявшей в наши дни умы людей, это — чудовищное извращение души, при котором злодеянье является добродетелью, кровопролитие — благодеянием, разрушение — лучшим залогом жизни. Человек вообразил, что он полный владыка своей судьбы, что ему нужно поправить всемирную историю, что следует преобразовать душу человеческую» [41].

Высокая цель? Высокая. Самая наивысшая. Исправить то, что основа основ бытия — *историю народов и души людей*: «Безумие соблазнительное и глубокое, потому что под видом доблести дает простор всем страстям человека, **позволяет ему — быть зверем и считать себя святым**» [41]. Здесь — самый центр нигилизма, его «господствующее стремление». Террорист жертвует собой, но святость эта — ложная. «Последний соблазн» нигилистов — явное следствие все той же логики, при которой меняется подлинная сущность явлений: они «откинули религию», но «религиозности ...откинуть не могли». **В нигилизме появляется своя «религиозность» — религиозность извращенная, ложная, подмененная.** Весь склад жизни революционеров, террористов, то есть нигилистов вообще, показывает, чем и как они «питают совесть»: «Их нравственный разрыв с обществом, ... жизнь отщепенцев, тайные сходки, связи, основанные на отвлеченных чувствах и началах, **опасность и перспектива само-**

пожертвования, — все это черты, в которых может искать себе удовлетворения извращенное религиозное чувство. Как видно, **легче человеку поклониться злу, чем остаться вовсе без предмета поклонения**» [41].

Нигилисты доказали «от обратного», что человеческой душе нужна не только пища свобод и равенств, но нужен идеал, то есть и нигилист хочет полагаться на нечто большее себя, чему он готов жертвовать всем, — такой идеал, за который он готов умереть.

Страхов называет это состояние нигилиста состоянием «гражданского монашества», однако в сущности своей мнимого, опирающегося на ложную же религиозность, дающую соблазнительную «роль страдальца».

Русская классическая литература (как ее вершины, так и литература текущая), критика и философские работы Н. Н. Страхова показали то, что происходило с человеком, сначала «жаждущим реформ», а потом убивающим реформатора. Шаткое оживление ума, фантастическое восприятие всей действительности, неспособность видеть в ней ничего, что можно было бы не критиковать, а ценить; тотальное отвержение «прежних» ценностей и норм, отторжение своего ума от христианской традиции и замена ее «революционной святостью» привели к тому, что отечественный нигилизм не удержался только на стадии «пассивно литературной» (дающей осознание, *что* именно из старых ценностей гибнет и *почему* гибнет), перешел к стадии «революционно активной», уничтожая тех, кто был носителем идеи *православия, самодержавия, народности*, когда только тотальное разрушение становится основанием «новых ценностей».

Но есть ли выход? И что предлагает Н. Н. Страхов? Самые страшные события, печальным свидетелем которых стал философ и критик, не уничтожили в нем веры в Россию и русский народ: «Он чужд наших понятий, того разврата мысли, который разъедает нас, и он смотрит на жизнь совершенно иначе: он всегда, всякую минуту готов к горю и беде, он не забывает своего смертного часа, для него жить — значит исполнять некоторый долг, нести возложенное бремя. Он спасается, как и прежде спасался, своим безграничным терпением, своим безграничным самопожертвованием. Он будет расти и множиться, и шириться, как и до сих пор, — и для нас (если мы уразумеем, что нам грозит позор и гибель) остается одно средство спасенья — примкнуть к народу, т. е. прилепиться

душою к его образу чувств и мыслей, и отказаться от безумья, среди которого мы живем» [41]. Путь, указанный Страховым, — это путь **понимания реальности**, подлинных причин опасных ее явлений; понимания русской жизни по своим собственным, не заёмным, критериям.

Литература

1. *Авсеенко В. Г.* Практический нигилизм // Русский вестник. — 1873. — Июль. — С. 389–427.
2. *Алексеев А. И.* К истории слова «нигилизм» // Сборник статей в честь акад. А. И. Соболевского. Статьи по славянской филологии и русской словесности. — М. — Л., 1928. — 408 с.
3. *Антонович М. А.* Воспоминания // Шестидесятые годы. — М., Academia, 1933. — 578 с.
4. *Базанов В.* Новые люди или нигилисты? (К истории русского демократического народоведения) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.bibliorossica.com/book.html?currBookId=11247> (дата обращения: 26.01.2022).
5. *Буданова Н. Ф.* Комментарии: И. С. Тургенев «Новь» // Тургенев Иван Сергеевич. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. : сочинения : в 12 т. : письма : в 18 т. / И. С. Тургенев ; АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Наука, 1978. — Том 9 [Электронный ресурс]. — <http://turgenev-lit.ru/turgenev/proza/pov/primechaniya-vi.htm> (дата обращения: 26.01.2022).
6. *Будницкий О. В.* Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX — начало XX в.) / О. В. Будницкий. — М. : Политическая энциклопедия, 2016. — 383 с.
7. *Бялый Г. А.* Проза шестидесятых годов // История русской литературы, Т. 8. Ч. 1. — М. — Л., 1956. — С. 295–301.
8. *Витюк В. В.* Нечаевщина как политическое и социально-психологическое явление // Социологические исследования. — 1981. — № 2. — С.161–175.
9. *Водовозова Е. Н.* На заре жизни : Воспоминания / Подготовка текста, вступ. статья, примеч. Э. С. Виленской и Л. И. Ройтберг. — М., 1964. — 2 т. [Электронный ресурс]. — URL: http://az.lib.ru/w/wodowozowa_e_n/text_0020.shtml (дата обращения: 26.01.2022).
10. *Герцен А. И.* Былое и думы. Части 1–5. [Электронный ресурс]. — URL: [http://rulibrary.ru/gercen/byloe_i_dumy_\(avtobiograficheskoe_sochinenie\)](http://rulibrary.ru/gercen/byloe_i_dumy_(avtobiograficheskoe_sochinenie)) (дата обращения: 26.01.2022).
11. *Головин К. Ф. (Орловский).* Русский роман и русское общество. — 2-е изд. — СПб, 1904. — 520 с.

12. Григорьев А.А. Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина. [Электронный ресурс]. – URL: http://az.lib.ru/g/grigorhew_a_a/text_0510.shtml (дата обращения: 26.01.2022).
13. Григорьев А. Мои литературные и нравственные скитальчества // Воспоминания. – М., 1988. – 298 с.
14. Де-Пуле М.Ф. Нигилизм как патологическое явление русской жизни. М. : Университетской тип. (М. Катков), 1881. – 53 с. [Электронный ресурс]. – URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003593933> (дата обращения: 26.01.2022).
15. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского. Т. 1. Биография, письма и заметки из записной книжки с портретом Ф. М. Достоевского и приложениями [в 14 т.]. – СПб., 1883. – С. 839.
16. Достоевский Ф.М. Господин Щедрин, или Раскол в нигилистах. – Т. 11: Публицистика 1860-х годов. – 1993. – 571 с. // Достоевский Ф.М. Собр. соч. в 15 т., – СПб., 1988. [Электронный ресурс]. – URL: <https://rvb.ru/dostoevski/02comm/96.htm> (дата обращения: 26.01.2022).
17. Елизаветина Г.Г. Писарев-критик. Испытание эстетикой. – М., 1999. – 180 с.
18. Елисеев Г.З. «Ещё несколько слов о новом романе г. Ф. Достоевского» // Современник. – 1866. – № 3. – С. 39.
19. Елисеев Г.З. О романе «Преступление и наказание» // Критика 60-х годов XIX века. – М., 2003. – С. 348–354.
20. Ильин Н.П. Два этюда о Н.Н. Страхове (1828–1896) // Русское самосознание (философско-исторический журнал). – СПб., 1996. – № 3. – С. 5–20.
21. Ильин Н.П. Отравленная льдина. Очерк жизни и мысли П. Я. Чаадаева // Родная Кубань. – 2017. – № 4; 2018. – № 1–2 [Электронный ресурс]. – URL: https://rkuban.ru/archive/rubric/na-perekrestkah-istorii/na-perekrestkah-istorii_3497.html (дата обращения: 26.01.2022).
22. Ицкович М.А. «Новые люди» 1860-х годов в исторической памяти конца XIX – начала XX века. – Самара : Самарский государственный университет, 2010 [Электронный ресурс]. – URL: <file:///C:/Users/Kapitolina/Desktop/%D0%A1%D0%A2%D0%A0%D0%90%D0%A5%D0%9E%D0%92/%D0%9D%D0%98%D0%B3%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D1%81%D1%82%D1%8B%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B5%20%D0%BB%D1%8E%D0%B4%D0%B8/N.N.Strahov-Borba.s.zapadom.pdf> (дата обращения: 26.01.2022).
23. Ицкович М.А. Субкультура русского нигилизма 1860-х годов и ее социальная направленность. – Самара : Самарский государственный универ-

- ситет, 2009 [Электронный ресурс]. – URL: file:///C:/Users/Kapitolina/Desktop/%D0%A1%D0%A2%D0%A0%D0%90%D0%A5%D0%9E%D0%92/%D0%9D%D0%98%D0%B3%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D1%81%D1%82%D1%8B%20%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B5%20%D0%BB%D1%8E%D0%B4%D0%B8/subkultura-russkogo-nigilizma-1860-h-godov-i-eyo-sotsialnaya-napravlennost.pdf (дата обращения: 26.01.2022).
24. *Калягин Н. И.* Чтения о русской поэзии. – Кн. 1–2. – СПб., 2016.
 25. *Калягин Н. И.* Чтения о русской поэзии. – СПб., 2021. – 896 с.
 26. *Катков М. Н.* Роман Тургенева и его критики. О нашем нигилизме по поводу романа Тургенева // Критика 60-х годов XIX века. – М., 2003. – С. 233–236.
 27. *Катков М.* О нашем нигилизме. По поводу романа Тургенева // Русский вестник. – 1862. – № 7.
 28. *Катков М. Н.* Сочинения в стихах и прозе графини С. Ф. Толстой // Отечественные записки. – Т. XII. – СПб., 1840. – № 10. – Отд. V. Критика. – С. 17.
 29. *Киреев М. П., Акиев М. Х.* Исторические этапы развития и понимания терроризма // Труды Академии управления МВД России, 2012 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskie-etapy-razvitiya-i-ponimaniya-terrorizma> (дата обращения: 26.01.2022).
 30. *Лесков Н. С.* На ножах / Н. С. Лесков. Собр. соч. в 12 т. – Т. 8. – М.: Правда, 1989. – 480 с.
 31. *Мещеряков Н.* Ленин о Чернышевском // *Чернышевский Н. Г.* Полное собрание сочинений : в 15-ти тт. – М., 1939. – Т. 1. – С. 5–23 [Электронный ресурс]. – URL: http://ngchernyshevsky.ru/texts/books/15-1/Meshcheriakov_Lenin-on-Chernyshevsky/4601-text/#_ftnref9 (дата обращения: 26.01.2022).
 32. *Надеждин Н. И.* «Сонмище нигилистов» / Сцена из литературного балагана // Вестник Европы. – 1829. – № 1–2 [Электронный ресурс]. – URL: http://az.lib.ru/n/nadezhdin_n_i/text_1829_sonmicshe_nigilistov_olderfo.shtml (дата обращения: 26.01.2022).
 33. *Никольский Б. В.* Н. Н. Страхов. Критико-биографический очерк. – СПб., 1896 [Электронный ресурс]. – URL: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/18721/1/Nikolay_Strakhov.pdf (дата обращения: 26.01.2022).
 34. *Новиков А. И.* Нигилизм и нигилист. Опыт критической характеристики. – Л., 1972. – 296 с.
 35. *Писарев Д. И.* Схоластика XIX века // *Писарев Д. И.* Сочинения : в 4 т. Т. 1. : Статьи и рецензии. 1859–1862. – М., 1955 [Электронный

- ресурс]. – URL: http://az.lib.ru/p/pisarew_d/text_0120.shtml (Далее римская цифра в ссылке на это издание указывает том.)
36. *Писарев Д. И.* Цветы невинного юмора // Там же. Т. 2. – М., 1955. – С. 338–339; Пушкин и Белинский // Там же. Т. 3. – М., 1956. – С. 306 и др. (Если в тексте даются ссылки на это издание, то указывается том (римской цифрой) и страница.)
 37. *Салтыков-Щедрин М. Е.* Наша общественная жизнь. Январь 1864. Том 6. Статьи 1863–1864 // Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений в двадцати томах. – М., 1965. (Впервые напечатано в «Современнике», 1864, № 1, отд. «Современное обозрение», стр. 17–48.)
 38. *Сорокин Ю.* К историко-литературной характеристике антинигилистического романа // Доклады и сообщения филологического факультета МГУ. – М., 1947. – Вып. 3. – С. 79–91.
 39. *Степняк-Кравчинский С. М.* Сочинения : В 2-х т. Т. 1. Россия под властью царей. Подпольная Россия. – М., 1987. – 575 с.
 40. *Страхов Н. Н.* Литературная критика / Вступит, статья, составл. Н. Н. Скатова, примеч. Н. Н. Скатова и В. А. Котельникова. – М., 1984. – 431 с. (Статья Страхова «Преступление и наказание» цитируется по: [Электронный ресурс]. – URL: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_0080.shtml (дата обращения: 26.01.2022).
 41. *Страхов Н. Н.* Письма о нигилизме. / *Страхов Н. Н.* // Борьба с Западом в нашей литературе. Исторические и критические очерки. Кн. 2. – Изд. 3. – Киев, 1897. – 383 с. [Электронный ресурс]. – URL: http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_1881_pisma_o_nigilizme.shtml (дата обращения: 26.01.2022).
 42. *Страхов Н. Н.* Критические статьи об И. С. Тургеневе и Л. Н. Толстом: 1862–1885. – Изд. 3-е. – СПб., 1895.
 43. *Страхов Н. Н.* «Слово и дело» (1863, янв.) // *Страхов Н.* Из истории литературного нигилизма 1861–1865. – СПб., 1890. – С. 203.
 44. *Страхов Н. Н.* Из истории литературного нигилизма 1861–1865. – СПб., 1890. – 596 с.
 45. *Тургенев И. С.* Новь [Электронный ресурс]. – URL: <https://all-the-books.ru/books/turgenev-ivan-nov/> (дата обращения: 26.01.2022).
 46. *Цион И.* Нигилисты и нигилизм. – М., 1886. – 141 с.
 47. *Шестидесятье годы.* Материалы по истории литературы и общественному движению. – М. – Л., 1940. – 488 с.
 48. *Ширинянц А. А.* О нигилизме и интеллигенции [Электронный ресурс]. – URL: <https://narusin.ru/shirinyants-a-a-o-nihilism-i-intellectuals/> (дата обращения: 26.01.2022).
 49. *Terrorism reader : a historical anthology.* – London, 1979.

Гронский Александр Дмитриевич

*кандидат исторических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник Сектора Белоруссии,
Молдавии и Украины Центра постсоветских исследований
Национального исследовательского института
мировой экономики и международных отношений
имени Е. М. Примакова Российской академии наук,
agr1976@yandex.ru*

ВОЙНЫ В СВЕТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ БЕЛОРУССИИ

Аннотация: В статье исследуется проблема формирования исторической политики Белоруссии на примере истории войн. После получения независимости молодые государства стремятся легитимировать свое существование путем формирования представлений о борьбе предков за независимость. Даже, если древней традиции национальной государственности не существует, она изобретается, чтобы войны прошлого можно было представить как борьбу за национальную независимость. Для придания событиям прошлого современной национальной интерпретации допускается купирование и искажение цитат, чтобы появилась возможность использовать их для функционирования исторической политики.

Ключевые слова: *Белоруссия, войны, историческая политика, идеология, национализм.*

Gronsky Alexander Dmitrievich

*Candidate of Historical Sciences. Docent.
Leading Researcher of the Center for Post-Soviet Studies
of Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations of the Russian Academy of Sciences.*

WARS IN THE LIGHT OF THE HISTORICAL POLICY OF BYELORUSSIA

Abstract: The article examines the problem of the formation of the historical policy of Byelorussia on the example of the history of the wars. Having gained independence the young states seek to legitimize their existence by forming the ideas about the struggle of their ancestors for

independence. Even if the earlier tradition of national statehood does not exist, it is being invented in a way that the wars of the past are presented as the struggle for national independence. In order to give the events of the past a modern national interpretation, one is not restricted to cut and distort the quotations to make possible laying them down for the use of the historical policy formation.

Keywords: *Byelorussia, wars, historical politics, ideology, nationalism.*

Перестройка и распад СССР спровоцировали появление новых государственных идеологий на постсоветском пространстве. Одним из важнейших элементов новых идеологий стала коррекция прошлого, а в некоторых случаях его изобретение. Изменение представлений о прошлом было необходимо, чтобы обосновать логичность получения независимости, объяснить то, что это было не случайным явлением, сопутствовавшим распаду СССР, а закономерным итогом многолетней или даже многовековой борьбы за собственную национальную независимость. При этом пропагандисты молодых локальных государств постсоветского пространства игнорировали объективные исторические знания, находя собственную этнокультурную группу в далеком прошлом, иногда даже в те периоды, в которые не существовало не только разделения по этническому признаку, но и не сформировался человек современного типа — кроманьонец. Особенно преуспели в поиске древнейших предков украинские пропагандисты, но соседи от них также стараются не отставать. Например, в вышедшем в 2019 г. первом томе «Истории белорусской государственности» указано, что первый ее период — догосударственный (догосударственный период государственности белорусских ученых не смущает) — начался 100 тыс. лет до н.э. [6, 6]. При этом государственность имеет этнический характер (она именно белорусская), несмотря на то, что в то время в Европе обитали лишь неандертальцы, а на территории нынешней Белоруссии не обнаружено ни одной их стоянки. Таким образом, этническую белорусскую государственность создали неандертальцы, и создали они ее дистанционно, так как на территории, где сейчас располагается Белоруссия, они не проживали. Этническую государственность создает конкретный этнос. Отсюда можно сделать вывод об этнической принадлежности неандертальцев. (Подробнее критику этой теории см.: [4].)

Однако ценность существования нынешнего государства представляется пропагандой не только по причине древности территориального образования, которое создали «наши» предки. Помимо древности необходимо показать ценность нынешнего суверенитета через кровь, через то, что поколения предков готовы были пожертвовать своими жизнями ради отстаивания суверенитета и независимости «нашего» государства. Государство, за которое готовы отдать жизнь, представляется более высокой ценностью, чем наличие благ, возможностей, перспектив, и даже более ценным, чем сама жизнь. Примеры подвигов, совершенных в прошлом ради своей страны, должны иллюстрировать сверхценность существования государства, которой нельзя поступиться, поскольку этим не поступались предки. И именно на таких предков необходимо равняться. Таким образом, любые проблемы, назреваемые в государстве, например, по причине отказа от интеграции, могут быть представлены как вызов сверхценности суверенитета. Ухудшение социально-экономического положения населения будет оправдано борьбой за суверенитет, а для мобилизации населения на преодоление трудностей можно предложить примеры из военного прошлого, когда было еще хуже, но предки не предали независимость страны.

В период преодоления современных кризисов обращение к истории войн является достаточно эффективным средством мобилизации общества и возможностью блокировать проявления недовольства, связанного с социально-экономическими и иными проблемами, последовавшими по причине кризиса. Отсылка к тому, что ради суверенитета и независимости допустимо страдать и даже лишиться жизни, направлена на возможность сохранить лояльность населения к властям при условии ухудшения социально-экономической ситуации, вхождения страны в глубокий кризис и появлении проблем, которых не случилось бы, если бы власти сами не шли на конфликт с внешними или внутренними оппонентами. Апелляция к памяти о войнах прошлого позволяет предложить «правильную», «патриотическую» модель поведения в кризисной ситуации. Война «закрепляется» в общественном сознании в качестве наиболее важного элемента истории, который обеспечивает национальную идентификацию и преемственность поколений. Война и ее участники прославляются, героизм и жерт-

венность превращаются в ценностный ориентир, и потому сама война оказывается политически востребованной» [8, 8].

Для того чтобы продвигать необходимый для определенных политических сил взгляд на историю, необходимо сформировать определенную концепцию, которая относительно непротиворечиво и, главное, идеологически «правильно» будет предлагать взгляд на прошлое. Это явление можно назвать исторической политикой. Сам термин «историческая политика» имеет несколько значений. В Германии он изначально воспринимался с негативным оттенком, в Польше он был выбран осознанно, чтобы дать название официальной практике формирования прошлого. Но российский историк А. И. Миллер предлагает использовать его как исследовательский термин. Он пишет: «Мое понимание природы исторической политики принципиально отличается от представлений ее сторонников, как явных, так и “стыдливых”. С моей точки зрения, у этого термина есть важное достоинство: он верно определяет те отношения, которые возникают между политикой, выступающей здесь как существительное, и историей, которая служит лишь прилагательным. Термин подчеркивает, что речь идет именно о политическом феномене, который должен изучаться, прежде всего, как часть политики, и тем отличается от политизации истории и политики памяти <...>» [9, 8]. Стоит отметить, что, говоря об исторической политике, исследователи обычно обращают внимание на усилия государства в сфере репрезентации исторического прошлого. Однако у сил, оппозиционно настроенных к действующим режимам, также есть свои интерпретации, которые иногда серьезно противоречат признаваемым в государстве. Историческая политика, реализуемая оппозиционными силами, направлена в первую очередь на своих политических сторонников, но частично может перениматься и правящей верхушкой, если это идеологически необходимо.

Вооруженные конфликты прошлого (стоит иметь в виду не только войны, но и восстания) дают множество примеров подвига и предательства, героизма и трагедии. Поскольку вооруженный конфликт всегда оценивается более эмоционально, чем обыденные события истории, он имеет дополнительный эмоциональный потенциал, когда нарратив вызывает не только чувство удовлетворенности за достижения предков, но и конкретные проявления сильных эмоций. Ведь история военных конфликтов связана с вы-

живанием в экстремальных условиях, с формированием представлений о деятельности людей в критические моменты, представляющие опасность для физического существования даже не одного человека, а больших групп людей.

Однако не каждый вооруженный конфликт является потенциальным носителем возможности эксплуатации его в исторической политике. Для эффективного использования истории войн в создании образов врагов, героев и жертв, необходимых для формирования идеи патриотизма, требуется, чтобы военные действия воспринимались потребителями исторической политики как «свои» войны, как войны или восстания, «наших» предков. Именно из таких конфликтов можно почерпнуть героизм и трагизм для современной пропагандистско-патриотической работы. При этом нужно отдавать себе отчет, что ряд войн и восстаний без всяких присвоений являются «своими», когда естественная историческая память оценивает события прошлого как противоборство, которые вели «мы» (т.е. наши предки) с врагами. Но для ряда молодых государств возникает проблема, связанная с объективностью восприятия войн прошлого как «своих». Полноценная «своя» война должна вестись «нашим» государством, т.е. оно должно существовать во время войны как суверенное и национальное и иметь, как минимум, собственные вооруженные силы или иные военизированные формирования, определяющие себя в первую и главную очередь как исключительно этнические. При этом такие формирования не должны быть частью чьей-то вооруженной силы, а действовать самостоятельно, если и подчиняясь какому-то не «своему», не национальному командованию, то только как союзному, а не как собственному. Большинство государств постсоветского пространства эти условия для определения войн как «своих» объективно выполнить не в состоянии. Именно поэтому вступают в силу иные объяснительные механизмы. Например, использование в качестве описания «своих» войн тех конфликтов, которые происходили на больших территориях и охватывали огромные массы населения, слабо или никак не связанные с конкретным народом. В частности, для большинства стран постсоветского пространства «своей» войной стала Великая Отечественная. При этом не вся целиком, а лишь частично, с упором на более пристальное изучение событий, происходивших на тех территориях, которые после 1991 г. стали независимыми, или же с обращением внима-

ния на вклад в победу конкретной этнонациональной группы. Еще в советское время появились исследования, посвященные роли того или иного народа в победе. Нельзя сказать, что это вызывало какую-то явную соревновательность в то время. Соревновательность появилась после распада СССР, когда отдельные ставшие независимыми республики стали заявлять о своем большем вкладе в победу. Исследования о роли конкретного народа в достижении общей победы имеют место, но все же следует заметить, что такие исследования создают искусственную границу между конкретной этнокультурной группой и остальными такими же группами единой страны. В реалиях войны те, чей вклад в победу засчитан как вклад представителя конкретного народа, вряд ли отдавали себе отчет в том, что они своими действиями вносят вклад в победу не как солдаты Красной Армии (если речь идет о Великой Отечественной войне), а как представители конкретного этноса. Даже при условии уважительного отношения к подвигу и героизму более несуществующего советского народа молодые локальные государства стремятся показать особое место в событиях войны своего нынешнего народа и нынешнего государства (подробнее о «своих» и «не своих» войнах см.: [5]).

Постепенно происходит вытеснение представления об общих проблемах в период войн по причине стремления к национализации конкретных событий. В угоду современной политико-идеологической повестке корректируются даже идентичностные нормы, бытовавшие в прошлом. В частности, можно остановиться на одном примере — обороне Брестской крепости в 1941 г. Брестская крепость была построена в период Российской империи, а подвигом защитников прославилась в период СССР. Однако после распада Советского Союза мемориал Брестской крепости оказался на территории Белоруссии. В Белоруссии мало кто отрицает подвиг именно советского народа, но коррекция информации постепенно происходит. В частности, из массового сознания выводятся некоторые автостереотипы, характерные для периода войны. Это можно проследить на пересказе легенды о советском солдате, который до апреля 1942 г. оборонялся в Брестской крепости. Эта легендарная история была изложена в книге писателя-фронтовика Б. Л. Васильева «В списках не значился», а позже и в вышедшем по ее мотивам фильме А. И. Малюкова «Я — русский солдат». У Б. Л. Васильева (и в фильме А. И. Малюкова) в ответ

на предложение немецкого генерала представиться, советский военнослужащий ответил: «Я — русский солдат» [3, 337]. На одном из белорусских сайтов, где пересказывается эта легенда, цитата изменена, и военнослужащий отвечает: «Я — советский солдат». При этом в статье указывается, что именно такую легенду рассказывают в музее Брестской крепости [2]. Однако есть воспоминания одного из пленных красноармейцев, который общался с брестчанином, выступившим переводчиком у немцев в момент выхода советского солдата из крепости. Фраза в этом случае звучала следующим образом: «Я был один, и я вышел только для того, чтобы своими глазами посмотреть на ваше бессилие здесь, у нас, в России» [10, 239]. Т.е., по мнению легендарного неизвестного солдата, Брест — это Россия. Естественно, Россия не как РСФСР, а в расширительном смысле, как СССР. Но для современной белорусской исторической политики такое расширительное толкование противоречит идеологическим конструкциям. Видимо, поэтому на одном из брестских сайтов фразу немного переделали и к тому же купировали, и она стала звучать так: «Я один, вышел, чтобы увидеть то, во что я крепко верил и верю сейчас, — в ваше бессилие» [1]. Окончание фразы, указывающее на место, где происходит действие («здесь, у нас, в России») воспроизведено не было. Для формирования современных представлений о войнах прошлого, оказывается, допустимо не только купировать цитаты, но и изменять их, заменяя слово «русский» словом «советский». В таких действиях можно видеть лишь идеологическую необходимость, но никак не полноценное сохранение памяти о войне и подвиге народа. Сторонние наблюдатели, сталкиваясь с представлениями о Великой Отечественной войне, представленными в белорусских школьных учебниках, утверждают, «что Великой Отечественной-то и нет в республике. Есть Белорусская Отечественная война» [11].

Историческая политика в Белоруссии только формируется. Она не обладает такими организациями, как институты национальной памяти в Польше и на Украине, но в 2019 г. в журнале «Беларуская думка» появилась статья, написанная совместно представителями Национальной академии наук и Совета безопасности, в которой сказано, что «в настоящее время уже необходимо предпринять ряд мер по активизации исторической политики в Беларуси» [7, 10], а также объясняется, что это за явление:

«По своей сути историческая политика — это способ создания того необходимого образа прошлого, который должен способствовать консолидации общества, воспитанию патриотических и гражданских качеств, служить укреплению межнационального и межконфессионального согласия, являться “иммунитетом” против чуждых идеалов и ценностей» [7, 3–4]. Необходимый образ прошлого, способный сплотить общество, достаточно эффективно может передаваться через историю войн. Именно войны спланивают общество, поскольку появляется общий для всех политических сил противник, способный разрушить ряд идеологических элементов, воспринимаемых как сверхценности, — суверенитет, независимость и т. д. Интерпретация войн, искажение и купирование цитат для затруднения понимания того, как на самом деле ощущали себя предки, ведет к появлению относительно спорных конструкций, которые можно легко подвергнуть научной критике. Защита этих конструкций становится идеологической необходимостью, что вызывает к использованию не столько научные методы, сколько пропаганду под видом научной полемики.

Литература

1. *Бешанов В. В.* Я — крепость. Ведём бой... // Brest-sv.com. — URL: http://www.brest-sv.com/librery/histor/krepost/beshanov_6.html (дата обращения: 8.11.2020).
2. Брестская крепость — крепость-герой // Герои БГУ. — URL: <http://hero.bsu.by/brestskaya-krepost.html> (дата обращения: 8.11.2020).
3. *Васильев Б. Л.* В списках не значился // *Васильев Б. Л.* Собрание сочинений в восьми томах. Т. 2. — Смоленск : ТРАСТ-ИМАКОМ, РУСИЧ, 1994. — 496 с.
4. *Гронский А. Д.* История белорусской государственности между наукой и идеологией // Всеобщая история и историческая наука в XX — начале XXI века : сборник статей и сообщений : В 2 т. Т. 1 / сост. и отв. ред. Г. П. Мягков, Е. А. Чиглинецв. — Казань : Издательство Казанского университета, 2020. — С. 307–310.
5. *Гронский А.* «Свои» и «не свои» войны в белорусском идеологическом дискурсе // *Словесно-исторические научные чтения имени Т. Н. Щипковой. Гуманитарные науки и отечественное образование. История, преемственность и ценности : сборник научных статей / Под ред. А. В. Щипкова.* — Москва : Русская экспертная школа, 2020. — С. 59–68.

6. История белорусской государственности : В 5 т. Т. 1. Белорусская государственность: от истоков до конца XVIII в. / отв. ред. тома : О. Н. Левко, В Ф. Голубев. – Минск : Беларуская наука, 2018. – 598 с.
7. *Коваленя А., Арчаков В. Данилович В., Баньковский А.* К вопросу об исторической политике // Беларуская думка. – 2019. – № 8. – С. 3–11.
8. *Куманьков А.Д.* Война, или В плену насилия. – СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. – 164 с.
9. *Миллер А.И.* Россия: Власть и история // Pro et Contra 2009. – № 3–4. – С. 6–23.
10. *Смирнов С.С.* Брестская крепость. – М. : Детская литература, 1969. – 424 с.
11. *Фомин-Нилов Д.* Беларусь и Россия теряют консенсус по истории Великой Отечественной войны // Евразия Эксперт. – URL: <https://eurasia.expert/belarus-i-rossiya-teryayut-konsensus-po-istorii-vov/> (дата обращения: 8.11.2020).

Некрасов Станислав Николаевич

*доктор философских наук, профессор,
Уральский федеральный университет,
профессор Уральского государственного
аграрного университета,
главный научный сотрудник,
nekrasov-ural@yandex.ru*

ПРОЕКТИРОВАНИЕ СЕЛЬСКОГО БУДУЩЕГО РОССИИ И ПРОБЛЕМЫ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ДЛЯ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МИРА

Аннотация. В мире уходит в прошлое цивилизация денег и рынка. Мир строит новую экономическую модель, которая может быть названа «Глобальная сетевая деревня». Люди перемещаются из городов на сельские территории, и поверхность планеты превращается в сетевую электронную и реальную деревню. В ней развивается экономика сотрудничества и сопользования как основы кооперации, что требует новых людей, ментально и мировоззренчески подготовленных к жизни в постковидной цивилизации. Новое село создает такую новую цивилизацию, в которой выдвигаются лидеры самоуправления местных сообществ по развитию сельских территорий. Этот путь к новому социализму, начинающийся со смены аграрной политики, невозможен как «левый поворот» сверху — путь открывается при совместном действии энергии масс и вождей, реализующих вековые народные чаяния, что невозможно без подготовки новых мировоззренчески и гуманитарно подготовленных кадров специалистов и созидателей глобальной сетевой деревни и всемирных сельских поселений.

Ключевые слова: *цивилизация денег, сельское будущее, глобальная сетевая деревня, экономика сотрудничества, кооперация, аграрная политика, новый социализм, новые кадры, мировоззренческая подготовка, аграрно-промышленная политика.*

Nekrasov Stanislav Nikolaevich

*Professor, Ph. D., Ural Federal University,
chief research officer Ural State Agrarian University,
nekrasov-ural@yandex.ru*

DESIGNING THE RURAL FUTURE
OF RUSSIA AND PROBLEMS OF IDEOLOGICAL
TRAINING OF PERSONNEL FOR THE
NEW ECONOMIC MODEL OF THE WORLD

Abstract: In the world, the civilization of money and the market is becoming a thing of the past. The world is building a new economic model, which can be called the “Global Network Village”. People move from cities to rural areas and the surface of the planet turns into a networked electronic and real village. It develops the economy of cooperation and co-use as the basis of cooperation, which requires new people mentally and ideologically prepared for life in a post-covid civilization. The new village creates a new civilization in which the leaders of local self-government communities for the development of rural areas are put forward. This path to a new socialism, starting with a change in agrarian policy, is impossible as a “left turn” from above – the path opens with the joint action of the energy of the masses and leaders who realize the age-old popular aspirations, which is impossible without the training of new worldview and humanitarian trained specialists and creators of the global network village and world rural settlements.

Keywords: *civilization of money, rural future, global network village, economy of cooperation, cooperation, agricultural policy, new socialism, new personnel, ideological training, agricultural and industrial policy.*

Изменения в мире в начале третьего тысячелетия и в 20-е гг. нового столетия настолько глубоки, что позволяют понять, что капитализма больше нет, а когда олигархия теряет власть, она начинает включать механизмы фашизации общества, осуществляет переход к управлению в форме новых видов диктатуры, в том числе цифровой, кодовой. Уходит в прошлое вся монетарная система и культ прибавочной стоимости, истекает время «ростовщика-процентщика» [2]. Уходит сама цивилизация денег, демократии и рынка [4]. И если при игре в шахматы нужно обыграть противни-

ка, и сегодня игра на «великой шахматной доске» продолжается по этому принципу только у политических антагонистов, то при игре в домино, а также в бридж на «великом карточном столе» в глобальном соревновании проектов будущего надо сбросить активы, и тут побеждает тот, кто раньше освободился от денег, тот, кого не оберут налоговики и не поставят под цифровой контроль и QR — быстрый ответ в мире 5G-интернета умных вещей. Пандемия нанесла удар только по планам недалеких глобалистов, ожидавших, что люди должны постоянно общаться офлайн и превращаться в «новых кочевников» (термин Ж. Аттали). Но тот же Ж. Аттали впоследствии уточнил, что для подлинной глобализации нужна глубинное государство, онлайн-контроль и необходима глобальная санитарная диктатура, тотальная вакцинация населения в качестве потребителей с переходом к автоматизированному производству товаров и услуг, использованию безлюдных карго-судов для перемещения товаров по планете.

Необходимость нового мировоззрения для новой модели мира

Мир строит новую социоэкономическую модель, в которую будут уходить люди из уже горящих опасных городов и захваченных в США территорий отрядами BLM и Antifa. Это модель может быть названа «Глобальная сетевая деревня» для «зеленой экономики» и для нее нужны мировоззренчески подготовленные и в первую очередь гуманитарно образованные кадры. В этой социальной модели максимально развивается экономика сотрудничества, сотворчества, совладения и сопользования как основы новой и одновременно древней как мир экономической формации «Коперации». Новое село, куда уходят не дауншифтеры и беженцы, а сознательные граждане ковидной цивилизации как паноптикума тотального санитарного контроля, создает новую творческую цивилизацию на просторах Евразии, в которой выдвигаются лидеры самоуправления местных сообществ по развитию территорий, заинтересованные в расширении возможностей местного самоуправления. Историк А. П. Прохоров пишет: «В первичных ячейках общества, в отдельных крестьянских семьях тоже был своего рода колхоз. В традиционно больших крестьянских семьях почти все имущество «централизовывалось». Доходы, особенно денежные,

принадлежали всей семье в целом и находились в распоряжении «большака» — главы семьи. Им, как правило, был самый старший член семьи» [9, 241]. Глава выдавал деньги на все траты, причем родня выступала как гарант уравниловки и выдачи денег независимо от вклада, но выделиться и накопить первоначальный капитал было невозможно — родня растаскивала все! В этом смысле коллективизация не была чем-то чуждым народной жизни, примерно так же, как жизнь раскольников выражала дух народной жизни и возрождала его. Коллективизация конца 1920-х — начала 1930-х гг. потому и состоялась как успешное социальное преобразование, что она опиралась на опыт крепостного права, жизнь в общинах, комбеды и продразверстки гражданской войны, разорение кулаками бедняков в эпоху НЭПа и восстановление социальной справедливости. Для возобновления движения в направлении более справедливой и неграбительской коллективизации тогда и сейчас необходима массовая организация крестьянских дворов на основе семейной общины.

Для организации одного крестьянского двора с фермой КРС на 100 голов требуется три трактора со шлейфом оборудования, коровник, поскольку мы живем не в Аргентине, где действует открытый выпас скота круглый год, автомобиль-молоковоз, дом для фермера и специалистов: все это требует металла, строительных материалов, продуктов, то есть дает импульс всем отраслям. Многие авторы предлагают фантастические излишние локомотивы такого развития — дирижабли, современный молодежный транспорт и пр. На самом деле, перечисленного достаточно для начала формирования клеточки народной жизни на селе — крестьянского двора. В нем будут сочетаться круговая порука, общинный и личный характер землепользования, когда свой участок будет резервной основой пропитания, система товарищеских судов и бригадного подряда, выборности руководителей среднего звена и директоров предприятий.

Задачей управления сельского хозяйства является не организация выращивания и сбора зерна на экспорт и последующая отчетность о перевыполненном плане. Задачей управления по программе движения и съездов движения «Федеральный сельсовет» является заселение и освоение русского пространства, размножение и сбережение народов России, достижение продовольственной независимости, ликвидация безработицы и искоренение бедно-

сти — а один работающий на селе дает работу 5–6 работникам отраслей промышленности — и потому стимулирование развития отраслей экономики. Формирование человека-коллективиста актуально в свете того, что происходит смена типа личности в результате социокультурных преобразований. Известный философ и исследователь феномена православной цивилизации А. С. Панарин пишет: «Человек труда, какую бы формацию он ни представлял — капиталистическую или коммунистическую, в горизонте новой социокультурной революции предстает как архаическая коллективистская личность, действующая в режиме коллективного контроля, призвания и ответственности. Напротив, человек досуга — это человек, сознательно воздвигнувший барьер между сферой индивидуальных наслаждений и всем тем, что хоть как-то попахивает призванностью под знамена коллективного действия, <...> новый индивидуалист досуга — это человек, мигрирующий из всех сфер общественно полезного времени в сферу, в которой приватизированное им время в принципе не подлежит общественной утилизации» [8, 183].

В этом смысле победа над очерченным фрейдизмом «юношей Эдипом» и создание нового коллективистского (бывшего советского) человека с социальной ответственностью и социальной памятью заставляет проводить выбор пилотных территорий, отработку вариантов организации кооперации аграрно-промышленной экономики, отбор лучших проектов кооперации, распространение удачных образцов по России.

Спасти село и реструктурировать общество

Благотворительный фонд «Спасти село» и общественное движение «Федеральный сельсовет» в лице фермера из Свердловской области В. А. Мельниченко последние годы заявляют о необходимости завершения аграрной реформы с обязательным условием ограничения площади владения земельными участками в одной семье. Завершение земельной реформы предполагает укрепление местного территориального самоуправления и необходимость строительства экономики на основе развития всех форм кооперации. Руководство фонда обращается со словами к гражданам России:

«Россия — богатая страна, полная несметных сокровищ, природных, земельных ресурсов, лесов, рек, озер и морей. У России есть всё! И ГЛАВНОЕ БОГАТСТВО СТРАНЫ — НАШ НАРОД!

Но в нашей России много бедных людей, незаслуженно обижены сельские жители. В результате неверных и ошибочных реформ сельские территории и малые города остались без производств, с тотальной безработицей и разрушенными социальными институтами.

Отдельные усилия равнодушных граждан и даже государственная мизерная поддержка через социальные учреждения не меняют нынешнюю ситуацию со сползанием все большего числа наших граждан в нищету, не могут переломить рост безработицы, остановить закрытие производств. Деградация территорий и обеднение людей продолжается. А их мечта трудоустроиться, достаточно зарабатывать, построить дом, учить детей, лечиться в хороших больницах — так и останется мечтой.

Дошедшая какая-либо разовая помощь нуждающейся семье будет только рыбой на короткое время. Мы создадим нашим людям удочку. Удочку для многократной ловли рыбы, чтобы мечта стала реальностью. «Федеральный сельсовет» поставил задачу: создать производства в каждом населенном пункте и ликвидировать безработицу, обеспечить достойный заработок для всех трудящихся. И это мы должны сделать сообща, всем миром.

Мы больше не дадим возможностей уничтожить благосостояние нашего народа. Вы, конечно, скажете, что это большая трудность. Но мы справимся. Мы наметили свой путь — путь освоения великолепного пространства России. И мы, российские граждане, имеем возможность объединиться, чтобы сделать жизнь лучше для всех! Мы сможем всё! Укоренение народа на земле, его благосостояние, здоровье и достойная жизнь — это наша главная идея» [14].

Какой может быть структура реализации программы завершения реформы и развития АПК? Несомненно, следует исходить из сбора лучших проектов и практик кооперативной деятельности, из собственной разработки проектных и методических решений. Опирайтесь необходимо на Союз кооперативов: территориальных (село) — овощеводство, отраслевых (деревня) — растениеводство, город (переработка), поселок (животноводство). Все это может быть размещено на единой информационно-финансовой платформе. У небополитика А. П. Девятова это потребительский

кооператив «Польза и дело», который работает на технологии купеческого слова и взаимных взносов. В России в целом это могут быть технологии блокчейна. В результате бизнес получает доступ к новым ресурсам посредством кооперации, получения кредитов со сниженной ставкой, одобрения сообществом проектов, что является гарантией их реализации и социальной направленности; получает сеть проектных партнеров по бизнесу. И все это может быть названо «территорией доверия».

Общество осуществляет общественный надзор процессов реализации проектов, совместные проекты консолидируют общество, вовлекают сбережения населения в денежный оборот. Кредитные и финансовые организации получают прозрачность деятельности финансовых организаций и проектов, гарантии взаимного поручительства. Институты развития обретают прозрачность оценки эффективности производства. IT-платформа финансовой кооперации в этих условиях создает территорию доверия, софинансирование проектов, кооперированные кластеры предприятий. Облачная платформа на базе блокчейн-технологий представляет революционный прорыв в системе расчетов. Блокчейн-технология позволяет вводить функцию удостоверения центра и снижать затраты по платежам при гарантии их исполнения. Разумеется, это не старообрядческое полное отсутствие платежей, но новая форма финансового оборота позволяет решать социальные задачи сельхозкооперации — развитие агротуризма, здоровье населения, демографическую проблему и домостроительства, ликвидацию безработицы, наконец, развитие территорий равномерной сетью поселений.

Задача социального государства на селе — обеспечение создания условий семейных ферм, мини-цехов, перерабатывающих производств, деревообработки и иных товарных производств. Социалистическое государство все это разнообразие кооперации, от которой производитель не разбогатеет и получит достойную жизнь, заменит на социалистическую коллективизацию. А пока следует отвергнуть пессимистические прогнозы стагнации и гибели сельских территорий России, замены русского народа, не желающего жить на своей земле, на пришлые народы. В истории так уже было — крестьяне требовали раздела помещичьих земель по едокам, и большевики выполнили это мелкобуржуазное требование, зная, что опыт покажет его несостоятельность для боль-

шинства сельского населения. Прошло 15 лет после раздела земли по едокам, и началась коллективизация, во многом благодаря которой наш народ сохранился в истории и победил во Второй мировой войне. Сегодня третья мировая война нового гибридного типа маячит на горизонте, и она требует переосмысления опыта капиталистического вектора деградации, когда Россия оказалась на дне. Пора подниматься и успеть пройти путь реиндустриализации, а тем самым и новой коллективизации.

Удачный советский опыт организации жизни деревни и неудачный постсоветский фермерский эксперимент: переосмысление

М. Калашников писал о советском опыте еще в 2009 г., что уже сегодня мы можем не удвоить, но упятерить ВВП РФ только за счет постройки городов будущего, состоящих из семейных домов-усадеб с передовыми системами жизнеобеспечения. Причем человек должен жить там, где работает, и рядом с жильем должно находиться сельхозпроизводство, вся инфраструктура жизни, новые инновационные производства с тем, чтобы не пришлось, как обитателям элитных коттеджных поселков, за всем выбираться в город, возить туда-обратно детей. Эти поселки часто стоят заброшенные, как зверинцы с толстыми кирпичными стенами, в лесу или вдоль шоссе. Для обоснования своего тезиса Калашников взял интервью у Л. Гребнева, руководителя некоммерческой организации «Зеленый мир»:

«Сегодня мы предлагаем свои технологии в животноводстве, в производстве зерна, витаминных зеленых кормов. У нас пшеница прорастивается за неделю, а из тонны зерна получается 7–8 тонн зеленой массы. Отсюда и повышенная продуктивность крупного рогатого скота. Ибо если коровка ест просто зерно, из него она усваивает 8 %, а из наших зеленых витаминных кормов — все 92 %... У нас — очень хорошие технологии сохранения урожая при долгом хранении. Скажем, фитобактерицидные туманы. Они отлично сберегают плодоовощную продукцию. Очень экономично, причем ничего подобного нет ни в Америке, ни в Европе» [3, 293].

Уральские ученые-экономисты, изучающие большие циклы индустриализации, ссылаются в рамках экономической генетики на региональное направление — теорию социально-экономическо-

го генотипа территории. Идея основывается на том, что в любой социально-экономической системе действует информационный механизм, закладывающий основы воспроизведения структуры, принципов функционирования, процессов регламентации и обучения: «Этот механизм формируется под воздействием системы ценностей, которая отражает общественное сознание различных социальных и этнических групп» [10, 77]. Одним из авторов указанной монографии, Е. Г. Анимицей, выделяется горнозаводской архетип в ходе исследования им феномена кондратьевских циклов в развитии промышленности Уральского макрорегиона. Можно ввести образ производственных кодов региона не только в отношении промышленности, но и в отношении сельхозпроизводства. Однако эти коды следует рассматривать на фоне общих исторических процессов изменений общественно-экономических формаций. Сочетание одного и другого — генотипа территории и формационных сдвигов — дает общую картину движения пластов истории сквозь народную толщу и территорию. О. А. Арин пишет: «Современная российская история демонстрирует уникальное явление: переход от феодального социализма к государственно-олигархическому капитализму, от него — к классическому капитализму раннего периода. И далее — путь к феодализму с элементами капитализма. То есть к Европе XV–XVI веков. Почему этот путь неизбежен? По одной причине: капитализм в России не приживется. Россия может быть или феодальной, или социалистической. Причина — в менталитете русского народа, сформированного климатом и пространством.

Общий суровый климат этой страны никогда не даст развиваться индивидуалистическому мышлению, поскольку он требует совместных форм выживания, т. е. совместного ведения хозяйства. Громадные пространства требуют централизованного управления, иначе территории распадутся на самостоятельные анклавов. Эти два фактора порождают две вещи: коллективистский труд на местах и подчиненность центральной власти» [1, 259].

Рыночный фундаментализм неolibералов и «реформы смерти» 1990-х гг. разрушают не только физическую экономику города, но в первую очередь, сам уклад традиционной сельской народной жизни [6]. Здесь возможен единственный выход из исторического тупика. Существует принцип, по которому выход там же, где и вход. Это значит, что следует вернуться к опыту социалистиче-

ской индустриализации и реализовать практически вторую индустриализацию [7]. Неоиндустриализм для России и мира будет спасением из тисков насильственной неолиберальной глобализации, из удушающих объятий глобального проекта либералов, который назван ими «Новый Вавилон». Но главное, что Россия вновь ускользнет от капитализма.

Новый социализм и кадры новой цивилизации Земли

Немецкий философ Я. Кемпбелл в начале 2021 г. пишет, что капитализм изменился, но тем не менее это капитализм: «Традиционная модель капитализма трансформировалась за последние 30–40 лет в новую модель капитализма. Его функции отвечают всем известным критериям, чтобы назвать его *когнитивным капитализмом*. Во-первых, новая модель требует почти повсеместно применять чувства, эмоции и не требует физических денег и физического присутствия. Это доказывает и язык: Я чувствую, давайте почувствуем это, его большую или плохую эмоцию и т. д. Дальнейшее доказательство предлагает трансформацию традиционных элементов капитализма (*физический продукт — физические деньги — физический продукт*) в одну функцию и смесь физического и виртуального капитала: *деньги — деньги — деньги*, а сегодня даже *услуги — виртуальные деньги, удаленная связь и работа в домашнем офисе — платформы и инструменты*.

Результаты описанной трансформации позволили капитализму трансформироваться и адаптироваться к новым ситуациям, быстрому, нерегулируемому и линейному технологическому развитию и, наконец, не в последнюю очередь, неолиберальному законодательству, подкрепленному: 1) знаниями о том, как функционирует человеческий мозг, что привело к построению модели когнитивного капитализма; 2) неолиберальной и глобализированной системой с собственными законами ТНК, непосредственно конкурирующими с национальными законами постоянно угасающих и реактивных государств; 3) частной собственностью по модели когнитивного капитализма. Он принадлежит нескольким ТНК и нескольким финансовым династиям. Модель функционирует в глобальном пространстве и в различных средах, и поэтому любое ее рассмотрение должно учитывать ее *абсолютный глобальный характер*» [16].

Можно сделать вывод, что капитализм стоит на развилке и возможно на ней и погибнет. Тут сталкиваются основополагающий принцип традиционного капитализма — *экспансия*, которая создавала внешнюю периферию и вызывала войны, и новая модель когнитивного капитализма, позволяющая сохранить фундаментальную потребность в экспансии и периферии и заменяющая традиционную войну войной в информационном и киберпространстве. Это не утопический «инклюзивный капитализм», провозглашенный К. Швабом. Значит, необходим новый социализм.

Как отмечает швейцарский исследователь Н. Вольф в статье «Межпоколенческое и межотраслевое восстановление Союза: новый независимый орган?», «провозглашаемая ныне новая «Зеленая революция» в обновленном Евросоюзе предполагает, что Союз примет более радикальные подходы к смягчению последствий изменения климата и защите нашей планеты, начиная с амбициозной цели стать первым климатически нейтральным континентом к 2050 году в рамках Зеленой сделки ЕС. Дополнительным направлением станут так называемые “маячные” проекты с высокой отдачей и на основе водорода» [17].

Это значит, что изменение производительных сил неизбежно потребует их приведение в соответствие с производственными отношениями, что невозможно в узких рамках капиталистического производства.

Этот путь к новому социализму, начинающийся со смены аграрной политики в России и, судя по вышеизложенному, в обновленном ЕС, был описан нами в ряде работ и монографий. Обратим внимание на то, что такой путь к социализму невозможен как обсуждаемый ныне «левый поворот» страны сверху. Мы знаем, что на рубеже столетий даже Е. М. Примаков, будучи председателем правительства, не смог или не решился его совершить, после чего был бесцеремонно вместе с его командой выставлен из правительства олигархической властью. Такой поворот сверху (или «короткий оверштаг», как он называется в искусстве управления парусными яхтами) в рамках существующих производственных отношений настолько же невозможен и абсурден, насколько невозможно было бы желание мушкетеров наказать Ришелье за его нелюбовь к королю и отдать бриллианты на улучшение жизни крестьян. Путь к социализму открывается при совместном действии энергии масс и их вождей, реализующих вековые народные чаяния. Уточним, что

«короткий оверштаг» — морской термин, означающий маневр, при котором корабль все время поворачивает влево, до тех пор, пока не пересечет свой прежний курс и не пойдет направо, куда ему и нужно было плыть. При этом такая петля становится лишней на общем курсе корабля. Это очень напоминает предупреждение И. В. Сталина, высказанное им ревизионистам и нетерпеливым ультраревOLUTIONIONерам, сторонникам скачков, страдающим «детской болезнью левизны в коммунизме», — пойдешь налево, попадешь направо. Сказано было на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в речи «Об англо-русском комитете единства» 15 июля 1926 г.: «Но такова уж судьба “ультралевых” фразеров. Фразы-то у них левые, а на деле выходит помощь врагам рабочего класса. Пойдешь налево, — придешь направо» [11, 191]. А вот обратное движение в истории невозможно — поворот направо и усиление репрессий приводит к общенациональному кризису, войне, фашизму и при благоприятных условиях к революционной ситуации.

Актуальность вывода о необходимости движения в сторону социализма подтверждается тем, что провозглашенный Западом курс на «зеленую экономику» и безуглеродное будущее исключает само существование России в ее современном буржуазно-либеральном периферийно-экспортном облике. Новой цивилизации на планете будут не нужны ископаемые источники энергии — уголь, газ, нефть, уран, станут не востребуемыми системы газопроводов и нефтепроводов. Исчезнет ископаемый и экспортируемый источник столь необходимой стране валюты. Останется один источник — сельское хозяйство и земельные ресурсы. Другим источником в «зеленой экономике» станут бесплатные неисчерпаемые энергоресурсы в стиле Н. Теслы, когда к вращающемуся ротору Земли ставится статор для получения энергии. Наиболее оптимальным общественным устройством для России и мира в этих условиях становится социализм, при этом на первый план выходит вопрос о цели и смысле жизни и творчества все новых поколений людей, то есть кадров новой цивилизации.

Безуглеродное будущее мира и современная Россия

Сегодня на научных форумах и в жизни можно слышать: если мы собираемся спасти эту планету от нас самих, нам придется разработать более чистые технологии. И будущее зависит

от того, как скоро мы перейдем к высокотехнологичному миру с низким содержанием углерода, к низкоуглеродной экономике. В целом это новая утопическая идея создания устойчивой «зеленой экономики» в отличие от нашей нестабильной, зависимой от углерода экономики. В статье «Каким может быть безуглеродный мир будущего?» футуролог Рамез Наам так объяснил это: «Говоря об энергии, еде, транспорте, домах и подобном: очень малая часть нашего прогресса будет идти через добровольное желание потреблять меньше. Люди отчаянно этому сопротивляются. Если мы хотим преуспеть, нам нужно предоставить больше чистых, не загрязняющих окружающую среду, безопасных для климата вариантов этого всего» [15].

В журнале «Курьер ЮНЕСКО» М. Г. Хеннесси в статье «Безуглеродное будущее: первое слово за городами» пишет: «Во избежание катастрофических последствий изменения климата сокращение углеродных выбросов должно быть более радикальным, чем предусмотрено Парижским соглашением 2015 г. В связи с этим требуется масштабная реформа энергетики и согласованные и конкретные меры на международном уровне, в том числе по электрификации транспорта и декарбонизации жилья» [12]. После климатического саммита ООН в сентябре 2019 г. радикальные отделения климатического лобби на уличном уровне начали действия с целью «спасения планеты», а организация климатических апостолов, основанная в Великобритании, потребовала, чтобы выбросы парниковых газов были сведены к нулю к 2025 г. Напротив, Институт культуры и искусства имени Ф. Шиллера организовал дни действий по всему миру, чтобы разоблачить экофашистскую повестку дня как международного банковского лобби, так и лобби фондов, продвигающих «зеленые инвестиции» и иррациональные апокалиптические культы, предсказывающие скорый «конец света», если ничего не будет сделано для сокращения выбросов углерода. Против этой идеологии была выпущена брошюра Х. Зепп-Ларуш, призывающая к «научному возрождению человечества». В ней говорится: «Нет никакой климатической катастрофы. Климатические данные за последние 500 миллионов лет показывают, что климат Земли постоянно менялся с постоянным чередованием теплых и холодных периодов... Современные климатические паникеры не могут основываться на научно проверяемых фактах, но

используют климатические модели, предсказания, которые уже оказались преувеличенными [18, 2]».

CO₂ не является загрязнителем, но оказывается необходимым условием для жизни на Земле. Аксиомы экоалармистов столь же неверны, как и большинство допущений Средневековья, таких как схоластика, колдовство, сжигание ведьм или движение флагеллантов.

Всемирный экономический форум в Давосе в январе 2020 г. был посвящен «спасению планеты», «предотвращению климатического апокалипсиса», «прекращению глобального потепления». В списках докладчиков много «коллапсологов». За лозунгами стояла реальная повестка дня: создание нового «зеленого пузыря», чтобы спасти обанкротившуюся трансатлантическую финансовую систему от краха. В Давосе сложившийся альянс между идеологами монетаризма и защиты окружающей среды стал ясным для всех.

Выступление Д. Трампа вызвало шок, поскольку он сказал: «Сейчас не время для пессимизма; это время для оптимизма... Но, чтобы принять возможности завтрашнего дня, мы должны отвергнуть вечных пророков гибели и их предсказания апокалипсиса. Они являются наследниками вчерашних глупых гадалок... и они хотят видеть, как у нас плохо, но мы этого не допустим. Они предсказали кризис перенаселения в 1960-х гг., массовое голодание в 70-х и конец нефти в 1990-х гг.» [13, 2].

В книге «Наука христианской экономики» Л. Ларуш рассматривал ключевой аспект своего философского и экономического мышления: непримиримое различие между оригинальной американской системой политической экономии и имперской, англо-голландской системой свободной торговли. Наука в ее современном виде родилась в эпоху Возрождения и была выражена в архитектуре Ф. Брунеллески. Прежде Л. Ларуш предложил сосредоточиться на методе, которым Брунеллески руководствовался при строительстве купола, построенного самоподдерживающимся способом [5]. Гегелевская формула «все действительно разумно, все разумное действительно» начинает свою реализацию в обобщественном человечестве, когда существующее перестает быть действительным и разумным. Разумное начинает воплощаться в реальность, начинает существовать и становится действительным. Первая часть этой формулы старогегельянская, вторая —

младогегельянская. Их столкновение есть историческая и логическая борьба наукой и донаучной идеологий, реальность борьбы восходящего социализма и преходящего капитализма.

Глобальная пандемия и глобальные проекты будущего

При развале общественного производства и физической экономики остается одна сфера реального производства, распределения и потребления — сельское хозяйство. Изучение особенностей формирования общественной стоимости сельскохозяйственной продукции в глобальном мире может быть ориентировано на разные уровни удовлетворения общественных потребностей в трех основных проектах актуального будущего: в либеральном социальном буржуазном государстве, в революционном обществе нового социализма, в консервативном обществе реставрационного типа.

Целесообразно выявить особенности формирования стоимости сельскохозяйственной продукции на методологической основе более зрелой трактовки стоимости в третьем томе «Капитала». Эти особенности формирования стоимости могут быть рассмотрены под влиянием динамики общественно необходимых затрат труда при неизменном объеме потребностей общества на продукцию сельского хозяйства, а также на современном этапе функционирования агропродовольственного рынка развитых стран при высоком уровне насыщения потребностей. Однако происходит резкое сжатие потребностей при изменении глобализационных процессов и формировании роботизированной логистики в условиях глобального санитарного карантина. То есть безлюдное производство и безлюдное потребление возникает в конце истории. Достаточно для примера указать на полное прекращение поставок огромных партий минтая (вылов за путину около миллиона тонн) из России в КНР в связи с опасностью передачи вируса Covid-19 через рыбную продукцию, из-за чего возникают катастрофические проблемы страны при перестройке на внутренний рынок, способный принять лишь четверть улова.

Covid-19 оказывается удобным инструментом для закрытия внешних рынков в части тресковой рыбы для диетического питания. Однако достаточно назвать минтай на английский манер, как цены повышаются и внутренние рынки открываются. Подошел

момент государственной интервенции цен не только на зерно, но и на рыбу и иные продукты для внутреннего потребления. Такое государственное регулирование при капитализме возможно только в период мировой войны. Вспомним американскую тушенку, прозванную в наших войсках «второй фронт», и поскольку было произведено чудовищное количество пряной свинины, послевоенная ее распродажа дала ей новое название «спам».

На этой основе чудовищным в мирных условиях до начала третьей мировой войны нового гибридного типа выглядит концентрация капитала, формирование семейных групп агроолигархов и крупнейших сельхозугодий: в нашей не самой развитой периферийной капиталистической стране сформированы десятки агрохолдингов, которые распоряжаются сельхозугодьями, превышающими 100 тыс. га, и ряд агропредприятий, у которых 100 тыс. га. Можно сделать вывод о необходимости радикальной аграрной реформы на основе реализации глобального социального проекта «Великая Евразия» и конкуренции с пятью мировыми проектами.

Глобальный карантин, всеобщая обязательная вакцинация при переходе к ее принудительной стадии может иметь революционное,двигающее вперед общественные отношения или разрушительное воздействие на финансы и общественную жизнь. В карантинной ситуации планеты возникает необходимость перехода от социологического мышления старой геополитики пространства, бинарных оппозиций и двоичных шахматных игр к небополитике времени — хроноса, циклоса и кайроса — и оформления цивилизационного преимущества России: средствами цивилизационных парных игр для реализации глобального проекта «Большая Евразия». В результате перехода к методам небополитики в понимании времени новую форму получает объективная социальная диалектика и ее отражение в триадном мышлении в конце предыстории человечества, о чем подготовлена авторская монография «Социальная диалектика предыстории».

Covid-19 2020 г., а вместе с ним и пандемия страха затмили почти всё таким образом, что даже мировая политика была отодвинута в сторону и стала вторым приоритетом. Это была ключевая пара событий, которая уже вошла в историю наряду с послевыборными событиями в США. Но главное, что в этих условиях обострения общего кризиса капитализма, развития антагонизма внутренних и межимпериалистических противоречий,

Россия вновь ускользнет от капитализма. Это спасение возможно за счет проектирования и построения сельского будущего России в столкновении глобальных проектов за великим картонным столом цивилизаций. За этим столом идет игра в бридж (мост в будущее) — игра парами — и в условиях пандемии стало очевидным, что она превратилась в символ завершения господства одной пары цивилизации и начала выхода на авансцену истории другой пары.

Мир вступил в ситуацию с коронавирусом во главе с Америкой и Евросоюзом, а выходит из нее во главе с Китаем и Россией. Вместе с Америкой и Великой Европой с их проектом «Нового Вавилона» уходят демократия, свобода и спекулятивный капитализм, а с Китаем и Россией на просторах Большой Евразии в исторической форме и в границах «Третьей орды» приходят порядок, судьба и социализм. Дело обстоит бы легче для планеты, если смена цивилизационных пар произойдет мирно, а не в виде столкновения библейских сил. По библейским предсказаниям, «Битва Конца» (Армагеддон) должна состояться за десятки лет до «нового неба» вокруг «Святой Земли», то есть на пространстве от Нила до Евфрата. Толчок к битве даст государство Израиль, которое спровоцирует нашествие «полчищ Гога». В результате пандемического поворота мира и глобального кризиса с уходом России из западного лагеря и входом ее в пару с КНР, «Москва — Третий Рим» ускользает от роли Гога, которая переходит паре западных цивилизационных проектов Америки и Европы, попадающих под удар «нового Халифата».

Понятно, что это авторская профессорская трактовка, а профессора в периферийных странах глобальной системы мира, как хорошо известно хозяевам жизни, бестолковы, потому что бедны. Ведь сказано было либералами в перестройку: если ты такой умный, то почему такой бедный? Или как говорили прежде белые протестанты-американцы, в разгар дебатов надо сказать оппоненту — «show me your money, boy». Ведь для того чтобы иметь деньги при классическом капитализме, надо было много и упорно трудиться, трудиться веками — «подстригать газон 300 лет каждый день». Но это в прошлом — сейчас трудиться не надо, капитализм исторически исчерпан, и экспроприаторы, действуя как «анти-Маркс», изымают остатки частной собственности экспроприруемых и передают ее узкому кругу олигархов.

Литература

1. Арин О.А. Россия в стратегическом капкане. Капитализм несет разрушение не только России, но и Западу. — М. : Алгоритм, 2003. — 350 с.
2. Бакуштов В.К. Философия истории: бинарная парадигма. — Екатеринбург : Изд. Уральского университета, 2003. — 980 с.
3. Калашников М. Россия на дне. Есть ли у нас будущее? — М. : Язуз-пресс, 2009. — 348 с.
4. Катасонов В.Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации». — М. : Институт русской цивилизации. 2013. — 1072 с.
5. Ларуш Л. Вы на самом деле хотели бы знать все об экономике? — М. : Шиллеровский институт, Украинский Университет в Москве, 1992. — 107 с.
6. Некрасов С.Н. Глобальная капиталистическая система: угроза рыночного фундаментализма // Современные социально-экономические процессы: проблемы, закономерности, перспективы. Сборник статей III международной научно-практической конференции, состоявшейся 20 ноября 2017 г. в г. Пенза : В 2 ч. Часть 2. — Пенза : МЦНС «Наука и просвещение», 2017. — С. 88–96.
7. Некрасов С.Н. Неоиндустриализм для России и новое научное понимание исторического процесса // Экономический рост: факторы и механизмы устойчивого развития : Монография. Глава 1 / Под ред. Г. Ю. Гуляева. — Пенза : МЦНС «Наука и просвещение», 2017. — С. 6–21.
8. Панарин А.С. Народ без элиты. — М. : Алгоритм. 2006. — 350 с.
9. Прохоров А.П. Русская модель управления. — М. : Эксмо. 2006. — 383 с.
10. Силин Я.П., Анимица Е.Г., Новикова Н.В. Уральский макрорегион: большие циклы индустриализации. — Екатеринбург : УрГЭУ, 2019. — 371 с.
11. Сталин И.В. Сочинения в 13 т. — Т. 8. — М. : ГИПЛ, 1952.
12. Хеннесси М.Г. Безуглеродное будущее: первое слово за городами // «Курьер ЮНЕСКО». — № 3. — 2019. — URL: <https://ru.unesco.org/courier/2019-3/bezuglerodnoe-budushchee-pervoe-slovo-zagorodami> (дата обращения: 26.01.2022).
13. Цит. по: Executive Intelligence Review — E.I.R. Strategic Alert Weekly Newsletter. Vol. 34, № 5, January 30, 2020. P. 1–4.
14. Василий Мельниченко. Председатель Совета БФ «Спасти село» // Федеральный сельсовет. — URL: <http://fed-selsovet.ru/fond> (дата обращения: 26.01.2022).

15. Каким может быть безуглеродный мир будущего? – URL: https://s30633708255.mirtesen.ru/blog/43476980388/Kakim-mozhet-stat-mir-v-buduschem-pri-defitsite-ugleroda-...?utm_referrer=mirtesen.ru (дата обращения: 26.01.2022).
16. *Campbell J.* The World in 2021 – a personal view // Vision and Global Trends – The Platform for Future Issues and Challenges. – URL: <https://www.vision-gt.eu/> (дата обращения: 26.01.2022).
17. *Wolf N.* Cross-generational and cross-sectoral Recovery for the Union: a New Independent authority? – URL: <https://www.vision-gt.eu/news/cross-generational-and-cross-sectoral-recovery-for-the-union-a-new-independent-authority/> (дата обращения: 26.01.2022).
18. *Zepp-LaRouch H.* Executive Intelligence Review – E.I.R. Strategic Alert Weekly Newsletter. Vol. 41. 2019. P. 1–4.

Закунов Юрий Александрович

*кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник,
руководитель отдела наследования культуры Российского
научно-исследовательского института культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачёва*

**АМБИВАЛЕНТНОСТЬ СОЗНАНИЯ
И АНТИНОМИЗМ КАК
ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ВЫЗОВЫ**

Аннотация. Новая глобальная цивилизационная модель деформирует важнейшую структуру любой социальной системы: телесно-душевно-духовную природу личности, что приводит к дисфункциям главных социальных институтов, разрушению несовместимых с ней исторически сложившихся цивилизаций и культур. Её особая inferнально-духовная природа способна разрушать традиционные ценностные альтернативы в лице «Западной» и «Восточной» цивилизаций, которые не выдерживают сс ней конкуренции. На этот вызов только русская (российская) цивилизация, движимая духовно-нравственными православными императивами, способна дать ответ, достойный наследников Великой Победы. Антиномизму и амбивалентности трансгуманизма противостоит цельность русского духа, сильного единством принципов данности (исконной природы и народной традиции), заданности (идеала божественного совершенства) и осуществления (культурного созидания как творческого преобразования в восхождении к первообразу).

Ключевые слова: *ценности, российская цивилизационная альтернатива, антиномизм, амбивалентность, цельность, цивилизационные конфликты.*

Zakunov Yuri Alexandrovich

*PhD, Associate Professor, Head of Department
Russian Scientific Research Institute for Cultural
and Natural Heritage named after D. Likhachev,
e-mail: zakunovyuri@mail.ru*

**AMBIVALENCE OF CONSCIOUSNESS
AND ANTINOMISM AS CIVILIZATION CHALLENGES**

Abstract. The new civilizational model brings about a change in the most important structure and fundamental principles of any social

system: the values of the individual, the spiritual deformation of which leads to dysfunctions of all major social institutions. The instrumentalist and objectivist civilizational alternatives represented by “Western” and “Eastern” civilizations do not withstand competition due to its special spiritual-infernal nature, capable of destroying traditional meanings and values. Only Russian civilization, developing on spiritual and moral Orthodox imperatives, is capable of giving an answer worthy of the heirs of the Great Victory.

Keywords: *values, the Russian civilizational alternative, antinomianism, ambivalence, integrity, civilizational conflicts.*

Амбивалентность и антиномизм, противоречивость и оппозиции, абсурдность и антитетичность всегда считались признаками, с одной стороны, болезненности сознания, конфликтности, несовершенства вообще. С другой стороны, диалектичность (δις греч. — «дважды») в разных ее модификациях была примером высокого интеллекта, где порочный дуализм и двойственность абсурдов и алогизмов преодолевались диалектикой развития противоположностей, завершающемся очередным синтезом. Принцип единства и борьбы противоположностей как выражение универсального закона развития бытия и сознания, делающего их нетождественными самим себе, применительно к истории человеческой цивилизации и культуры позволяет выявить основные альтернативы двух противоположных ценностных центров, вокруг которых образовывались более или менее устойчивые историко-культурные формы человеческих сообществ, развивавшихся по своим «относительно самостоятельным законам» (согласно цивилизационному подходу). При этом, будем исходить из того, что цивилизация есть необходимая и исторически наиболее устойчивая форма организации духовной и материальной жизни на основе системы ценностей, а ценность в свою очередь определяется как сила, имеющая началом своим данные от природы качества, определенную направленность (задание) и конкретную форму осуществления (интенсивность).

Очевиден преимущественно формально-правовой инструменталистский характер одной цивилизации (условно именуемой «Западной») и авторитарный объективистский характер другой (условно именуемой «Восточная»), действовавших на протяжении всей истории человечества, в рамках которых возникало

и исчезало много разных цивилизационно-культурных локальных модификаций. Для России движущие силы этих цивилизаций предстают как дар, бремя и вызов, призванные к усвоению и преодолению через снятие противоречий и антитез. Россия — это Запад+Восток, но не эклектичный евразийский монстр или искусственный проект (конструкт). Всеми историческими условиями существования России суждено было стать самобытной великой цивилизацией — особым миром, который можно определить как духовный этнополитический союз, или цивилизацию духовной культуры — верующей мысли, совестной воли, цельного чувства, которая обладает необходимой силой и ресурсами отстоять Правду и Честь на земле. Здесь Мироотвержению и Миропочитанию «безбожной» цивилизации противопоставлен путь христианской культуры как Мироприятия, Миропреображения и Одухотворения, где альтернативой рациональной веры стала верующая мысль, формального и бессильного права — правая сила, модернизации под знаком миропочитания — духовное миропреображение, паразитарной экономики и глобализации — экономика труда и справедливости, индивидуализма — подлинная свобода творчества в духе¹.

Логика борьбы основных цивилизационных альтернатив обязательно ведет либо к победе одной из них, либо взаимному уничтожению, либо синтезу, т. е. третьему варианту пути. Этот третий путь может быть органичным, исторически оправданным, т. е. результатом ответа народов на исторические вызовы, осознанным опытом культурного и государственного строительства, который закрепляется в материальном и духовном культурном наследии (национальной памяти, хранящей выдающиеся достижения народной культуры и искусства, произведения творцов

¹ Более детально об этом см.: *Закунов Ю. А.* Аксиологические основы государственной культурной политики // Россия как государство-цивилизация: высшие цели и альтернативы развития : коллективная монография по материалам юбилейных международных Панафинских чтений, посвященных 75-летию со дня рождения А. С. Панафина / Отв. ред. В. Н. Расторгуев; науч. ред. А. В. Никандров / Рос. науч.-исслед. ин-т культурного и природ. наследия имени Д. С. Лихачёва (Ин-т Наследия) ; Мос. гос. ун-т имени М. В. Ломоносова, филос. ф-т. — М. : Институт Наследия. 2016. — С. 253–256.

и пророков, ставших национальным достоянием). Извлечение исторических уроков из великих событий и деяний позволяло понимать смысл существования национальных культур в пространстве той или иной цивилизации, выявлять ценностные императивы как главные движущие силы развития, объединяющие или разделяющие народы.

До недавнего времени цивилизационные альтернативы развития представляли не как вызовы, противоречащие человеческой цивилизации в целом, но «вызовы» в отношении друг друга. На протяжении истории жизнь показывала возможность их совместности в условиях геополитических противоречий и борьбы, ведущейся с переменным успехом, преимущества мирного межкультурного и межкультурного взаимодействия. Угроза взаимного уничтожения в результате современной ядерной войны, рост глобальной взаимозависимости и одновременно автономизации, ускоренное обострение всевозможных противоречий, несовместимых с сознанием традиционного человека в итоге вызвали рождение «монстра», которым было беременно человечество начиная с допотопных времен. Начало 21 века показало, что Инструменталистская (в лице «Западной цивилизации») и Объективистская (в лице «Восточной») альтернативы не выдерживают с ней конкуренции. Новая более мощная сила покоряет благодаря особой «духовной» природе, разрушая традиционные смыслы и ценности обоих цивилизационных миров. Открыто заявляющий о себе тотальный инфернальный дух агрессивен, стремится покорить «всех и вся» и направлен прежде всего на души людей, их сознание. Как тут не вспомнить пророчества Ф. М. Достоевского (последний сон Раскольникова) или О. Хаксли (антиутопия «Прекрасный новый мир», *Brave New World*).

Единственной реальной альтернативой может быть только Русская цивилизация, ценностная природа которой сильна единством своей исконной **данности** (природные условия, великое пространство, многоплеменность, сложность и масштаб всемирно-исторических задач, создававшие возможность сохранять прочное единство прежде всего идеократически, благодаря первичности одухотворенной русской идеи), **заданности** (православный идеал обожения, богоуподобления, предельного совершенства) и **осуществления** (преображения в совершенной форме по благодати, опираясь на всю силу человеческих ресурсов исходя

из данных даров и возможностей, цельной и действенной любви к Богу и человеку).

Современным вызовом человеческой цивилизации вообще (включая ее разнообразные национально-культурные варианты) являются воплощаемые идеология и практика антихристианской альтернативы. Она противостоит всем цивилизациям в принципе. Если Христос говорит апостолам: «Ибо кто не против вас, тот за вас» (Мк. 9, 40), то имеет в виду тех, которые, не зная Христа, не зная Евангелия, говорят истину, и даже, как написано, могут творить чудеса Именем Христа. Псевдодуховные характеристики новой цивилизации, такие как виртуальность, цифровизация, интеллектуализм, технологичность, свобода мнений, маскируют гедонизм, безудержное потребительство, бесправие, тоталитаризм (всеобщий контроль и реальное подавление свободы), ложь, обезличивание, запугивание, страх. Маркерами и условиями «добровольного рабства» нового мирового порядка являются насаждаемые антиномизм и амбивалентность сознания как нормы. Само народонаселение становится лишь «фактором», лишней проблемой, от которой желательно избавиться совсем (минимизировать, оптимизировать, утилизировать, «запереть» и т.п.), если оно добровольно не покорилося новой системе. В этой ситуации русская православная цивилизация становится единственной альтернативой наступающему царству антихриста.

Свойствами подлинного духа является цельность, гармония, а проявлением — структурно-функциональное единство воплощения, закрепляемое в образе, где высшую ценность составляет уникальность человеческой личности². Обезличивание человека коммунистической тоталитарной системой сменяется обезличиванием через компьютерную матрицу и единое информационное пространство. Технотронное общество и технократы имеют ту же самую цель — обман и имитацию освобождения человека ради собственного благополучия в его стремлении к личному счастью, якобы возможное без милосердия, любви, справедливости, доброй воли, верующей мысли, чувства прекрасного, т.е. без любви к Богу и человеку, любви непосредственной, личной, целостной, свободной, действенной и благодатной.

² См. *Ильин И. А.* «Аксиомы религиозного опыта» (глава «Спасение в цельности»).

В сугубо рациональном мировоззрении антиномизм, где противоречия бытия не имеют разрешения, ведет к агностицизму, скептицизму, а в неустойчивых натурах — отчаянию, безнадежности. Это усугубляется амбивалентностью сознания современного человека, все более страдающего болезненностью психики, при этом склоняемого окружающим информационной средой к тому, чтобы относиться к современным абсурдам не только как к естественному симптому, отражающему несовершенство человеческой природы, но как возможности перехода в новый мир, признаку особого «креатива», где совмещение несовместимого и нарушение законов логики — это норма.

Новая цивилизация несет самоубийственный инфернальный дух отрицания (нигилизма), абсурдов и всевозможных инверсий. Это дух самоубийственного разрушения, когда насилие выдает себя за силу, а эгоизм предстает в маске свободы. Это дух стяжания и потребительства, когда достаток, успех и власть становятся средством безудержного наслаждения. Это дух разрушения семьи, когда секс объявляется основой общения полов и поколений. Это дух материализма, когда технология предается в жертву прагматизму. Это дух обмана, когда лицедейство и жалкое подражание выдаются за художественное творчество, а политическое ловкачество предстает в образе искусной и мудрой политики. Соединение несоединимого стало признаком «трансцендентного творчества», перехода в иное измерение, открытия «новых миров». Все это делает их принципиально схожими с оккультными практиками.

Деконструкция, всесмещение, произвольное скрещение «всего и вся» ведут в данном случае не к уничтожению человеческой цивилизации вообще и не появлению очередной культурно-исторической модификации, но созданию особого «порядка в беспорядке», связанного прежде всего с «духовным хаосом» в душах как управляющих, так и управляемых, вызванного потерей общих смыслов и ценностей. Внешне все социальные структуры вроде сохраняются. Привычные социальные институты (государство, образование, церковь, право, армия, семья, частная собственность, банки, бизнес и пр.) с их организациями, отношениями и взаимодействиями (эстетическими, моральными, религиозными, экономическими, политическими, психологическими, территориальными, экологическими) как будто никуда не деваются. Однако имеет место лишь видимость их функционирования.

Новая цивилизационная модель несет изменение двух фундаментальных важнейших структур и первооснов любой социальной системы: ценностей личности и соответственно сообществ, с которыми личность себя идентифицирует и коммуницирует, что закреплено в социальных нормах. Здесь мы подходим к духовному ядру, которое является местом сосредоточения культуры и цивилизации. Один из «парадоксов» нового мирового порядка в том, что он заявляет о себе, прежде всего, как *коммуникационный*, построенный на основе информации, цифровой матрицы, сети, где главное — качественный эффективный обмен информацией. Однако отрыв от предметного, ценностно-смыслового содержания коммуникации создает угрозу создания системы тотального обмана (эвфемизм — «манипуляции»), что ведет к извращению самого общения, его предназначения в высшем смысле («заданности»). Таким образом, функционирование (*осуществление*) самой коммуникации, которая в угоду *данной* технологичности, делает ее сугубо инструментальной, фактически ведет к её дисфункции и всех институтов, с ней связанных, т. е. к самоотрицанию.

Сравнение восточной и западной культур по духовному основанию в соответствующих аспектах «данности» внешней и внутренней культурной среды, «заданности» идеалов и особенностей исторического «осуществления» позволило представить их в виде таблицы (См. *табл. 1. Сравнение основных цивилизационных альтернатив по ценностным основаниям*). Здесь сравнение духовных ценностей в их неповторимом историческом и регионально-цивилизационном своеобразии рассматривается по конкретно-всеобщим основаниям. Известные антиномии свободы-необходимости, равенства-иерархии, сциентизма-религиозности, антропоцентризма-пантеизма, прагматизма-идеализма, миропочитания-мироотвержения, динамизма-консерватизма и т. д., представляющие оппозицию Запад-Восток, предполагают третье начало, которое выражено в ценностях российской альтернативы — общинности, органичности, духовном реализме, антропологизме, традиционализме и т. д. Очевиден вывод о формально-правовом, инструменталистском характере духовной культуры Запада и авторитарном, объективистском характере культуры Востока. Их исторически оправданные способы организации богатой духовной и материальной жизни противостоят деструктивным «ценностям» (см. крайние колонки), которые нежизнеспособны,

не могут дать миру культурно-историческую форму и предстать в виде цивилизации. Это индивидуализм и рабство, стандартизация и тирания, схоластика и иррационализм, атеизм и религиозный фанатизм, технократия и архаичность, нестабильность (конъюнктура) и застой (ретроградство), этнический релятивизм (космополитизм) и этнический изоляционизм (национализм) и т. д. Эти крайности, имевшие место в истории лишь в абсурдных учениях или головах отдельных безумцев, воплощались на время в периоды серьезных социальных кризисов, упадка культур, сопровождавшихся помрачением массового сознания вплоть до одержимости, но теперь имеют шанс реализоваться в глобальном масштабе благодаря inferнальному духу и технологиям. «Инструментализм» Запада и объективизм «Востока» здесь находят новый «амбивалентный синтез» в конструктивизме новой глобальной цивилизации, позволяющий воплощать абсурды и соединять несоединимое в любых комбинациях. Культурно-историческими корнями и предпосылками этого «нового» третьего пути являлась и является «ветхозаветная» мораль, отрицающая как принципы язычества (и неоязычества), так и христианства, и предстающая в маске фарисейства: не убивая убивать и не воруя воровать (формально оставаясь «чистыми», порождать условия для убийства и воровства), «и невинность соблюдать, и капитал приобретать».

Система ценностей российской цивилизации предстает «срединной» альтернативой, заданной всему человечеству, как с точки зрения геополитического и ценностного противостояния Запада и Востока, так и с точки зрения внутренней логики её саморазвития и становления, формирования её традиций и культурного наследия («данности даров» и исторического осуществления). Вот эти ценности, взятые в различных измерениях, но проявлявшие себя с неизменностью (как победная сила или как наказание за отступление), о которых говорит вся русская история, традиция и национально-патриотическая мысль: цельность, правдоискательство, всемирность, богочеловечность, образно-символическое освоение мира, миропреображение, приоритет духовно-нравственных ценностей, свободная самоотверженная благодатная любовь к совершенному.

В идущей всемирно-исторической духовной брани России суждено стать той решающей силой, которая должна одержать

победу в борьбе с антицивилизацией, грозящей на сей раз миру его самоубийством. Успех этой миссии зависит от того, насколько цельно будут осознаны и претворены важнейшие первоначала национальной жизни: объективная данность (дарованные этно-психологические качества народа, потенциал историко-культурного и природного наследия), национальная заданность (духовное предназначение, «русская идея» как идеал божественного совершенства») и конкретные формы осуществления этого задания (мобилизация культурных сил созидания и творческого преобразования в восхождении к первообразу).

Таблица 1

Сравнение основных цивилизационных альтернатив по ценностным основаниям

Негативные Антиценности	Положительные ценности			Негативные Антиценности
	«Западная» альтернатива: формально-правовая (инструменталистская)	«Росейская» альтернатива: духовная (соборная и сотрудническая)	«Восточная» альтернатива: авторитарная (объективистская)	
Религия человека без Бога и против Бога, сатанизм	Религия человека-бога, антропоцентризм	Религия Богочеловека, богочеловеческий антропологизм идеал обожения	Религия Бога без человека, пантеизм	Религия без Бога и без человека, атеизм
Индивидуализм (стремление к свободе от внешних обязательств), анархия и духовное рабство, «какофония». Релятивизм, нестабильность и неопределенность	Свобода и лояльность, либерализм (независимость). Многообразие, многовариантность, свобода выбора	Должное (любовое служение), соборность, «симфония», многообразие форм развита, адекватных данным условиям и единой духовной цели	Необходимость и дисциплина, корпоративизм (коллективизм) Определенность и стабильность	Рабство зависимость от внешних обстоятельств и тоталитаризм. Детерминизм и единоеобразие, « монополия »
Миропочитание, Схематизм, схоластика, безверие и атеизм.	Приоритет мирского (светского), Рационализм и сциентизм, Мыслящая вера	Мирпреображение цивилизация духовной культуры: верующей мысли совестной воли целевого чувства	Приоритет церковного, религиозность и эстетизм, чувственная вера	Мироприращение и религиозный фанатизм. Эмпирическая чувственность, иррационализм, суеверия, слепая вера

Окончание табл. 1

Обезличивание и стандартизация, или анархия и охлократия	Формальное равенство, Ресубликанизм и представительная демократия, Правосознание на основе рациональной легальности	<i>Иерархия как власть связического, организационного довластие и гражданское самоуправление. Правосознание на основе духовно-правовых механизмов регуляции</i>	Внешняя Субординация приоритет интересов династий и аристократических кланов Правосознание на основе харизматичности и традиционности	Тирания, авторитаризм. Формирование слепого вероуподобничества
Всеобщая коммерциализация, промдажность, пошлость	Прагматизм, материализм	<i>Духовный реализм (Верность цели и цельность в вере)</i>	Идейность, абстрактный идеализм	Утопизм, доктринерство
Космополитизм, глобализм	Глобализация и интеграция	<i>Всемирность, общечеловечность и жертвенность, национальная терпимость</i>	Религиозный универсализм	Интернационализм
Технократизм, потребительство и покорение	Антропоцентризм, технологизм	<i>Антропологизм и космизм</i>	<i>Пантеизм, органицизм</i>	Архаичность, патриархальность, первобытность (техническая отсталость)
Конъюнктурность, хаос, нестабильность	Новаторство, динамизм (перенимает все лучшее)	<i>Традиционализм, устойчивое развитие</i>	Консерватизм (сохраняет все лучшее)	Застой, инертность, ретроградство, реакционность

<p>Экспансионизм, колониализм, империализм</p>	<p>Социально-классовый национализм, страна — цивилизационный механизм</p>	<p><i>Духовный патриотизм, страна — цельный этнокультурный политический организм</i></p>	<p>Культурно-этнический национализм Страна — традиционный организм</p>	<p>Изоляционизм (национальное обособление)</p>
<p>«Бессильное право» Формальное законничество</p>	<p>Верховенство формально-правовых норм</p>	<p><i>«Правая сила» (от слова «правда») доминирование нравственных норм, правосознание на основе правдолюбия совести</i></p>	<p>Доминирование обычаев и религиозных норм</p>	<p>«Неправая сила» (насилие), деспотизм, патриархальность</p>
<p>Господство монополий и стихии рынка, вопиющее неравенство и социальная несправедливость. Разрушающее хозяйство по отношению к природе и человеку</p>	<p>Рыночная экономика, приоритет экономических рычагов управления, социальное расслоение и конкуренция, преимущественно индустриальный характер хозяйства</p>	<p><i>Идеал нестяжания, трудолюбия и справедливости Нравственная модель экономики, приоритет производительных секторов и социальных критериев роста</i></p>	<p>Административная экономика, преимущественно аграрный характер хозяйства</p>	<p>Бюрократизм, подавление инициативы, уравниловка, эксплуатация внеэкономическими методами. Присваивающий характер хозяйства</p>
<p>Автономизация, сепаратизм</p>	<p>Федерализм</p>	<p><i>Баланс целого и частей на основе абсолютных ценностей</i></p>	<p>Унитаризм</p>	<p>Жесткий централизм</p>

Скоробогачева Екатерина Александровна

*доктор искусствоведения, директор музея,
профессор кафедры всеобщей истории искусств
РАЖВиЗ Ильи Глазунова, главный научный сотрудник
Центра комплексных художественных исследований
СГК имени Л.В. Собинова*

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ВЫЗОВОВ XXI ВЕКА

Аннотация. Искусство отражает важнейшие характеристики современного ему общества, в том числе и преобладающие политико-правовые тенденции. Возможно восприятие произведений изобразительного искусства субъективно-личностное или коллективное — с позиций мировоззрения нации, государства. Нами выявлены две основные контрастные политико-правовые тенденции. Первая — выражение патриотических начал и вторая — антагонистическое отражение процессов глобализации. Если первая из указанных тенденций определяет самоидентификацию нашего народа, а также важный вектор политико-правового развития России, как в ближайшей, так и в долгосрочной перспективе, то вторая — детерминирует одну из ключевых тенденций мировой политики, нередко связанных с русофобией. Тем более значимо, с позиций достижения доминирования первой тенденции, усиление патриотического звучания произведений изобразительного искусства современной России.

Ключевые слова: *изобразительное искусство, художественный язык, современная Россия, вызовы XXI века, идейное звучание произведений, русофобия в мировой политике, патриотическая направленность.*

Skorobogacheva Ekaterina Alexandrovna

Doctor of Art History, Director of the Museum, Professor of the Department of General History of Art of RAZhViZ Ilya Glazunov, Chief Researcher of the Center for Comprehensive Art Research SGK named after L. V. Sobinov

FINE ARTS OF MODERN RUSSIA AS A REFLECTION OF THE CHALLENGES OF THE 21ST CENTURY

Abstract. Art reflects the most important characteristics of contemporary society, including the prevailing political and legal

trends. It is possible to perceive works of fine art subjectively personal or collective — from the standpoint of the worldview of the nation, the state. We have identified two main contrasting political and legal trends. The first is an expression of patriotic principles and the second is an antagonistic reflection of the processes of globalization. If the first of these trends determines the self-identification of our people, as well as an important vector of Russia's political and legal development, both in the short and long term, then the second determines one of the key trends in world politics, often associated with Russophobia. All the more significant, from the standpoint of achieving the dominance of the first trend, is the strengthening of the patriotic sound of the works of fine art of modern Russia.

Keywords: *fine art, artistic language, modern Russia, challenges of the XXI century, ideological sound of works, Russophobia in world politics, patriotic orientation.*

Искусство, к какому бы стилю и виду оно не относилось, отражает важнейшие характеристики современного ему общества, в том числе и преобладающие политико-правовые тенденции. Даже если произведение обращено к истории, фольклору или к вневременным идеям, оно отражает эпоху, в которую было создано. Возможно его восприятие субъективно-личностное или коллективное: профессиональных групп, социальных слоев, религиозных конфессий и т. д., и шире — восприятие с позиций мировоззрения нации, государства либо с вненациональных или межгосударственных позиций, тем не менее также выражающих современную им эпоху.

Следовательно, современные мировые политико-правовые тенденции в той или иной степени находят отражение в каждом произведении, каждой периодической выставке или постоянной экспозиции, составленной из артефактов настоящего времени. В исследовании нами поставлена цель — выявить основные современные политико-правовые тенденции через их отражение в изобразительном искусстве. Для этого обратимся к анализу образцов живописи, графики, скульптуры, представленных на всероссийской молодежной выставке Союза художников России (СХР) «Новое время», которая успешно состоялась в Москве в феврале — марте 2020 года на одной из ключевых выставочных площадок столицы: в залах Центрального дома художника.

На первый взгляд, представляется неоправданным, что для исследования избрана именно молодежная выставка, на которой показаны работы авторов в возрастной категории 18–30 лет. Однако, затрагивая научную сферу психологии, отметим, что именно обозначенный контингент наиболее чутко и остро реагирует на происходящие в стране и мире перемены, в том числе политико-правового характера. Поколение 2000-х ныне в большинстве своем, с одной стороны, еще не обладает тем весомым «багажом» опыта и знаний, который позволяет критически воспринимать мировые или внутригосударственные политико-правовые тенденции, неминуемо влияющие на жизнь общества, или аргументированно противостоять им. С другой стороны, люди обозначенной возрастной категории, особенно творческие личности, характеризуются повышенным эмоциональным тонусом, нередко обостренным восприятием действительности, потребностью откликнуться на ее новые веяния. Поэтому анализ произведений молодых художников СХР представляется как нельзя более актуальным в ракурсе настоящего исследования.

Само название выставки — «Новое время» — показательно и объективно, поскольку, во-первых, экспонируются произведения молодых, а нередко и юных авторов, во-вторых, едва ли не три четверти всех представленных работ посвящены образам современности. В статье на основе анализа ряда особенно значимых, наиболее профессионально исполненных, ясных по форме выражения и глубоких по содержанию произведений нами выявлены как основные две контрастные политико-правовые тенденции. Это — выражение патриотических начал и антагонистическое ему отражение процессов глобализации. Если первая из указанных тенденций определяет самоидентификацию нашего народа, формировавшуюся в течение многих столетий со времен Древней Руси, а также важный вектор политико-правового развития России как в ближайшей, так и в долгосрочной перспективе, то вторая детерминирует одну из ключевых тенденций мировой политики, прежде всего, Соединенных Штатов Америки.

В качестве подтверждения определений обеих тенденций приведем ряд высказываний политических лидеров. По словам Президента России В. В. Путина: «Патриотическое воспитание должно стать органичной частью жизни нашего общества... Россия и впредь будет защищать историческую правду... Любовь к родине, дух искренности и сплоченности, который царит в обществе в юбилейный год Победы

это и есть патриотизм»¹. Обратимся также к цитате о глобализации и неолиберализме в трактовке Е. М. Примакова: «Глобализация — не одноразовое явление, а процесс. Будучи связанным с прорывами в научно-технической области, на отдельных этапах своего развития процесс глобализации может оказать позитивное воздействие на весь развивающийся мир. Он вместе с тем усиливает дифференциацию в развивающемся мире и даже выталкивает из него ряд стран в группу развитых государств»². В идеологии неолиберализма, которая несвойственна нам и заимствована на Западе, Примаков видел основное препятствие успешному развитию России³.

В результате внедрения в 1990-е годы неолиберализма происходила деградация государства, последствия которой в нашей стране по-прежнему весьма ощутимы. Е. М. Примаков писал об этом: «То, что случилось уже после распада Советского Союза, действительно отодвинуло Россию с позиции державы мирового класса. Кульминацией стал дефолт — объявленный 17 августа 1998 года односторонний мораторий на выплату долгов по государственным бумагам. К сентябрю... в полную силу развивались процессы, которые толкали страну в пропасть»⁴.

Именно идеологию неолиберализма считаем уместным трактовать как антитезу основам патриотизма, залогоу успеха государствен-

¹ Из выступления Президента Российской Федерации В. В. Путина на заседании организационного комитета «Победа» 5 апреля 2020 г. [Электронный ресурс]. — URL: 1tv.ru/n/299813 (дата обращения: 26.01.2022).

² *Примаков Е. М.* Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. — М. : ИИК «Российская газета», 2009 [Электронный ресурс]. — URL: yanko.lib.ru/books/politologiya/primakov.mir_bez_rossii.2-1.pdf (дата обращения: 26.01.2022).

³ *Пискулов Ю., Хасбулатов Р.* Актуальный Примаков. К 90-летию со дня рождения выдающегося государственного деятеля России // Независимая газета. — 29.10.2019 [Электронный ресурс]. — URL: ng.ru/ideas/2019-10-29/7_7714_primakov.html (дата обращения: 26.01.2022).

⁴ *Примаков Е. М.* Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. — М. : ИИК «Российская газета», 2009 [Электронный ресурс]. — URL: yanko.lib.ru/books/politologiya/primakov.mir_bez_rossii.2-1.pdf (дата обращения: 26.01.2022).

ной политики, составляющему один из определяющих векторов как в политико-правовом, так и в нравственно-общественном развитии страны, ее социальных слоев, объединений, отдельных личностей. Неолиберализм, напротив, основным рычагом обеспечения прогресса, в том числе социального, развития государств в многополярном мире, считает свободный рынок, неограниченную конкуренцию, ведущую к полной свободе — вседозволенности крупных корпораций.

Полностью разделяя приведенные заключения, подтвердим их анализом произведений искусства молодых художников России, ряду которых свойственна патриотическая направленность, другим — контрастное восприятие окружающего, явно или в завуалированной форме интерпретирующее последствия воздействия глобализации, идеологии неолиберализма. Подчеркнем, что произведения второй из двух обозначенных групп ни в коем случае не следует расценивать со знаком «минус», поскольку авторы таких работ нередко исходят из констатации фактов либо критически оценивают изображенное, отчасти наследуя традиции критического реализма второй половины XIX в. в преломлении к реалиям начала XXI столетия.

Итак, унифицированность глобализованного общества ярко выражена в следующих картинах выставки «Новое время»: «Легкомысленная» (2019) Д. Праведниковой-Остапенко, «Единый механизм» (2018) А. Савеленко, «Час пик» (2017) Л. Гавриловой, «Трилогия цвета» (2018) А. Сытникова; а также в графических композициях «Нити. Пейзаж» (2018) А. Денисенко, «Грачи улетели» (2019) Ю. Киракосян; скульптурных работах «Крокодил» (2019) Л. Бобокуловой, «Арлекин» (2015) П. Калтыгина, «Без названия» (2015) Ф. Абрамова и других.

При всем многообразии художественного языка авторов отметим, что обозначенные произведения объединяет суть содержания, а также сходное, где-то обостренное восприятие атмосферы современности. Им свойственны пессимизм трактовки окружающего, обращение к реалиям нашей жизни как к миру утраченных историко-духовных корней, бездуховности, следовательно, одиночества, потерянности человека в мире, его обезличивания. Отсюда происходит общность решений характерных образов-символов, повторяющихся у разных художников иносказаний — масок (голова девушки, скрытая противогазом, личина Арлекина, застывшие, словно окаменевшие лица с отсутствующим взглядом или взором, обращенным в никуда). Часто повторяется мотив клетки, подобных ей заборов, арматур, непреодо-

лимых стен, проводов, заколоченных окон, решеток, архитектурных конструкций как выражения обреченности человека, становящегося микроскопической частицей единого механизма государственной машины или «осужденного» на одиночество в толпе людей-призраков. Возникают аналогии с философскими трудами Ж.-П. Сартра, С. Кьеркегора, М. Хайдеггера, К. Ясперса и др.

В художественно-культурном сознании ряда современных молодых художников рефреном звучат состояния страха, боли, безысходности, равнодушия, смерти. Человек утрачивает понятия любви, преданности, жертвенности, сочувствия, христианского всепрощения, но уподобляется отвратительному животному — «Крокодилу» (2019) Л. Бобокуловой — с ненасытной пастью, готовому поглотить все и всех на своем пути. Сходны выводы перечисленных авторов о трагизме человеческой жизни, ее ненужности. Перед нами предстают как бы герои Ж.-П. Сартра или некоторые из персонажей Ф. М. Достоевского в наиболее трагично-безысходные моменты, словно перенесенные в начало XXI в., реалии которого в определенном смысле еще более жестоки, чем реалии XIX — начала XX столетия.

Как подтверждение объективности и актуальности найденных живописно-образных трактовок следует указать на полотна известных современных живописцев. Такова, например, «Гроза» А. Н. Суховецкого, одного из ведущих экспонентов СХР, — предчувствие всепоглощающего смерча, видения Апокалипсиса. Подобно ей образно-смысловое решение монументальной композиции «Мистерия XX века» (1977. 1999) И. С. Глазунова, сохраняющей актуальность звучания, — мир предстает как зловещий спектакль, разыгранный на гигантской сцене, где актеры — «сильные мира сего», выдающиеся личности различных сфер политики, науки, культуры. Это представление трагично, поскольку несет гибель миллионам людей, ставших жертвами войн, революций, а ныне — террористических актов и эпидемий. С щемящим чувством приходится констатировать, что подобные заключения, мрачно-трагические образы объективны в условиях настоящего времени — эпохи войн, терактов, борьбы с «чумой начала XXI века», коронавирусом, уже приведшем к более чем 5,4 млн смертей (на 1 января 2022 года) по всему миру, ставшим одной из масштабных мировых трагедий в истории человечества.

Одно из следствий развития либерально-идеалистической политической парадигмы неолиберализма — обезличенность индивидов, неосознанность движения толпы — движение «в никуда» как след-

ствии утраты духовных ориентиров. Отсюда происходят пессимизм восприятия окружающего, минорность тонально-колористических гамм, явно выраженный или иносказательный трагизм решения образов, зачастую созвучный атеистическому экзистенциализму.

Как преодолеть этот трагизм смысловых решений и негатив в восприятии окружающего? Ответ дан художественным языком в ряде произведений выставки «Новое время». Предельно лаконично этот ответ заключен в одном понятии — патриотизм — как основе векторов политико-правового, экономического, социального развития современной России, нравственного, духовного, интеллектуального совершенствования граждан. В качестве доказательства приверженности молодых художников данной позиции обратимся к ряду конкретных полотен.

Бесспорно, патриотическая направленность, свойственная работам художников СХР⁵, характеризует современные произведения творческого объединения: картины С. Чуданова «Северная элегия» (2017) и «Егорий вешний» (2019) — обращение к просторам Родины, древним православным храмам, образам людей из народа, духовным сокровищам Русского Севера. Однако художник создает не ретроспекцию в духе «Мира искусства», не выражает сожалений о прошедшем. Образ его Отечества по-прежнему величествен, достоин в настоящем времени: показаны не обезлюдевшие, а ухоженные деревни, не заброшенные, а возделанные поля, не разоренные, а действующие церкви; люди России — не утратившие исторической памяти, исконной православной веры, основ самосознания народа.

Элегичность звучания свойственна произведению О. Никитиной «Возвращение. В доме Сведомских» (2018). Картина отчасти обращена к эпохе конца XIX века: и своим названием, и поэтичной трактовкой образов, напоминающих пейзажи С. Ю. Жуковского, прозрачность образов В. Э. Борисова-Мусатова. И все-таки это композиция именно современного автора, который с легкой грустью и нескрываемым любованием раскрывает перед зрителем мир русской усадьбы, весенней земли, жизни, пробуждающейся к созиданию.

В скульптуре обозначенным произведениям во многом близка работа петербургского автора «Обожженная временем» (2019) — портрет, оглавое, даже не оплечное изображение. Предельно скупыми ху-

⁵ Золотая коллекция Союза художников России. — М. : СХР, 2014. — 223 с.

дожественными средствами художник сосредотачивает внимание на лице пожилой женщины и через него остро и сильно выражает образ, идею. Ее повязанная платком голова полуопущена, взгляд направлен словно вглубь себя, сурово сжат рот, лоб изборожден морщинами. Резкие, лаконичные, угловатые грани скульптуры выражают суть ее жизни, эпох и событий, через которые пришлось пройти: память Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда, годы репрессий, испытания 1990-х годов. Она не сломалась, выстояла, сохранив человеческое достоинство, не потеряв себя, работая всю жизнь, подняла на ноги детей и внуков. Это образ — портретный, самобытный, но в то же время — обобщенное лицо-лик русской женщины, труженицы, какие были и есть в России.

Обозначенные произведения самобытны, созданы в богатом спектре жанров и техник разными авторами, но объединяет их одно — патриотическое звучание, выраженное через реализм трактовок. М. А. Врубель говорил: «Только реализм родит в искусстве глубину и всесторонность»⁶. Также в наиболее широком смысле следует трактовать и понятие «патриотизм». «Любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам»⁷, приверженность к исторической памяти своего народа и почитание его духовных вневременных основ несколько не противоречат уважительному отношению к другим нациям, культурам, религиям, государствам, несколько не исключают, а, напротив, способствуют их пониманию, сотрудничеству, содействию.

Данное положение подтверждает множество исторических фактов, но обратимся к мировым реалиям сегодняшнего дня — к испытанию цивилизации коронавирусом, сравнимому с третьей мировой войной. Следует отметить, что необходимость изоляции при распространении эпидемий далеко не нова, известна в истории человечества. Не затрагивая эпох Древнего мира и Средневековья, обратимся к отражению подобных сюжетов в примерах ми-

⁶ Цит. по: *Глазунов И. С.* Россия распятая. — М. : АСТ, 2018. — 1104 с. [Электронный ресурс] — URL: [Илья Глазунов — 2020 — Biography & Autobiography](#) (дата обращения: 26.01.2022).

⁷ *Пушкин А. С.* Из стихотворения «Два чувства дивно близки нам...» (черновой набросок 1830 г., опубли. в 1855 г.) // *Пушкин А. С.* Стихи [Электронный ресурс]. — URL: [vsevclub.narod.ru/hs_russ/poem/...](#) (дата обращения: 26.01.2022).

ровой литературы контрастных периодов: XIX и начала XXI века и контрастных авторов: А. С. Пушкина и Д. Брауна.

Будучи на карантине в Болдино при распространении холеры, А. С. Пушкин осенью 1830 года писал Н. Н. Гончаровой: «Въезд в Москву запрещен, и вот я заперт в Болдине. <...> Мы окружены карантинами, но эпидемия еще не проникла сюда. Болдино имеет вид острова, окруженного скалами. Ни соседа, ни книги. Погода ужасная. Я провожу мое время в том, что мараю бумагу и злюсь. Не знаю, что делается на белом свете...»⁸. Пожалуй, особенно угрожающе в современных реалиях звучит повествование романа Д. Брауна «Инферно», еще совсем недавно воспринимавшегося зловеще фантастичным. Название «Инферно», что означает «преисподняя», обращено к «Божественной комедии» Данте Алигьери. Ее перечитывает главный герой произведения Р. Лэнгдон: «Самое жаркое место в аду предназначено тем, кто в пору морального кризиса сохраняет нейтральность». И далее: «Лэнгдон знал, что он сам, как и миллионы других, повинен в этом грехе. Нежелание заниматься мировыми проблемами стало пандемией, охватившей всю планету»⁹.

Словно отголоском пандемии звучат некоторые полотна выставки «Новое время», в действительности, написанные до декабря 2019 года, до начала распространения коронавируса в Китае: «Госпиталь» (2018) Н. Гарькуна, «Неполученные письма» (2018) Н. Литосовой, «Переболел» (2019) Е. Гольдшмидт, «POST FACTUM» (2019) П. Абрамовой, триптих «Время», «Вопрос», «Боль» (2019) Д. Губайдуллина. Изображение людей в масках — это вопросы, боль, скорбь эпохи пандемии 2020 года. И название экспозиции воспринимается уже иначе: «Новое время» — время пандемии, из-за которой мир стал иным.

Возвращаясь к реалиям настоящего времени, констатируем, что сегодня оценить масштабы происходящей трагедии, ее утрат и последствий пока крайне сложно, как невозможно с точностью прогнозировать и развитие событий. Однако очевидны некоторые различия отношения государств к происходящему. Наиболее

⁸ *Пушкин А. С.* Письмо Н. Н. Гончаровой, 11 октября 1830 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://pushkin-lit.ru/pushkin/mesta/boldino/boldino.htm> (дата обращения: 26.01.2022).

⁹ *Браун Д.* Инферно. — М. : АСТ, 2013. — С. 540.

характерные примеры: исключительная дисциплинированность и организованность Китая, что позволило преодолеть вирус; напротив, поражение системы здравоохранения США, терпящих наибольшие в мире потери, поставивших антирекорд по числу зараженных и умерших; позиция России — противостояние заразе с привлечением всех ресурсов государства, действия на опережение и оказание гуманитарной помощи целому ряду стран: Китаю, Италии, США, Франции, Венесуэле, Сербии, Беларуси.

Идеология стран, их доминирующие политико-правовые системы проявили себя полярно в «войне» с коронавирусом. Поражение потерпела политика Евросоюза, когда вместо единства и сплоченности мир увидел полное разобщение, нежелание и неспособность членов объединения поддерживать друг друга, в том числе Италию, которой в конце марта — начале апреля 2020 года коронавирусом был нанесен величайший урон. 13 апреля 2020 г. в США президентом страны было объявлено бедственное положение во всех штатах. О крахе системы здравоохранения говорили дикторы новостей центральных американских каналов. Рейтинг Д. Трампа упал до рекордно низкой отметки, тогда как сам президент США рассуждал о господстве американцев на Луне и грозил санкциями уже не только помогающей Штатам России, а едва ли не всему миру.

Какова главная причина столь различных реакций государств на обрушившиеся на все мировое сообщество испытания и контрастных результатов борьбы с ними? Эта причина, на наш взгляд, кроется в различии политико-правовых систем: доминанта патриотизма (Россия, Китай), с одной стороны; господство рынка, «золотого тельца» (США), с другой. Подробные комментарии обозначенной ситуации в статье излишни, они слишком очевидны, составляют в настоящее время одно из главных содержаний не только новостных лент, работы руководств и медиков большинства мировых держав, но и неизбежно вторгаются в жизнь каждого, всего мира — мира, который стал другим в эпоху коронавируса. Пытаясь подняться над трагизмом происходящего, вспомним «идею всемирной отзывчивости» Ф. М. Достоевского¹⁰, столь

¹⁰ *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя. — СПб.: Азбука-классика, 2005. — С. 431.

созвучную библейским заповедям, словам Евангелия от Иоанна: «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (1, 5).

Многие из произведений выставки «Новое время» созданы едва ли не накануне наступления эпидемии. Лучшие из представленных произведений ясно отражают политико-правовые тенденции, господствующие в мире и России. И насколько актуально ныне заключение философа И. А. Ильина: «Россия выйдет из того кризиса, в котором она находится, и возродится к новому творчеству и новому расцвету — через сочетание и примирение трех основ, трех законов духа: свободы, любви и предметности»¹¹. В зеркале настоящего времени с предельной четкостью, с драматической, а часто и с трагической ясностью проявляются эти три закона духа.

Классик мировой философии и мастер афоризмов И. Кант писал: «В воспитании кроется великая тайна усовершенствования человеческой природы»¹². От себя добавим — в патриотическом воспитании заключен залог успеха личности, нации, государства. Результаты воспитания личности, народа становятся особенно очевидны не в дни мира, а в дни войны, особенно войны оборонительной. Такие войны наше Отечество успешно вело с древних времен, прошло через баталии XVIII, XIX столетий, Первую и Вторую мировые войны. Россия и ныне призвана выстоять в испытаниях начала XXI века и преодолеть их последствия с тем же достоинством Великой Державы.

Литература

1. Браун Д. Инферно. — М. : АСТ, 2013. — 541 с.
2. Глазунов И.С. Россия распятая. — М. : АСТ, 2018. — 1104 с. [Электронный ресурс]. — URL: Илья Глазунов — 2020 — Biography & Autobiography. (дата обращения: 26.01.2022).
3. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. — СПб. : Азбука-классика, 2005. — 461 с.
4. Золотая коллекция Союза художников России. — М. : СХР, 2014. — 223 с.

¹¹ Ильин И. А. О воспитании в грядущей России // Собрание сочинений в 10-ти томах. Т. 2. — М. : Русская книга, 1996. — С. 179.

¹² Кант И. Мысли о вечном. — М. : Янтарный сказ, 2009. — С. 8.

5. *Ильин И.А.* О воспитании в грядущей России // Собрание сочинений в 10-ти томах. Т. 2. — М. : Русская книга, 1996. — С. 178–182.
6. *Кант И.* Мысли о вечном. — М. : Янтарный сказ, 2009. — 158 с.
7. *Пискулов Ю., Хасбулатов Р.* Актуальный Примаков. К 90-летию со дня рождения выдающегося государственного деятеля России // Независимая газета. — 29.10.2019 [Электронный ресурс]. — URL: ng.ru/ideas/2019-10-29/7_7714_primakov.html (дата обращения: 26.01.2022).
8. *Примаков Е.М.* Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. — М. : ИИК «Российская газета», 2009 [Электронный ресурс]. — URL: yanko.lib.ru/books/politologiya/primakov.mir_bez_rossii.2-l.pdf (дата обращения: 26.01.2022).
9. *Путин В.В.* Из выступления Президента Российской Федерации В. В. Путина на заседании организационного комитета «Победа» 5 апреля 2020 г. [Электронный ресурс]. — URL: 1tv.ru/n/299813 (дата обращения: 26.01.2022).
10. *Пушкин А.С.* Стихи [Электронный ресурс]. — URL: vsevclub.narod.ru/hs_russ/поет/... (дата обращения: 26.01.2022).
11. *Пушкин А.С.* Письмо Н. Н. Гончаровой, 11 октября 1830 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://pushkin-lit.ru/pushkin/mesta/boldino/boldino.htm> (дата обращения: 26.01.2022).

Царенко Сергей Александрович

кандидат архитектуры,

Национальная академия руководящих кадров культуры

и искусств, доцент кафедры дизайна среды,

г. Киев, Украина

ИМЕНА ЯВЛЕНИЙ И ПАМЯТЬ ЗЕМЛИ: СМЫСЛОВЫЕ НАЗНАЧЕНИЯ ОТЕЧЕСТВА

Аннотация. Общими культурными явлениями Русской равнины и сопредельных регионов материка остаются пространство кириллицы, память и смыслы единой культуры многонациональной Руси, наследие исторического государства. Они закреплены народными названиями священных вод, почитаемых местностей, главных городов, аутентичными русскими наименованиями общих событий, достижений и мемориальных памятников Отечества для всех солидарных национальностей.

Ключевые слова: *Русская равнина, геодуховная целостность, территориальная гиперсистема, Русь, смыслы, Отечество.*

Tsarenko Sergey Alexandrovich,

PhD in Architecture, National Academy of Culture

and Arts Management, Associate Professor at the Department

of Environmental Design, Kyiv, Ukraine, tsarRost@gmail.com

NAMES OF PHENOMENA AND MEMORY OF THE LAND: SEMANTIC APPOINTMENTS OF THE FATHERLAND

Abstract. The common cultural phenomena of the Russian Plain and adjacent regions of the Continent are the space of the Cyrillic alphabet, the memory and meanings of a single culture of multinational Rus, the heritage of the historical state. They are enshrined in the popular names of sacred waters, revered localities, main cities, authentic russian names of common events, achievements and memorial monuments of the Fatherland for all solidarity nationalities.

Keywords: *Russian Plain, geospiritual integrity, territorial hypersystem, Rus, meanings, Fatherland.*

Объективное единство территориальной гиперсистемы с центрами в крупнейших городах континентального и меньшего значения с их системами расселения, связанными экономически и культурно, на Русской равнине и в сопредельных регионах материка обусловлено многообразным наследием кириллицы, Руси, Российской империи и Союза ССР. Однако в случае с нашей Родиной это геодуховное явление, это единство испытывает всё более мощные разрушительные воздействия, нарастающие с 1991 г.

Наиболее опасной угрозой поступательному духовному развитию народонаселения и благополучию национальных экономик в этой иерархической гиперсистеме, являющейся геодуховной системой Руси, представляется подмена исторически важных понятий националистическими и обесмысливание подлинной национальной самобытности в угоду глобалистской так называемой «нормальности» размытого «открытого общества». А между тем безусловно всеобщей культурной нормы, кроме человеческого сочувствия и эстетического восприятия, нет и быть не может; цивилизованный комфорт достигается исключительно самобытным развитием, даже если внедряются различные заимствования и принимается, что культура всего человечества едина. Однако «не пора ли нам наконец прикоснуться к *своим* древним камням, к *своей* памяти, к *своей* культуре?» (Д. С. Лихачёв) [3, 325].

Ослаблением связей бывшей советской инфраструктуры, поделенной национальными государствами и пожираемой транснациональными корпорациями, вуалируются главные стержни необходимого единения национальных культур — имя земли, ее память и смыслы. Конечно, в условиях отрицающего национализма эти атрибуты многонациональной Родины давно подверглись изощренным подменам и выхолащиванию. Ложные смысловые установки обусловлены тяжелейшими современными условиями, в которых оказался многонациональный народ исторической Руси. Это и ретроспективные историографии современных национальных государств, и их соперничество, подогреваемое извне внематериковыми акторами, и неизбежный упадок — духовный и экономический — бывших союзных республик, особенно на периферии ослабленной гиперсистемы.

Тем не менее исконные имена явлений нашей земли, ее память и смыслы живы. Они навеки закреплены народными названиями священных вод, почитаемых местностей и главных городов Русской равнины, а также нашими мемориалами. «Ведь Земля — это наша душа» (В. Высоцкий, «Песня о Земле», 1968). Более того: за названиями — неизменные смысловые назначения Отечества. Другое дело, эти народные имена, народная память звучат по-разному и по-своему осмысливаются в языковых средах белорусов, русинов, русских, украинцев, тем паче, в романской среде молдаван или в тюркских и иных языковых общностях. Но все они, как оттенки общего смысла, помогают понять главное.

Вечная мудрость Руси — как неизбывной геодуховной целостности, как народного тела — заключена во возвращении и пестовании всех своих детей, всех национальностей. Просто потому, что цель и смысл Мироздания — рост и совершенствование самобытных душ в их общении, взаимодействии и совместном творчестве.

Если выросший вокруг ручья Кыянка-КЫЯВА *град*, в своей мужской ипостаси и летописном имени от князя-волхва *Кыев*, — «МАТИ ГОРОДАМ» Руси [4, 11–12], то очевидно, что священной Матерью Русской земли и является сама мистическая Русь — славянская «Божественная Русалка» Кый-Вела, по-таврийски — Орс или Орсилоха, она же — «чудище» Русь [2, 115], хранительница Днепровских порогов, она же — польская Жива или Вершава, но еще явственнее полянская Рось или Рша, чьим речным именам предшествовала ведийская светлая Ушас — мать душ человеческих, женская ипостась вселенского Варуны и, одновременно, древняя семантико-фонетическая провозвестница славянского слова «душа».

Показательна и русская (как и «параллельная» ей польская) суффиксация «ск» и «кий» обожествляемых именовании от священного «Кый». Лингвисты могут нас поправить, но в русском языке почитаемые имена городов, такие как Смоленск, Курск, Минск, продолжают морфологию уважительных прилагательных наименований, в том числе и в определении национальной принадлежности: *белорусский*, *молдавский*, *польский*, *русинский*, *русский*, *украинский*... Все они, в этой смысловой системе, — божественны.

Особенности интеграционных функций русского языка как языка межнационального общения происходят не из политиче-

ской ситуации последних веков, ведь она была следствием этих особенностей. Приняв древнее материковое обозначение Бога — ЕЛЬ (сохранившееся в иврите) смысловым ядром своего слова «селить» и обожествляя, тем самым, и население, и селения, и всю Вселенную, нельзя не объединять и развивать смыслы и людей, а не разделять и властвовать. Вот и приходят к нам из соседних языковых сред почитаемые реки, холмы, города, становясь *исконно русскими*.

Вот поэтому и происходит извечная борьба разделяющих и отрицающих против языка единения и его носителей.

Ведь именно на этом, на русском языке, звучит победное древнейшее «ура», как звучало оно из миллионов братских уст над Днпром и Дунаем, над Вислой и Влтавой, над Москвой и Берлином. Мемориалы городов, сбросивших нацизм в преисподнюю, остаются вечными свидетельствами Правды русского единения.

Во всех селениях наших, в особенности, испытавших на себе испепеляющий смерч гитлеровского нашествия, главными памятниками являются как раз мемориалы павших и, конечно, названия этих мест, коль скоро слишком мало нашей архитектуры и истории оставили нам «просвещенные» европейцы, ослепленные свастикой. Да и сами памятники нашей Великой Отечественной — иobelisks, и плиты могил, часто безымянные, и комплексы с Вечным огнем — всегда скромны и суровы: не несут они ложной патетики, не было и средств на нее. Но земля помнит нашу генеалогию с протославянской древности (см. пример схемы историко-архитектурного опорного плана на *рис. 1*).

И сколько бы ни переписывали на пьедесталах вместо «1941» — непременно «1939», ведь это так в духе «общеевропейского» якобы «понимания» Второй мировой, — люди-то помнят, *какая* Родина-Мать высится над горами Киева, *какой* герб на праведном ее щите, кто и когда напал на нее. И вот чудо: стоит она — воплощенная КБЯВА, подлинный дух места. И освящает его, как освящают Город сияющие кресты соседней Киево-Печерской Лавры.

Возвращаясь к настойчивому и вовсе не случайному именованию земли насельниками, мы можем, как и прежде, лингвистически фрагментировать это целостное наследие как «топонимы» того или иного происхождения, но ведь унаследованы они нами. Они вошли в наш язык, а значит, вошли в нашу плоть и кровь.

Не станет ли неправдой, чреватой самоотрицанием, понимание нашей геодуховной реальности как «*мемориальных функций территории*»? И насколько правдивы для нас изыски так называемых «*культурных кодов*»? Ведь на самом-то деле речь надо вести о **смысловых назначениях Отечества** и его **самобытных смыслах**.

Что характерно, как раз важнейшие исторические аспекты — имя Отечества и наименование последней войны за него, пусть и внутри хронологии мирового противостояния, именно как войны Отечественной — и стали главными мишенями националистов из бывших союзных республик. Не составляют исключения и многие «ученые мужи» из РФ. *Стерилизованная* «международными консенсусами» так называемая «Киевская» Русь» затерта хронологическими наслоениями последующей как бы «Московии» и приправлена, как «вишенкой на торте», финальным «эпизодом» — сражением двух так называемых «тоталитарных систем», якобы развязавших Вторую мировую войну. Воистину, правы те, кто ныне подчеркивает: современная ложь западных политиков борется за то, чтобы отнять Победу у подлинных победителей и пересмотреть итоги той войны. И, как это ни парадоксально, тем самым похоронить саму Западную Цивилизацию.

Перефразируя украинских православных книжников XVII века, выработавших в отношении Русского царства культурную (и несправедно «забытую») политическую формулу о «*неразделимой неслитности*» с ним, заметим, что российской многонациональной самобытности по отношению к Западу следует быть **НЕРАЗДЕЛЬНО НЕСЛИТНОЙ**. В этом может помочь только последовательное применение и всемерная популяризация самобытных подлинных наименований для явлений общей истории Великого Отечества.

Наименования эти — в оригинальных документах соответствующих эпох и событий, в летописных, картографических, градостроительных первоисточниках (один из примеров синтеза таких данных — наша карта-схема Русской равнины, см. **рис. 2**). И несмотря ни на что, **рукописи**, по гениальному определению киевлянина Михаила Булгакова, действительно **не горят** [1, 613]. Но **также** не горят и **отеческие гробы**.

Важно не подменять и не обесмысливать надписи на наших священных камнях. Прикасясь к ним, будем одушевлять их и на-

полнять самих себя непреходящими смыслами. И главнейшими краеугольными камнями нашей Великой Родины пусть останутся Русь, Русская — по-украински *Руська* — земля, малая *Батьківщина* и многонациональная Российская Отчизна.

Литература

1. *Булгаков М.А.* Мастер и Маргарита / М.А. Булгаков. Избранные произведения в 2 т. Т. 2 / Сост. и коммент. Л. М. Яновской. — К. : Дніпро, 1989. — С. 333–722.
2. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. — Т. 1–4. Т. 4. Р – V. — М. : Русский язык, 1981–1982. — 683 с.
3. *Лихачёв Д.С.* Культура правды – антикультура лжи / Красная книга культуры / Сост., подгот. текста и предисл. В. Рабиновича. — М. : Искусство, 1989. — С. 323–329.
4. ПСРЛ. Т. 2. Летопись по Ипатьевскому списку. — СПб, 1908. — 638 с.

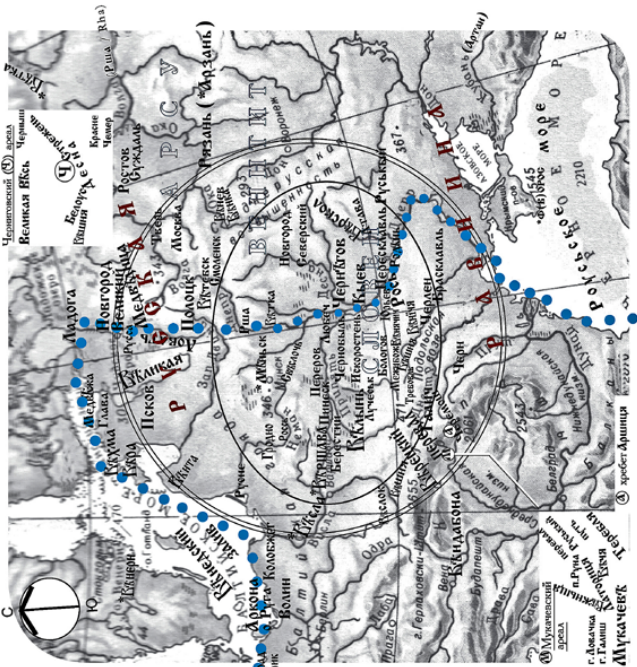
РУССКАЯ РАВНИНА

*АРСУ (АРИСУ),
*ВЕНТИТ (В-Н-Н-
ТИ-Т), *СЛОВЕН
(С-А-ВИОН) —
народы (население
объединения),
сосуществовавшие
в VIII-IX вв. с
Хазарским каганатом
на его северо-
западных рубежах.

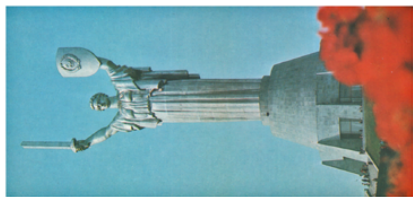
●●● ПУТЬ ИЗЪ
ВЪ РЯГЪ
ВЪ ГРЕКЫ
IX - XI вв.
ѠРХ.

(по свидетельству
Алама Времелского,
XI в., и описанию
Повести Времелных
Лет)

ЕЖИ ГРАДОСТРОЯ. Ретроспективная концепция освоения славянских территорий ок. I-XIII вв.; историко-топонимический анализ рубежей прародин и её срединной части (града-центры и реки порубежной арены расселения, характерные горные топонимы)

КЫВЬЪ *КЫБАЯ КИИВ

БАТЬКІВЩИНА - Мати
Києв, 1982 г. Скульптор: Роді-
на. Мать-мемориал Укра-
ни: Мать государственного мурла
истории Великой Отечествен-
ной войны 1941-1945 годов.

МАТУШКА
РУСЬ

© Циренко Сергей Александрович, 2000-2006. Всправа: ГРАДОСТРОЙ словяно-русский, Винница, 2007

Рис. 2. Русская равнина (Вежи Градостроя.
Ретроспективная концепция освоения славянских территорий ок. I-XIII вв.), карта-схема

Сокурова Ольга Борисовна

*доктор культурологии, доцент Института истории
Санкт-Петербургского государственного университета*

ДЕТИ ПОБЕДЫ НА РУБЕЖАХ ИСТОРИИ

Аннотация: В статье рассказывается о послевоенном поколении, о судьбах, идейных позициях и творчестве некоторых талантливых его представителей, лично знакомых автору. При всем несходстве личностей и характера дарований, они объединены тем, что являются прямыми наследниками победителей. Они — свидетели, которые сознают свою ответственность за то, чтобы передать следующим поколениям историческую правду о поколении отцов, защитить их честь и продолжить их дело — служить своей стране, бороться за нее, ее духовные ценности и традиции, за жизнь на земле.

Ключевые слова: *Победа, отцы и дети, история, правда, клевета, информационная война, судьбы России и мира.*

Sokurova Olga Borisovna

*Doctor of Culturology, Associate Professor
at the Institute of History, St. Petersburg State University*

CHILDREN OF VICTORY ON THE FRINGES OF HISTORY

Abstract: The article tells about the post-war generation, about the destinies, ideological positions and creativity of some of its talented representatives who are personally familiar to the author. For all the dissimilarity of personalities and nature of talents, they are united by the fact that they are the direct heirs of the winners. They are witnesses who are aware of their responsibility to pass on to the next generations the historical truth about the generation of fathers, to protect their honor and continue their work — to serve their country, to fight for it, its spiritual values and traditions, for life on earth.

Keywords: *Victory, fathers and children, history, truth, slander, information war, the fate of Russia and the world.*

Мои сверстники принадлежат к поколению детей Победы. Цена, заплаченная за нее, столь велика, что вот уже около 80 лет продолжается в нашей стране, худо-бедно, но все-таки мирная жизнь — срок для России неслыханный. Это тот срок, в который уложилось наше беззаботное детство, годы получения очень качественного и бесплатного образования. В этот срок вошли еще годы, когда многими из нас был набран «опыт — сын ошибок трудных». Мы *успели* (благодаря Победе нам была дарована такая возможность!) осознать многое в себе, в мире, в стране, наконец, созреть для того, чтобы прийти к Православной вере и постараться по этой вере жить.

Да, поистине велик и бесценен отпущенный нам срок мирной жизни, и именно за нее участники войны принесли огромные жертвы. Спекулируя трагической правдой, в либеральной среде сначала осторожно, потом все более настойчиво стала проводиться мысль, что столь великие потери военного лихолетья были неоправданы и напрасны. Однако наши отцы и деды судили иначе, чем их прагматичные и слабодушные потомки. Они думали, говорили и пели: «Мы за ценой не постоим...».

Мне вспоминается многосерийный документальный фильм, созданный еще в советские времена — он назывался «Неизвестная война». Я не столько вслушивалась в текст комментариев к фильму, сколько всматривалась в выражение лиц людей на драгоценных кадрах военной кинохроники. Вот тревожные, серьезные, сосредоточенные лица тех, кто, сгрудившись, слушает по уличному репродуктору сообщение о нападении Германии на нашу страну... Вот измученные, обреченные лица новобранцев 1941 года... Вот матерински любящее, заботливое, сострадающее лицо старой женщины в платке, вновь и вновь поднимающей руку, чтобы осенять крестным знаменем проходящие (скорее всего, отступающие) колонны воинов. Некоторые оглядываются на нее, словно в ней и в этом благословляющем жесте их последняя надежда... А вот лица солдат и партизан 1943–1944 года. На них появилось какое-то совсем новое выражение. Я вдруг поняла: это лица людей, *преодолевших страх смерти*. С такими людьми уже ничего нельзя сделать, их не одолеть. Это лица победителей. Грех считать этих людей просто «пушечным мясом», которое нещадно бросали на истребление безжалостные военачальники. Россия выиграла войну не горами трупов, а силой духа, стойкостью и умением солдат,

опытом и одаренностью командиров. Страну защитили те, кто *сознательно* «положил живот свой за други своя». Ведь существует большая разница между пассивной, невольной жертвой и волевой жертвенностью, христианской по своей сути.

Цена Победы — это огромное число пожертвовавших собой и неизмеримо большее число спасенных ими. Они отдали себя, чтобы жизнь на земле продолжалась и чтобы она была достойной и свободной. Те страны, которые не были готовы платить такую цену, сдавались врагу. Россия взшла на крест, в том числе и за жителей этих стран. Теперь их правящие верхушки стараются стереть, уничтожить благодарную память своих народов, исказить, оклеветать в их глазах ход и суть исторических событий.

Да и наши доморожденные «лакеи мысли» (выражение Ф. М. Достоевского), которые точно так же обязаны павшим и живым участникам Отечественной войны самим фактом своего существования, швыряют в них, уже беззащитных, комья грязи и пытаются развенчать народную, священную войну как ложный миф. Но живы мы, дети Победы — свидетели правды о наших отцах, и наш священный долг — на рубежах истории встать на их защиту.

В мире и в стране идет жестокая информационная война. В условиях электронных технологий *слово* стало мощнейшим оружием массового поражения. Но оно может быть и высоко боеспособным средством обеспечения национальной безопасности.

Речь здесь пойдет о детях Победы, которые знакомы лично мне и которые, как представляется, принадлежат к числу тех, кто в наши дни сражается на передовой сегодняшней жестокой информационной войны. Сражаются оружием слова за правду и за Россию.

Один из них — Александр Леонидович Казин. Он родился в победном сорок пятом, 21 ноября, в день архистратига Михаила, полководца Ангельских сил и одного из Небесных покровителей русского воинства. Среди возможных предков писателя-философа были воины разных эпох: Тимофей Казин, принимавший участие в ливонском походе Ивана Грозного в 1577 г., Андрей Казин, убитый под Смоленском в 1634 г., адмирал Николай Глебович Казин, начальник Морского Кадетского корпуса в 1851–1854 гг. Родители А. Л. Казина, Леонид Александрович и Мария Борисовна, во время Великой Отечественной работали на фронтах военными врачами. В конце войны их медсанбат стоял в немецком городке

Мариенвердер (ныне — Квидзын, Польша). Сразу после войны, в августе 1945 г. Леонид Александрович умер от брюшного тифа. Мария Борисовна вернулась в родной героический Смоленск. Вскоре там родился сын, нареченный Александром. Через много лет он получил имя Леонид при крещении. В преемственной связи с отцом — не только кровной, но и воспринятой через святое имя — чувствуется что-то неслучайное.

Многочисленные труды А. Л. Казина отличает стратегическое понимание главных направлений идейной и духовной борьбы, умение быстро и активно отражать удары (так называемые «вызовы времени»). В то же время в его книгах и статьях есть «врачающий простор», в них действует не агрессивная, а добрая и спокойная сила, направленная не на истребление, а на исцеление и созидание. Таким образом, на духовном уровне он продолжает дело своего отца, одновременно воина и врача.

Одну из обобщающих книг А. Л. Казина «Великая Россия»¹, где собраны наиболее значимые его работы по теории и истории культуры, завершает раздел с выразительным названием «Русская Победа». Но начинается этот раздел неожиданно — с часто звучащих разговоров о поражении России в конце XX — начале XXI века. Автор книги предлагает не торопиться с выводами и призывает вспомнить о коренном отличии в языческом и христианском представлении о том, что такое победа и как следует понимать поражение. Он отмечает, что «победа» современного Запада, который «фактически находится в плену у своих агрессивных по отношению к Божьему миру технологий» — это «пиррова победа прометеевско-фаустовского модерна, отвергнувшего христианские ценности <...>. Запад вошел сегодня в гедонистическую фазу своей истории, воспроизводящую “обратный ход” духовной эволюции Европы». Это может предвещать, как пишет А. Л., «в обозримом будущем геокультурную катастрофу..., опасную как для самого Запада, так и для большинства народонаселения планеты...»² Книга была написана более десяти лет назад. А сегодня мы видим выразительные знаки той катастрофы, которая в ней предсказана. Истинная победа, согласно нашей тради-

¹ *Казин А. Л.* Великая Россия. Религия. Культура. Политика. — СПб. : Петрополис, 2007.

² *Казин А. Л.* Указ. соч. С. 599.

ционной системе ценностей, напоминает автор книги, состоит не в захвате материальных благ, не в утверждении земной власти, не в благополучной жизни «для себя».

«Спасение души (человека и народа) и есть настоящая христианская победа» — эту мысль автор стремится донести до каждого из соотечественников и современников. Книга «Великая Россия» была удостоена Всероссийской историко-литературной премии «Александр Невский».

А. Л. Казин нередко размышляет о чуде русского бытия, которое состоит, по мнению автора, в том, что Россия сумела сохранить свое внутреннее духовное единство, свое сакральное ядро на всех крутых поворотах истории, при самых разных политических и экономических режимах. Основная мысль, которую он хочет донести до читателя, состоит в том, что *«история России — русского народа, культуры, государственности, Церкви — представляет собой уникальную борьбу за сохранение православного ядра нашей цивилизации в условиях вызова со стороны противостоящих русскому миру сил»*³.

И вот что замечательно: *именно отношение к Великой Отечественной войне предельно проясняет позиции противоборствующих сторон*. А. Л. Казин напоминает в своей книге, что резолюция ОБСЕ лживо и цинично уравнивает фашистскую Германию и Советский Союз как виновников Второй мировой войны. Некоторые внутренние эмигранты у нас в стране подхватывают и на все лады смакуют эту мысль, провозглашают героем войны предателя генерала Власова. Священное отношение русского народа к празднику 9 мая они называют «победобесием», забыв, очевидно, как много существует свидетельств, что нашим воинам на полях сражений помогали отнюдь не бесы, а Божия Мать и святые угодники. А. Л. Казин очень точно объясняет подоплеку развернутой в последнее время масштабной информационной кампании по изменению взглядов на прошлое нашей страны и значение ее Победы: «Если задаться известным вопросом — кому это выгодно? — то придется признать, что вышеописанные акции... работают, прежде всего, на те закулисные силы, которые стремятся пересмотреть итоги Второй мировой

³ Казин А. Л. Русские чудеса. История и судьба. — СПб. : Петрополис, 2010. — С. 9.

войны, обесценить соглашения, достигнутые державами-победительницами в Тегеране и Ялте, и тем самым лишить Россию идейной и юридической легитимации в современном мире. Они хотят вытеснить нашу «неправильную» страну из международного культурного и политического пространства»⁴.

Эти слова воспринимаются как строгое и своевременное предостережение. О том же говорит сильно и точно, с приведением фактов, имен, исторических параллелей, и Н. С. Михалков, еще один из детей Победы, в выпусках «Бесогона», посвященных, в частности, деятельности Ельцинского центра в Екатеринбурге. В этих выпусках было показано, что планы расчленения России, ее децентрализации и установления внешнего управления над отдельными распавшимися ее частями формулируются нынешней либеральной оппозицией и ее западными заказчиками в полном (чуть ли не дословном) соответствии с теми планами в отношении нашей страны, которые озвучивались некогда Гитлером и Гиммлером.

В книгах и статьях А. Л. Казина содержится спокойная убежденность: «Бог хочет, чтобы Россия существовала — в этом все дело. С точки зрения любого ratio — политического, экономического, социокультурного — России уже давно не должно было бы быть, и, однако, она есть и будет»⁵.

К числу любящих Россию и разделивших ее крест людей относится также Людмила Николаевна Разумовская. Семья ее матери, Ольги Федоровны Кондратьевой, была раскулачена в годы коллективизации. Но началась война, и Ольга Федоровна ушла добровольцем на фронт, скрыв свой возраст (ей было только 17 лет). Сначала служила медсестрой, затем шифровальщицей в контрразведке. Вместе с войсками Калининского фронта участвовала в боях за Ржев, Псков, Калининград, Прибалтику. Пережила в эти годы «военно-полевой роман». После войны в Риге родилась ее единственная дочь. Совсем вскоре первая семья распалась. Девочку воспитывал отчим, давший ей свое отчество, фамилию и настоящую отцовскую любовь. Николай Николаевич Разумовский был родом из Белоруссии и также прошел войну

⁴ *Казин А. Л.* Русские чудеса. — С. 334–335.

⁵ Там же. С. 342–343.

от начала и до конца. Освобождал родной Витебск, Польшу, Германию. Имел ранения, был награжден боевыми орденами. Умер рано, в 40 лет. Дочь фронтовиков стала известным драматургом, остро чувствующим время, пронизательно и честно отражающим его духовные и социальные проблемы. Такие пьесы Л. Н. Разумовской, как «Дорогая Елена Сергеевна», «Сад без земли», «Конец восьмидесятых», «Владимирская площадь» и другие, со времени своего создания и по сей день идут на подмостках многих театров Европы, Азии, США, Канады. На родине у них была своя драматическая, но порой и счастливая судьба.

В 2010 г. вышло новое произведение Л. Н. Разумовской, на сей раз написанное в жанре «большой прозы». Роман получил емкое название «Русский остаток»⁶. Как представляется, это произведение стало событием в современной отечественной культуре. Исконно русское правдоискательство является главным достоинством автора романа и ее героев. Все они — дети русской Победы. Они продвигались в трудных поисках правды непрямыми путями, часто ошибаясь, падая, переживая перемены жизни и ее катастрофы. Перед каждым из них тем или иным путем раскрывались семейные тайны, разворачивалась история рода. И каждая такая история заставляла задуматься о тайнах Большой истории, о причинах и смысле той непомерно великой крестной ноши, которая легла на Россию в XX веке и под которой сгибается она по сию пору. В результате масштаб романа оказывается поистине огромным. Книга Разумовской, при всей ее подчас жестокой правде, оставляет надежду, что каждый из нас, подобно ее героям, может войти в спасительный русский остаток, если решится встать на узкий путь правды, веры, покаяния и любви.

Недавно Людмилой Николаевной был написан новый роман «Апостасия»⁷. В нем на новой глубине продолжают поиски корней сегодняшних проблем. Эти корни автор находит в давних исторических событиях русской революционной смуты 1905 и 1917 годов. Судьбы и характеры действующих в романе персонажей, а также мастерски написанные портреты реальных исторических лиц, свидетельствуют о значительности, серьезности и чрезвычай-

⁶ *Разумовская Л. Н.* Русский остаток. — СПб. : Алетей, 2010.

⁷ *Разумовская Л.* Апостасия (Отступничество) / предисл. О. Б. Сокуровой. — М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2016.

ной своевременности этого произведения. Автор книги подводит читателя к выводу о том, что движение новейшей истории — это апостасия, отступничество, это испытание человеческой свободы на путях соблазнов, и для многих, увы, — подчинение этим соблазнам. Одно из постоянных искушений российской интеллигенции, как считает писательница, — пленение идеями и сомнительными ценностями западного мира. Как показано в романе «Апостасия», этот так называемый «передовой отряд борцов», уверенных в своей избранности, на деле стал искусителем народа. Его разрушительный активизм пропитан ненавистью и презрением к России, пожеланием ей поражения, порабощения и гибели.

Великая Отечественная война оказалась за хронологическими рамками книги Л. Н. Разумовской, но можно было бы, продолжая развивать мысль автора, утверждать, что эта война имела для нашего народа и искупительный, и промыслительный, и исцеляющий смысл. Благодаря потрясению, вызванному смертельной угрозой нашему национально-духовному бытию, мы вернулись к самим себе, к исполнению своего высшего предназначения: борьбе с силами тьмы, концентрирующими, в тот или иной момент истории, гордый сатанинский дух «нового мирового порядка». Этот дух выражается в стремлении к неограниченной власти над народами земли, их материальными богатствами и, главное, их душами. В судьбоносные четыре года народной войны святой Георгий Победоносец, Георгий-Змееборец, словно сошел с Российского герба на поля ее грандиозных сражений.

И Россия одержала Победу.

Однако была ли эта Победа окончательной? Сегодня нацизм вновь поднял голову и замаршировал по соседним странам — с эссовской символикой, с огненным морем гордо воздетых факелов. И запыхали коктейли Молотова, заживо сгорели в Одессе сотни людей, тысячи и тысячи оказались в огне и руинах Юго-Востока, в нечеловеческих условиях, без крова, хлеба, света, воды. Искалечены тела, судьбы, души. Разорваны семьи. Ложью и ненавистью непрерывных информационных атак на современной Украине одурманены умы, ожесточены сердца. Служение мамоне заставило весь благополучный апостасийный мир лицемерно закрыть глаза на творящийся ужас, на цинизм распоясавшейся черни, опьяненной чувством абсолютной безнаказанности. Ее наглую активность подпитывает попустительское одобрение и подстрекательство за-

падных держав, в первую очередь США, и обоснованный расчет на информационную и военную поддержку этих стран.

Вот в каких сложных условиях пишется последняя книга Людмилы Разумовской — книга, показывающая, что мины, рванувшие сегодня, были заложены более столетия тому назад. В наши дни многое из пережитого нашим народом повторяется, но только на другом, еще более крутом витке. Однако, как уже давно замечено, единственный урок истории состоит в том, что ее уроки, к сожалению, ничему не учат. Писательница стремится переломить эту закономерность, ее книга помогает осознать и учесть трудный и полезный опыт прошлого.

Автор книги считает, что Россия осталась, пожалуй, последним Домом Христа, ибо сегодня Его изгнали едва ли не отовсюду. Следовательно, наша страна является главным врагом для апостасийного, антихристианского мира. Новая, быть может, окончательная битва уже совсем на подходе, да она фактически уже идет и становится все жарче и жесточе.

Недавно почивший петербургский писатель и журналист Александр Раков, как и А. Л. Казин, и Л. Н. Разумовская, принадлежал к послевоенному поколению детей Победы. Его отец, Григорий Иванович, в 1939 г. окончил с отличием университет по специальности «немецкий язык и литература», поступил в аспирантуру Пушкинского дома. Во время Великой Отечественной войны сражался сначала на Западном фронте, затем окончил офицерские курсы, с декабря 1943 по август 1945 года служил в Политуправлении Украинского фронта. Брал Берлин. Был награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны 1-ой степени, несколькими медалями «За отвагу», которая приравнивалась к почетному Георгиевскому кресту дореволюционной русской армии. Имел и другие награды. После войны служил в Австрии. Александр Раков родился в Вене, затем разделил судьбу многих детей из офицерских семей: переезжал с отцом из страны в страну, из города в город. Его отец был одаренным человеком, имел превосходный эстетический вкус. Особенно запомнилось сыну отцовское слово «сгущение» — в рассуждениях о предпочтительной в наши дни литературной форме. Это слово стало для него путеводным. Дело в том, что Александр Раков нашел свой, весьма интересный и необычный «малый жанр» художественно-документальной прозы. Он был определен самим автором не вполне академично, зато

образно и метко — «былинки»⁸. Былинки связаны с жизненной болью и болью — болью сердца, совести и ума. В них честно обнажены самые болевые точки современной российской действительности. Автор пишет о забытых ветеранах, о бомжах, о брошенных или жестоко замученных животных, об уничтоженных в материнском чреве детях, о нашем непонимании родителей, непоправимой вине перед ними. Будоражит душу его потрясающий рассказ о послевоенной судьбе безруких и безногих «самоваров» на Валааме, которым мы обязаны жизнью и которых тогдашние власти постарались проводить с глаз долой, подальше от наступившего в стране относительного благополучия. Есть страницы, которые читать невыносимо тяжело. Но читать необходимо: с сердца сдвигается короста забвения, безразличия, самоуспокоенности.

Сплав стихов и прозы — еще одна характерная и неповторимая особенность жанра «былинок». Стихотворные цитаты подобраны так, что они органично срастаются с авторской прозой и, усиливая друг друга, способствуют сильному смысловому, эмоциональному и нравственному воздействию на читателя. В результате создается то самое «сгущение», о котором когда-то писал фронтовик Григорий Иванович Раков своему сыну.

Приведу пример. В одной из «былинок» идет разговор о современных проблемах, и вдруг автор опять сворачивает к разговору о войне, определив свое пожизненное «ранение» ею строкой поэта Николая Глазкова: «Я не был на фронте, но я инвалид Отечественной войны!» И далее цитируется исключительная по силе «Баллада о молчании» Роберта Рождественского. В ней рассказывается о том, как наши сдвинули с перевала дивизию «Эдельвейс», и метельным ноябрьским вечером был получен приказ взять штурмом одну из укрепленных немецких позиций, что казалось не-

⁸ См. книги А. Ракова, написанные в этом жанре: Былинки. СПб. : Сатис, 2004; У раскрытого окна. Былинки. СПб. : Сатис, 2006; На милость дня. СПб. : Сатис, 2006; Повторение пройденного. СПб. : Сатис, 2008; Гони, старик, свою лошадку. СПб. : Сатис, 2009; О жизнь, нечаянная радость. СПб. : Газета «Православный Петербург», 2010; Сундучок воспоминаний. СПб. : Газета «Православный Петербург», 2011; Пишу свою судьбу до точки. СПб. : Изд-во писателей «Дума», 2012; Избранные былинки. СПб. : ООО «Контраст», 2014; Незабудки. СПб. : ООО «Контраст», 2015.

мыслимым: с трех сторон пулеметы, с четвертой — отвесная скала. Командир, как и его бойцы, отнюдь не был альпинистом, он вырос в Рязани. Но он поставил задачу взять ночью штурмом стену-скалу и предупредил, что если кто-то сорвется, *должен молчать*: «там у них — патрули!»

И вот начинается штурм: «Лезли, почти сродняясь со стеной, — камень светлел под пальцами. Пар поднимался над каждой спиной и становился панцирем. Молча тянули наверх свои каски, гранаты, судьбы. Только дыхание слышалось и стон сквозь сжатые зубы. Дышат друзья. Терпят друзья. В гору ползет молчание. Охнуть — нельзя! Крикнуть — нельзя! Даже — слова прощания. Даже — когда в озноб темноты, в черную прорву ночи, все понимая, рушишься ты, напрочь срывая ногти! Душу твою ослепит на миг жалость, что прожил мало... Крик твой истошный, неслышный крик мама услышит. Мама...»⁹

Раков не ведет долгих разговоров — он точной, продуманной стыковкой разных текстов показывает, что наши нынешние проблемы, наши современные души проходят проверку строгой тишиной минувшей войны.

Ю. В. Бондарев при вручении Александру Ракову Международной премии имени М. А. Шолохова сказал: «Я давно понял, что в короткой речи, если она насыщена тем, что у тебя на душе болит, можно выразить очень многое. А у Вас очень много боли».¹⁰ Юрий Бондарев — мужественный писатель-фронтовик, проживший большую и честную жизнь. Получить из его рук премию было особенно почетно. Это равносильно признанию боевых заслуг, включению в братство по оружию.

В книгах Ракова можно найти и немало светлых страниц — о послевоенном детстве, о мальчишеских играх, о родительском доме, встречах с духовным отцом, общении с близкими людьми, с любимыми котами, знакомой вороной, со всей родной северной природой. Перед читателем распахивается полный жизни и движения космос, в котором собраны и благословлены былинки и звезды, люди, звери, птицы...

⁹ Раков А. Г. О жизнь, нечаянная радость... — СПб. : Православный Санкт-Петербург, 2010. — С. 81–83.

¹⁰ Там же. С. 2.

«Любите все создание Божие, и целое, и каждую песчинку. Каждый листик, каждый луч Божий любите. Любите животных, любите растения, любите всякую вещь. Будешь любить, и тайну Божию постигнешь в вещах... И полюбишь наконец весь мир всецело, всемирною любовью».¹¹

Эти строки из итогового романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» очень близки Татьяне Михайловне Горичевой. Она — известный в нашей стране и в мире православный философ, общественный деятель, писатель, автор живых, содержательных, глубоких книг о России и Западе, о духовных проблемах современного мира, о наиболее значимых явлениях русской и европейской культуры¹². Кроме того, с недавнего времени она является вице-председателем русско-французского общества защиты животных.

В одном из наиболее развернутых и содержательных интервью с Т. М. Горичевой, напечатанном в газете «Вечный зов», она называет себя «солдатом последней войны»¹³. Она действительно находится на передовой: в мире идет невиданная по размаху и напряжению схватка мертвого с живым. Мертвое наступает на живое, вытесняет, уничтожает его.

То, что творит современное потребительское общество с нашими меньшими братьями в ужасающих условиях современных боен, зоозащитники не случайно сравнивают с концлагерями Третьего рейха. Все тот же «дух уничтожения и небытия», о котором пред-

¹¹ *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. в 30-ти тт. — Т 14. — Л. : Наука, 1976. — С. 289.

¹² За рубежом изданы следующие книги Т.М. Горичевой: «Взыскание погибших» (1982), «Опасно говорить о Боге» (1983), «Сила христианского безумия» (1984), «Дочери Иова» (1986), «Сила в бессиллии» (1987), «Дневник путешествий» (1989), «Нечаянная радость» (1990), «Человек непрестанно ищет счастья» (1990), «Святая мать-земля» (1993), «Только Бог может спасти Россию» (1995), «Блажен, иже и скоты милует» (2010). На родине изданы: «Православие и постмодернизм», «Христианство и современный мир», «Об обновленчестве, экуменизме и “политграмотности” верующих», «Святые животные», «Только в России есть весна», «Дневники 2003–2009».

¹³ См.: *Горичева Татьяна. Я — солдат последней войны...// Вечный Зов. Независимая ежемесячная газета. — 2008. — № 6 (116). — С. 4–5.*

упреждал Достоевский, действовал тогда, действует и сейчас — уже в глобальном планетарном масштабе. И вот сегодня, должно быть, не случайно именно женщина, русская женщина вышла на передовую планетарной битвы за жизнь.

Татьяна Горичева достойна памяти своего отца, Михаила Ивановича, пролившего кровь за Русскую Победу. В мирное время он работал топографом в Великом Устюге и благодаря профессии был освобожден от военного призыва. Однако Михаил Иванович от лимита отказался и ушел на фронт добровольцем. Сражался в артиллерийских войсках, получил тяжелейшее ранение, и до конца жизни на его теле, на голове у виска оставались следы осколков. Мне довелось познакомиться с Михаилом Ивановичем в середине 1980-х гг., когда он лежал в больнице. Навсегда запомнились его прямая дворянская выправка, мужественное и приветливое лицо с невероятно высоким лбом, искренность и в то же время сдержанность в разговоре, глубоко заботливые интонации, когда он расспрашивал о дочери. Дочь была далеко, в Париже. В 1980 г. Татьяна Горичева была выслана из нашей страны за участие в женском христианском движении. В отличие от многих, она не стала на все лады поносить покинутую Родину. Напротив, свое призвание она увидела в том, чтобы знакомить западных людей с настоящей, глубинной Россией, ее духовными сокровищами, ее старцами, ее мученическим подвигом. Ей поверили. Ее наперебой приглашали в разные страны — и не только Европы, но и Азии, и Южной Америки. Ее судьба свидетельствует, что дети Победы продолжают сражаться за дело отцов. «Бой идет не ради славы — ради жизни на Земле».

Совсем недавно, 3 сентября 2020 года, ушел из жизни еще один сын Победы, Анатолий Петрович Лапшов, талантливый кинооператор и педагог.

Его мама, Мария Ивановна, потеряла во время ленинградской блокады мужа и ребенка. Анатолий Лапшов был ее сыном от второго брака. Он родился в 1948 г., и уже при рождении имел проблемы с позвоночником — возможно, это было следствием подорванного во время войны материнского здоровья.

Тем не менее он поступил во ВГИК, на операторское отделение, где к справкам о состоянии здоровья относились особенно внимательно — профессия оператора требует немалых физических сил. Перед комиссией, которая не решалась принять абитуриента

по медицинским показаниям, он сделал сальго — и его приняли. Во время учебы и после нее А. П. Лапшов дружил с Андреем Тарковским, работал с Константином Лопушанским, Динарой Асановой, Игорем Масленниковым. Он превосходно, на очень высоком профессиональном уровне, снял целый ряд известных фильмов: «Штормовое предупреждение», «Приключения Шерлока Холмса и доктора Ватсона» (серия «Смертельная схватка»), «Воспоминания о Шерлоке Холмсе» (совместно с Н. Ильиным, Ю. Векслером, Д. Долининым), «Единожды солгав», «Господин оформитель», «Фонтан», «Окно в Париж», «Амок» и многие другие.

И уже один из первых его фильмов, «Соло» (1980), посвященный ленинградской блокаде и концерту симфонического оркестра филармонии, который транслировался из осажденного города на Лондон, получил заслуженное международное признание. Это была дебютная (выпускная) работа ныне известного режиссера Константина Лопушанского, до ВГИКа окончившего композиторское отделение Ленинградской консерватории. Поэтому фильм о подвиге музыкантов, в самые тяжкие дни блокады продемонстрировавших на весь мир несломленность духа великого города, был сделан с внутренним пониманием того, насколько труден был этот подвиг для совершенно истощенных, падавших от голода людей.

Главный герой фильма должен был исполнить соло на валторне в Пятой симфонии П. И. Чайковского. Хватит ли сил на сложную партию? Музыканты уже давно жили в бомбоубежище филармонии, у них не было сил добираться до дому. Главный герой (актер Николай Гринько) вспоминает, что в его квартире на Васильевском острове мог остаться пакетик для корма птиц, и в надежде как-то подкрепиться перед концертом, он бредет домой через блокадный город. А. П. Лапшов сумел потрясающе достоверно показать каждую деталь этого утопающего в сугробах, в морозном мареве, погруженного в трагическую тишину царства смерти. Главным консультантом оператора была его мать, Марья Ивановна.

Добравшись до своей квартиры с разбомбленной крышей, музыкант так и не нашел заветного пакетика с кормом, но зато попал в чудом открывшуюся баню. Был женский день, но его сердобольно пристроили где-то в самом дальнем темном углу. И вдруг сквозь горячие банные пары музыкант видит чудо: беременную

женщину с удивительно светлым лицом (актриса Светлана Смирнова), медленно и как-то торжественнодвигающуюся наперекор всему тому, что происходит в мире, бережно несущую в себе новую драгоценную жизнь. Блокадная мадонна...

Не укрепившись физически, герой фильма получил необходимые *духовные силы* для предстоящего творческого подвига. И вот — последний кадр фильма, гениально снятый А. П. Лапшовым: музыканты идут на сцену по длинному филармоническому коридору, идут как на бой: лица мужественные и собранные, инструменты несут как боевое оружие — оружие Победы жизни над смертью, светлой гармонии над хаосом и тьмой.

Анатолий Петрович Лапшов был мастером «светописи» и носителем света. В тяжелейшие 90-е годы, все более одолеваемый болезнью, он создал фирму по аренде высококачественной кинотехники — «Пульсар-Тэк», которая кормила бедствующие семьи его сотрудников. Он был прекрасным другом, необыкновенно добрым, многосторонне одаренным человеком: помимо блестящих операторских работ, читал философски глубокие лекции в Высшей школе режиссеров и сценаристов. Как говорили коллеги, фонтанировал идеями. На протяжении многих лет он мужественно преодолевал боль, сражался с недугами, атакующими со всех сторон. Он сражался, словно на передовой, и в социальных сетях, часто выходя в одиночку против либеральной «общественности», состоящей из немалого числа убежденных врагов и бывших друзей, за честь и достоинство России. Из земной жизни он ушел победителем.

Напоследок скажу немного о своем отце, Борисе Ерофеевиче Сокурове. Он был родом из казаков, рано осиротел, детство прошло в Сибири, потом уехал на Урал, там работал в радиокомитете. Мечтал стать писателем, был учеником П. П. Бажова. Экстерном, заочно, заканчивал в Москве Литературный институт, но не успел — началась война. Был минометчиком, награжден орденами Красной Звезды, Боевого Красного Знамени и медалями. Освобождал Польшу, в том числе, между прочим, Освенцим (отмечаю это в связи с вымыслами одного из польских политиков о том, что Освенцим освобождали только этнические украинцы). Отец вспоминал, что его поразило множество детской, женской, мужской обуви, с немецкой аккуратностью разобранной по размерам. Волосы тоже были хозяйственно собраны и подготовлены к утилизации...

Отец был среди тех, кто брал Берлин. Вспоминал, как сначала с опаской, потом смелее из подвалов немецкой столицы к нашим походным кухням стягивались измученные, голодные жители, и их кормили солдатской кашей. Еще отец рассказывал, что любые вольности на освобожденных территориях строго наказывались. Сам он был человеком исключительной нравственной чистоты, верности, поистине рыцарственного отношения к маме и ко мне. Кому прикажете верить — ему или волнам грязных сплетен о бесчинствах, жестокости и моральной распушенности русских солдат, — сплетен, наводнившим ныне мир?

После войны отец служил военным журналистом в Закавказье, хорошо знал маршала К. Рокоссовского и высоко ценил его за профессиональные и человеческие качества. Был награжден боевыми орденами и медалями. Отец, как и многие представители поколения победителей, был очень честный, жизнерадостный, талантливый и скромный человек. Мама, Зуева Нина Даниловна, во время войны работала в Свердловском радиокомитете. Всю войну мама была донором, сдавала кровь для раненых.

В послевоенное время родители жили бедно, и первое время после переезда на новое место отцовской службы, как они вспоминали, даже обедали, сидели, спали на подшивках газет. Но несколько этим не тяготились — наоборот, такая жизнь налегке: в коммуналках, с керосинками, печкой, казенной мебелью, общими «удобствами» и посиделками на кухнях шла весело, дружно и как-то духоподъемно. Вообще атмосфера послевоенного времени была незабываемой и совершенно особой, в ней чувствовался воздух Победы. Казалось, что самое страшное позади, и жизнь год от году будет лучше. И дети достигнут многого, прекрасного, о чем мечтали и за что сражались отцы. То было время больших планов и больших надежд.

Каждый год 9 мая у нас непременно собирались гости — родственники, друзья, сослуживцы. Помню танцы под патефон, русские песни — «Рябину», «Степь да степь кругом», грузинскую «Сулико» и неповторимые, за сердце берущие песни войны. Отец особенно любил «Эх, дороги...» Традиция отмечать День Победы была священной. В память о родителях я продолжаю неукоснительно соблюдать ее.

Наши отцы ушли, но живы мы. Значение нынешних жестоких сражений на словесном фронте, в информационном пространстве

очень велико: поскольку от их исхода во многом зависит твердость народного духа. Как известно со времен Александра Невского, не в силе Бог, а в правде.

А отцы остаются в строю. Их Бессмертный полк, который шествует вместе с живыми вот уже не первый год по всей стране и во многих странах мира, имеет невероятную силу воздействия на души людей, рождает в них чувство боевого братства. Отцы с нами, они за нас, и это великая поддержка. А мы с ними и за них.

*Нелегко нам живется на свете,
Но крепись и мужайся, мой брат!
Мы же послевоенные дети –
Дети наших отважных солдат <...>
Это непобедимое племя
Будем славить и ныне, и впредь.
И глухое, жестокое время
Нашу память не сможет стереть.
С нами наши отцы, наши деды,
Нам не страшен любой ураган.
И священное знамя Победы
Растоптать не позволим врагам!*
Татьяна Егорова

Шарипов Александр Михайлович

кандидат исторических наук,

член Союза писателей России,

сопредседатель Международного Ильинского комитета, Москва

ЭПОХА 2020: ЗАКАТ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. На фоне пандемии 2020 г. некоторые цивилизационные процессы проявили себя в большей мере, прежде всего — социокультурные. Происходит трансформация цивилизации в условиях перехода к новому технологическому укладу. Оторванность транснациональных элит от творческого поля локальных цивилизаций создает угрозы существованию как государственных суверенных образований, так и творческой жизни мировых культур. Массмедиа в условиях цифровизации получают большой простор для формирования массового сознания на основе масскульта, что ведет к дегуманизации культуры, а в дальнейшем — к трансгуманизму и кризису цивилизации.

Ключевые слова: *глобализация, культура, нация-цивилизация, новый технологический уклад, суверенная государственность, трансформация цивилизации.*

Sharipov Alexander Mikhailovich

Candidate of Historical Sciences,

member of the Writers' Union of Russia,

co-chair of the International Ilyinsky Committee,

Moscow

EPOCH 2020:

DECLINE OF CULTURE EPOCH 2020:

SUNSET OF CULTURE

Abstract. Against the backdrop of the 2020 pandemic, some civilizational processes have manifested themselves to a greater extent, primarily sociocultural ones. There is a transformation of civilization in the conditions of transition to a new technological order. The isolation of transnational elites from the creative field of local civilizations creates threats to the existence of both state sovereign formations and the

creative life of world cultures. Mass media in the context of digitalization get a lot of space for formatting mass consciousness on the basis of mass culture, which leads to the dehumanization of culture, and in the future to transhumanism and the crisis of civilization.

Keywords: globalization, culture, nation-civilization, new technological order, sovereign statehood, transformation of civilization.

Трезвомыслящие люди ныне осознают: события, начавшиеся весной 2020 г., обозначили реальный перелом эпох. Об этом вслух высказываются как ученые, так и крупные политики. Президентом РФ на ежегодном Валдайском форуме уже осенью 2020 г. было отмечено, что переживаемая ныне пандемия коронавируса может послужить своеобразной точкой отсчета для переоценки приоритетов и переосмысления целей, для трансформации цивилизации [5].

Еще в конце XX в. говорили о начале перехода к новому технологическому укладу. Но советские руководители не способны были по уровню своей социально-философской подготовленности (точнее, неподготовленности) слышать такие предупреждения и продолжали мыслить застаревшими категориями противопоставления капиталистической и коммунистической формаций. Готовившийся к перестройке советского общества Юрий Андропов лучшее, что мог придумать — начать готовить молодые кадры для конвергенции, т. е., для «рыночного социализма». Недалеко от него в оценке путей развития мирового сообщества ушли его преемники. И никто не понимал абсолютно новых реалий — научно-технических и социокультурных: быстрыми темпами параллельно шли два процесса — автоматизация производства (материальный, технологический перелом) и информатизация общества (социокультурный перелом). Хотя марксизм — официальная советская доктрина — учил о грядущем высвобождении человека от рутинного производственного процесса и его полном погружении в творческое саморазвитие.

И вот мы подошли именно к такому уровню развития производительных сил, когда людям могут быть полностью обеспечены разумные материальные потребности. Новый технологический уклад открывает реальную перспективу освобождения человека от рутинного производственного процесса (при автоматизации

производства), оставляя освободившееся время для творческого развития личности. Как же складывается ситуация?

Во-первых, хозяевами социальных и природно-экономических ресурсов высвобождение человека от рутинного производственного процесса вовсе не видится как благоприятное условие для его творческого саморазвития, не подразумевается вкладывание ресурсов для создания творческой, образовательной среды. Ситуация осознается по-иному: появление немалого излишка потерявших актуальность рабочих рук. О таком мировосприятии писал Александр Панарин в 1990-е годы, обозначив его как девиз современного лжелиберализма, оторвавшегося от аскетично-волевых установок классического либерализма и духовных корней идей свободы: *максимум притязаний при минимальных усилиях*. Если раньше «главным ресурсом цивилизации теория прогресса признавала творческую способность человека», то ныне «акцент сместился в духе пассивного экономического потребительства. ... Человек уже — не творец, а потребитель. А поскольку планетарные ресурсы признаны раз и навсегда ограниченными, то дальнейшая человеческая история стала мыслиться как безжалостная конкуренция потребителей» [4, 1094]. А новый технологический уклад — с его автоматизацией, искусственным интеллектом, биотехнологиями — и вовсе требует абсолютного минимума рабочих рук, что у держателей ресурсов порождает соблазн «экологического перенапряжения/перенаселения Земли».

Во-вторых, за последний век глобальная социокультурная атмосфера формировалась двумя течениями:

- смешением высокого искусства с «балаганом», рождением массовой культуры (вне понятий высоких образцов творчества);
- радикальным снижением духовно-нравственных отношений на всех уровнях жизни — от семейно-бытовых (разрушение семейных устоев, понимание гендерной взаимодополняемости) до государственно-политических (на вершину власти взбирались всё менее ответственно мыслящие демагоги, не склонные к формированию стратегии величественных целей).

Да, весь XX век свершались провокации планетарного масштаба: бессмысленные войны и революции с огромными человеческими жертвами, с иллюстрированием того, как человеческая

личность раздавливается машиной жестоких обстоятельств. Но жестокие обстоятельства были и раньше — в форме эпидемий, подобных чумной, продолжительных войн, нашествием орд переселяющихся народов. В XX в. появляется иная «машина» — новые средства передвижения, позволяющие перебрасывать массы населения по ойкумене, и новые средства информационного воздействия. Именно с этими техническими достижениями связано появление массовой культуры: перемешиваемые многонациональные массы отрывались от локальных творческих полей и предоставлялись в распоряжение творцов нового искусства — без элитарного отбора образцов, вне традиционных форм, мелосов, моральных установок. Причем процесс перемешивания масс и усиления массмедиа ускорялся с невероятной силой и к рубежу XX—XXI веков достиг невероятных возможностей. Сегодняшние информационные технологии уже позволяют с легкостью манипулировать массовым сознанием. При этом на смену национально-государственным системам формирования сознания масс — воспитанию в семейных условиях, школьному и профессиональному образованию, поддержке великих творцов национальной культуры — пришли иные силы, не имеющие к традиционным общественным и культурным устоям никакого отношения. Произошел процесс глобализации капитала, его отрыв от национальной почвы. С этим напрямую связан процесс интернационализации массовой культуры.

Эпоха 2020 — логическое завершение процессов последних десятилетий, с их разрушением солидарности, национальной идентичности, антикультурного разгула массмедиа. И все эти процессы идут не снизу, не от народных толщ, не от прирожденных национальных художников, но от тех, кто прозвал себя новой элитой. Именно о предательстве национальных интересов писали еще Макс Нордау и О. Шпенглер, определяя вырождение элит и закат Европы; а также А. Панарин — указывая на размывание солидарного чувства у оторванных от национальных и духовных корней политических манипуляторов. Обладая огромными властными и технологическими возможностями, манипулируя финансовыми процессами, они в мгновение ока могут устраивать катаклизмы в различных общественных сферах, влиять на внутригосударственные процессы. Все социальные, культурные, научно-технические достижения предыдущих поколений оказываются у людей,

незаинтересованных в творческом раскрытии своих народов, реализации своих организаторских талантов на общее благо.

Опыт десятилетий с середины XX в. ярко раскрывает тенденцию не только упадка культуры, замены высокой культуры «эстрадным балаганом» массовой культуры, постепенное внедрение на место музыки — какофонии, на место живописи — инсталляций, на место литературы — постмодернистского бессмысленного бреда. Как следствие — дегуманизация общества и распад человека как творческой личности, следующая ступень — трансгуманизм. Опыт последних десятилетий, включая и начало XXI в., показал: эти процессы не являются спонтанными, но формируются транснациональными силами с целью унификации потребительского спроса и опрощения запросов потребителя. Явившаяся в начале XX в. борьба идеологий постепенно переросла в борьбу «мягкой силы». На поле битв «мягкой силы» были втянуты оба социально-идеологических полюса — капиталистический и социалистический: с противоположных сторон шло рекламирование преимуществ потребительского общества, всё в меньшей степени затрагивались проблемы нравственности, духовности, культуры. И когда победил более гуманный капиталистический образец потребительского общества — наиболее притягательный для рядового потребителя естественных материальных благ, обе стороны идеологии потребительства некогда враждовавших лагерей резко изменили курс и перешли к идеологическому развенчанию человека как личности. К процессам духовно-нравственного опрощения подключили процесс трансгуманизма — развенчание человеческого образа как такового, отсюда — узаконение трансгендерных извращений, панк-мода во всех ее модификациях, полная замена искусства духовно-нравственного катарсиса процессом растления личности. Теряя духовную личность в себе, человек не видит таковой и в иных, потому происходит атомизация общества, его распад для конструирования иных социальных реалий в интересах определенных силовых центров (финансово-экономических, в чьем полном распоряжении оказываются массмедиа и реальные силовые структуры). Теряет скрепляющие свойства солидарности творческий организм наций-цивилизаций в целом.

Обратите внимание: вся политическая сфера заполнена рассуждениями об экономике (индивидуального потребительства); вопросы творческого саморазвития человека как личности давно

ушли из политической сферы и не провозглашаются даже в государственной культурной политике. А ведь изначально всякое общественное объединение и действие имело целью создание условий для развития полноценной личности. Об этом рассуждали античные мыслители, эти идеалы защищали древние и средневековые лидеры обществ. Конечно, лишь небольшая часть могла в полной мере приобщиться к образованию и высокой культуре, но именно эта аристократическая часть и задавала общий тон своему обществу — нации, государству. Культура — это не только театр, музыка, живопись — искусство в широком смысле, это вся сфера жизнедеятельности. Чтобы понимать сущность культуры, надо говорить о социокультурной сфере в целом — от быта, семьи до всех форм художественного творчества; о науке, праве, государственности. Государственная культурная политика — это всеохватная сфера воспитания полноценной личности, и ее целям должны быть подчинены политика и экономика, государство как таковое. Смысл государства — в обеспечении будущего национального организма. Все системы государства — социальная, медицинская, образовательная — прикладные именно для задачи взращивания творческой личности в окружении здоровой нации.

И что мы наблюдаем сегодня? Происходящие на наших глазах процессы прямо противоположны основной задаче государства как такового. Разрушение образовательной, научной и медицинской сфер — прямое следствие именно такой государственной политики. Напомню, как в сравнительно благоприятных условиях прозвучали перестроечные лозунги: достойная жизнь выше сытости, свобода — колбасы. При этом широкие народные массы привлекали именно идеями создания благоприятной потребительской ситуации, а не только широкими свободами. Каковы результаты? Нынешний уровень качества продовольствия поражает своим низким качеством, и при этом идет резкое ограничение свободы слова, свободы передвижения, устраняется возможность воздействия гражданина на властные структуры, как будто чиновная часть общества стала каким-то коллективным барином, властвующим крепостными холопами. Глобальная тенденция ущемления личных прав под видом борьбы с «болезненным поветрием» ясно показывает, что транснациональная элита осознала: новый технологический уклад позволяет создавать новые условия их жизнеобеспечения. Отсюда — политика упадка образования и культуры,

ибо элита уже не заинтересована в рабочей силе, освобожденные из производственной сферы люди стали осознаваться конкурентами на поле освоения материальных ресурсов. Именно об этом предупреждал Александр Панарин, когда указывал на грядущую эпоху рукотворного стратегического хаоса в XXI в.: разделение общества на атомизированные растлеваемые массы и группировки властных творцов нестабильности, манипулирующих уже неспособной к солидарной самоорганизации толпе, созданной на месте народов-творцов, коллективных личностей. Бывший директор музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина Ирина Антонова сетовала: элиты игнорируют культуру. Они не просто игнорируют ее, они перемещают ресурсы из творческих мастерских наций в профанируемую массовую культуру, балаган страстей. Когда профессор Московского университета влачит нищенское существование, получая зарплату в несколько тысяч раз меньшую, чем доходы какого-нибудь эстрадного паяца «тимати-баклажана», это уже не ошибки культурной и образовательной политики, это — стратегия. В связи с этим вспоминаются слова Льва Гумилёва о субпассионариях, почивающих на достижениях, предшествующих героических, творческих поколений и уничтожающих всякую творческую личность в своем окружении [1]. Ж. Бодрийяром было сказано, что век чиновников — век культуры смерти. Складывается впечатление, что мы уже живем в век чиновников, формирующих культуру смерти, и это не может быть ничем иным, как увертюрой к планетарной творческой катастрофе — закату культуры катарсиса, закату творческой личности. Как здесь уже было сказано, формируется общество с обратным смыслом всех социокультурных понятий: идеалы гармонии — единство истины, добра, красоты, вытесняются обратными понятиями — отсутствием единой онтологической истины, равенством добра и зла, разложением структурных основ мироздания до состояния хаоса. А это и есть закат культуры, который подразумевает смерть творческой личности.

Вспомним размышления испанского мыслителя, сказанные им в годы, когда в России и Италии возникли режимы, превозносящие силу и смысл государства в противовес религии и гражданскому обществу: «Масса говорит: “Государство — это я”, — и жестоко ошибается. Современное государство и массу роднят лишь их безликость и безымянность. Но массовый человек уве-

рен, что он-то и есть государство, и не упустит случая под любым предлогом двинуть рычаги, чтобы раздавить какое бы то ни было творческое меньшинство, которое раздражает его всегда и всюду, будь то политика, наука или производство. Кончится это плачевно. Государство окончательно удушит всякую социальную самодеятельность, и никакие новые семена уже не взойдут. Общество вынудят жить для государства, человека — для государственной машины» [3, 113–114].

Именно вековое государственное подавление личной и общественной инициативы подготовило Россию к положению, когда в ней не оказалось ни гражданского общества, ни понятия гражданственности в широких слоях населения. Россия оказалась придавлена далеко не национальным государством. Государство, смысл которого в служении нации и личности, стало служить самому себе и всей своей мощью принуждать общество и личность служить ему. Механизм стал править духом, как и было сказано: «Общество вынудят жить для государства, человека — для государственной машины», и ныне эта «культура являет свое бессилие и переживает свое крушение» [3, 114; 2, 384].

Конечно, можно было бы согласиться с экс-сенатором Валерием Расторгуевым, что миссия России — неучастие в геополитике закладывания мин мирового хаоса. Но пока приходится сдерживать свой оптимизм. Можно наблюдать, как пропаганда местных акторов нестабильности пытается переложить ответственность за современные проблемы на XX век, при этом с невероятным ускорением формируется Новый Мировой Порядок, заточенный под корыстные интересы тотального владения ресурсами «избранной расой». Конечно, российская элита может кивать на то, что в 1917 г. большевики уничтожали ведущий социокультурный слой физически, но ныне научная и творческая элита уничтожается нищетой и вынужденной эмиграцией молодых специалистов. Затормозившаяся с середины 1930-х годов советская пролетаризация ныне возобновилась и идет ускоренным темпом. При этом под лозунги об укреплении порядка ради никому не раскрываемых целей и стратегии в живой организм нации вбивается кол вертикали власти и убивает всякую свободу творчества, социальной реализации личности. По словам Алексея Лосева, высшая форма идеи — личность. Вне свободы нет личности, а значит и творчества, культуры, жизни. Так ради

чего вбивается этот властный кол, когда наука и культура, то есть живые силы нации, изнемогают?

Профессор Александр Казин в своем докладе задал конференции движение в религиозно-онтологической парадигме, с чем я полностью согласен, ибо вне духовно-религиозного сознания нет возможности определиться с базовыми понятиями Бытия, со смыслами человеческого существования. Глобальные события 2020 г. облегчили путь мыслящему человеку к онтологическому пониманию нестабильности земного бытия. Привычный мир обрушился в момент — непривычный начался с общего напряжения и страха, должен закончиться строительством Нового Мирового Порядка с всеохватной манипуляцией человеческим сознанием, маргинализацией свободного культуротворческого процесса.

Закончу экстрактом вопроса — ответа: почему «закат культуры»? Потому что нынешнему ведущему социально-политическому классу культура не нужна. Обращаю внимание: обычно я говорю о ведущем социокультурном слое нации. Но хозяева современного глобального политического дискурса далеки от творческого понимания жизни, а значит и культуры. Вот где закат культуры: хозяева политического дискурса на место культуры поместили балаган развлечений, на место творческого развития — щекотание низменных чувств-страстей. Им не нужно то, к чему стремилось человечество на протяжении всей своей сознательной истории — Гармонизации Мира. Их не интересует Истина, они не поощряют творение Красоты в искусстве, у них нет совестливого соучастия в делах ближнего для творения Добра. Но общество всегда и везде было ведомо своим классом вождей. Раньше он (при всем экономическом эгоизме) был социокультурным слоем нации, ибо творил культуру своей нации, тем самым созидавая ее исторический путь. Теряя пассионарный творческий заряд, переставая быть социокультурным слоем, они превращаются в социально-политический класс хозяев ресурсов и власти безо всякого солидарного чувства по отношению к нациям, ибо оторвались от всякой культуры в шуме балаганных вихрей поп-культуры. Не будучи сами людьми великой культуры и духа, они направляют все свои властные усилия — политические, информационные, экономические — на понижение творческого потенциала общества, опасливо видя в нем конкурента своей безликости и серости. Так, загоняя культуру и науку в подполье, они де-факто осуществляют

деградацию общества и крушение цивилизации. Цивилизация без культуры и науки — это мертвая оболочка уже умершего, но двигающегося по инерции некогда творческого сообщества народов. Субпассионарии, по мысли Льва Гумилёва, тихой сапой приватизировав социальные вершины, паразитируют на памяти о творческих достижениях своих пассионарных предков и с победными маршами профанируют у истощаемых народов патриотические чувства. Но достигший наивысшего пика эгоизм субпассионариев не дает народам ни творческой идеи, ни пассионарного толчка, ни воли к развитию.

В создаваемом ныне Новом Мировом Порядке (с безусловным базовым доходом каждому, но без социальных, экономических лифтов) у владельцев природных и социальных ресурсов нет заинтересованности (кроме моральной, но мораль здесь ни при чем) в созидании гармоничного общества равных возможностей, все идет к тому, чтобы лишить человека стимулов к профессиональному, культурному, духовному росту. Но при таком течении жизни стимулы к творчеству исчезнут и у самих владельцев ресурсов. Вот почему это путь к закату культуры, а значит и цивилизации.

Обрадованная технологическими достижениями и властными полномочиями субпассионарная элита почивает на лаврах своего всевластья и обладания безграничными ресурсами, проеданием того, что своим творчеством создали многие поколения предшествующих пассионариев. Как только прекращается тяга к саморазвитию, прекращается личное творчество, из общественного пространства выпадут этика и эстетика, — наступит конец истории. Конец культуры это и есть истинный конец истории, о котором заявлял Фрэнсис Фукуяма (правда, подразумевая под концом совершенно иное).

И всё же будем оптимистами: у России как нации-цивилизации в условиях такого глобального проекта есть некие преимущества. Прежде всего, это высокий болевой порог, что показала не только история XX века, но и последнее 30-летие терзания и обескровливания безудержными «реформами» национального организма. При высоком уровне исторической памяти и идеалов народа эта выносливость дает шанс его отклика на исторический вызов, но при условии, что для преодоления эпохи обскурации в новых поколениях окажется достаточно сильный отряд новых пассионариев, способных освоить государственную машину. Го-

сударство — это орган национальной солидарности, оберегающий народное духовное и телесное здоровье, созидающий культуру духовно-нравственного катарсиса. Тенденция глобалистских процессов — разрушить эти государственные функции, тем самым подорвать культуру духовно-нравственного катарсиса наций, осуществить «закат культуры». Исходя из понимания этого противоборства, должна быть выработана культура воспитания творческой личности: «человек будущей культуры должен снова возлюбить духовную свободу, предаться живой сердечной добротой» [2. 386]. Иначе «закат культуры», если не в глобальном масштабе, то уж точно в отдельно взятых нациях-цивилизациях неизбежен. Путь жизни один — воля к непрестанному творческому саморазвитию нации-цивилизации при руководящей силе общенародного государства.

Литература

1. *Гумилёв Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. — СПб., 1992.
2. *Ильин И. А.* Путь к очевидности // *Ильин И. А.* Собр. соч. : в 10 т. — Т. 3. — М., 1994.
3. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. Глава XIII. Государство как высшая угроза // *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. — М., 2002.
4. *Панарин А. С.* Стратегическая нестабильность в XXI веке // *Панарин А. С.* Православная цивилизация. — М., 2014.
5. *Путин В. В.* Выступление // XVII ежегодное заседание дискуссионного клуба «Валдай»: «Уроки пандемии и новая повестка: как превратить мировой кризис в возможность для мира». 22 октября 2020 г. Московская область, Ново-Огарёво / Официальный сайт Президента Российской Федерации. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/64261> (дата обращения: 26.01.2022).

Широкалова Галина Сергеевна

*доктор социологических наук, профессор,
старший научный сотрудник Приволжского
филиала ФНИСЦ РАН, ведущий научный сотрудник
Международной междисциплинарной
научно-исследовательской лаборатории изучения мировых
и региональных социальных процессов НГЛУ
имени Н.А.Добролюбова, shirokalova@list.ru*

ЧЕЙ ПЕПЕЛ «СТУЧИТ В СЕРДЦЕ»?

Аннотация. В статье анализируются причины формирования дисфункций исторической памяти о Великой Отечественной войне. Доказывается, что законодательные акты, ограничивающие создание/распространение исторических фейков, неспособны предотвратить полифонию представлений о прошлом. Внутренняя и внешняя политика государства/государств, опрокинутая в прошлое, дает вариативность трактовок даже документально зафиксированных фактов. История пишется победителями, но как талантливо она ни была бы написана, общественное мнение корректирует ее в зависимости от степени доверия к власти.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, историческая память, патриотизм, гибридная война, диссиденты, студенты.

Shirokalova Galina Sergeevna

*Doctor of Social Sciences, Professor,
Senior Researcher of the Privolzhsky Branch
of the Federal Scientific Research Center of the Russian Academy
of Sciences, Leading Researcher of the International
Interdisciplinary Research Laboratory for the Study
of World and Regional Social Processes of the N. A. Dobrolyubov NGLU*

WHOSE ASH IS “BEATING IN YOUR HEART”?

Abstract. The article analyzes the reasons for the formation of dysfunctions in the historical memory of the Great Patriotic War. It is proved that legislative acts restricting the creation / distribution of historical fakes are not able to prevent the polyphony of ideas about the past. The domestic and foreign policy of the state / states, overturned

into the past, gives variability in the interpretation of even documented facts. History is written by winners, but no matter how talented it would be, public opinion corrects it depending on the degree of trust in the authorities

Keywords: *the Great Patriotic War, historical memory, patriotism, hybrid war, dissidents, students.*

При подготовке 75-летия Победы было много сделано для актуализации исторической памяти. Прежде всего, речь идет о правительственных документах, которые силой законодательных актов повернули администрации всех уровней на разработку и финансирование программ по патриотическому воспитанию. Первые документы такого направления были приняты еще в начале 2000-х годов и постоянно актуализировались. Но наиболее юридически сильным было принятие поправок в Конституцию РФ в 2020 г. Согласно ст. 67.1, «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается», а дети воспитываются в духе патриотизма. Принятие поправок сопровождалось дополнительными законодательными инициативами. Среди них ужесточение наказания (автор законопроекта И. Яровая) за реабилитацию нацизма в СМИ и интернете: за отрицание приговора Нюрнбергского трибунала и распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны введен штраф от 100 до 500 тыс. руб. или дохода осужденного за период до трех лет, либо принудительные работы на срок до 5 лет, либо лишение свободы на 5 лет с запретом занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 3 лет. Юрлицам — штраф от 1,5 до 3 млн рублей с конфискацией предмета правонарушения [17].

Но кто будет определять критерии «заведомо ложных сведений» о деятельности Союза Советских Социалистических Республик в годы Второй мировой войны? Как отличить «заведомые» от «не заведомых»? Зависит ли наказание от статуса оскорбившего субъекта? Приведем конкретный пример: 8 сентября 2006 г., выступая в Госдуме, В. В. Жириновский подверг сомнению итоги Великой Отечественной войны. В частности, он сказал, что «если бы немцам давали столько же водки, сколько и нашим, то неизвестно,

кто бы победил (в войне)». Комитет по делам ветеранов инициировал протокольное поручение думской комиссии по мандатным вопросам. Возможное наказание было ничтожным: лишение права на выступления в течение месяца, но не для Жириновского. 15 сентября он принес извинения участникам Великой Отечественной войны, заявив, «что никакой водки нашим солдатам не давали, не было соответствующего приказа наркома Ворошилова и главкома Сталина. Несколько гекалитров водки выпила другая армия, мы победили потому, что у нас был самый передовой общественный строй. <...> Это была великая победа» [4]. Форма извинения была ернической, да и Сталин был не главнокомандующим, а Верховным Главнокомандующим.

Закон обратной силы не имеет, да и В. В. Жириновский сейчас произносит иные речи: «Такой героизм, мужество не мог проявить ни один солдат в мире... У меня четыре родственника воевали» [5]. Но когда они соответствовали его убеждениям: в 2006 или в 2020 г.? А если «ветер политики» изменится вновь?

Историю в большей степени по сравнению с другими общественными науками можно назвать политикой, опрокинутой в прошлое. Стоило вырасти новому поколению, родившемуся после Второй мировой войны, как на Западе в 1960–1970-х годах стала отрабатываться версия, что СССР и Германия одинаково виноваты в ее развязывании.

Часто СССР характеризуют как страну «за железным занавесом», но «новое прочтение» истории распространялось и в СССР. В 1966 г. Уголовный кодекс РСФСР был дополнен статьей 190-1 «Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй»: «Систематическое распространение в устной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно изготовление или распространение в письменной, печатной или иной форме произведений такого же содержания. Наказывается лишением свободы на срок до трех лет, или исправительными работами на срок до одного года, или штрафом до ста рублей». Аналогичные статьи появились и в уголовных кодексах других союзных республик.

Остановило ли это «брожение умов»? В своих воспоминаниях В. И. Новодворская рассказывает, что разговоры со школьным словесником сформировали в ней убеждение в необходимости бо-

роться со страной (не властью в стране! Новодворская хорошо владела словом, так что это не ее описка. — Г.Ш.), в которой она родилась: «Услышала, что живу в такой страшной стране, что если бы на нее упала атомная бомба и убила нас всех, но уничтожила и строй, это был бы желанный выход» [9, 22]. Уже в последние годы своей жизни она повторит эти слова: «Если бы США напали на Россию, для нас это было бы хорошо. Для России лучше быть штатом США» [17]. Многие из этих фраз были позаимствованы интеллигенцией из классической русской литературы. В «Братьях Карамазовых» Ф. М. Достоевского Смердяков говорит: «Я всю Россию ненавижу. <...> В двенадцатом году было на Россию великое нашествие императора Наполеона французского первого, отца нынешнему, и хорошо, кабы нас тогда покорили эти самые французы: умная нация покорила бы весьма глупую-с и присоединила к себе» [3]. Для не читавших такая позиция была откровением, читавших заставляла задуматься о причинах живучести.

С конца 1980-х годов эта точка зрения в разных вариантах стала обсуждаться/пропагандироваться и в официальных СМИ. Помню, как популярный телеведущий В. Н. Листьев в одной из телепередач после многочасового полета во Владивосток заявил: «Зачем нам такая большая страна?»

14 мая 1990 г. в СССР был подписан закон № 1478-1 «О защите чести и достоинства Президента СССР», согласно которому «публичное оскорбление Президента СССР или клевета в отношении его наказываются штрафом до трех тысяч рублей или исправительными работами на срок до двух лет, или лишением свободы на срок до трех лет. Те же действия, совершенные с использованием печати или иных средств массовой информации, наказываются исправительными работами на срок до двух лет или лишением свободы на срок до шести лет. На средство массовой информации, опубликовавшее материал, оскорбляющий Президента СССР или содержащий в его адрес клевету, налагается по решению суда штраф в размере до двадцати пяти тысяч рублей. Деятельность средства массовой информации, повторно распространившего материалы, оскорбляющие Президента СССР или содержащие клевету в отношении его, может быть прекращена по решению суда» [6]. Каков подтекст закона в «эпоху гласности» — сохранение единства общества, а не защита конкретного человека?

Показательна реакция на него в диссидентских кругах. Новодворская писала: «Закон об оскорблении величия вынудил нас заняться Президентом поподробнее. Он сам напросился. Дабы протестовать против этого закона, нужно было анализировать объект. <...> Травить генсеков дело приятное и общественно полезное. Я оскорбляла Горбачева в прозе и в стихах, утром, вечером и на сон грядущий. <...> Я побила все рекорды по количеству уголовных дел, возбужденных почти синхронно и по одному поводу» [9, с. 233, 236].

Пример не случаен: «диссиденты перестали быть штучным товаром», страну подмял «каток исторического негативизма», хотя в диссидентов и либерально заточенные СМИ не было еще такого финансового вливания, как сейчас. Влияние новых медиа на формирование общественного мнения, исторической памяти почти не изучалось. (Медийная память как самостоятельный феномен начала исследоваться только в начале 2000-х годов.) О стремительности распространения антигосударственных идей свидетельствует И. М. Фрадкин. «Голосом улицы» он назвал фразы о Великой Отечественной войне типа: «Надо было сдать, и жили бы сейчас...» и т. д., охарактеризовав эту тенденцию очень тревожной, поскольку речь идет не только «о молодых людях, войны не помнящих», то есть о невинно заблуждающихся из-за малости своего жизненного опыта, но и о вполне великовозрастной фашиствующей бесовщине, выступающей все более открыто и не встречающей должного отпора» [18, 5].

Изменение исторической памяти закономерно. Коммуникативная историческая память жива, пока живо поколение участников [20, 145–153], а в дальнейшем всегда формируется нужный властям предрержающим исторический миф, который определяет скрепы самоидентификации следующих поколений либо с прошлым, либо с настоящим, либо с будущим. Почему миф? Потому что всегда происходит отбор событий для передачи информации о них следующим поколениям, который игнорирует частности, к которым относятся и факты, и причинно-следственные связи. Открытие архивов дает новую волну исследований. Акценты меняются местами. Это естественный процесс, но для сохранения стабильности и единства общества информация дополняет одну систему координат, для его разрушения — другую.

Но почему так быстро изменилось общественное сознание? Это проблема не данной статьи, но одно обстоятельство точно подметила Новодворская: «Я была законченной большевичкой, а так называемая застойная действительность — сытая, вялая, более частная, чем общественная тяготела к Западу гораздо больше, чем я. <...> СССР проиграл Западу в своей «холодной войне», и не в силу отставания по количеству мяса, яиц, молока и баллистических ракет на душу населения» — а в силу человеческой природы». И там же: «Окружающие решительно отказывались меня понимать. Они думали о зарплате, о новой мебели, о коврах, в крайнем случае, о науке» [9, 12; 9, 15].

Аналогичного мнения придерживается Л. Г. Ивашов: «Как его (СССР. — *Г.Ш.*) разрушали, что ставили в основу? Этой военной операции уже треть века, а ее у нас до сих пор не изучили и планов противодействия повторению не составили. Я уже говорил, немного утрируя, что Советский Союз проиграл не в области науки или промышленности, технологий, образования. Он проиграл на рынке джинсов, жвачек и колбасы. На теорию социального программирования в 1966 году, за которую даже дали Нобелевскую премию, у нас не обратили внимания. А она объясняла, как перестроить сознание людей, отвлечь внимание от космоса, от великих научных и промышленных целей на потребительское сознание. Мы променяли небо на холодильник [7].

После провозглашения В. В. Путиным патриотизма как национальной идеи была изменена информационная политика о Второй мировой и Великой Отечественной войнах, но противоположные оценки ключевых событий сохранились в различных СМИ. Сложность информационного поля и характеристики собственного социального опыта дают существенный разброс мнений и формируют реакцию на законодательные акты, регламентирующие идеологическую сферу. Приведем пример недавней истории.

За три десятка лет было немало живших/живущих в одном из вариантов парадигмы, точно высказанной той же Новодворской: «После настоящего Международного суда компартию и нацистские организации (ФНС (Фронт национального спасения. — *Г.Ш.*), «Память», РОС (Российский общенародный союз. — *Г.Ш.*), разные там Соборы) придется запретить (только в плане участия в выборах, не более того). Остальное довершит люстрация. Соппротивление фундаменталистов и люмпенов на

этом не прекратится, но оно обретет уголовные формы и его можно будет подавить» [9, 316]. «Мы здесь не на цивилизованном Западе, мы блуждаем в хищной мгле. И очень важно научиться стрелять первым, убивать, пока тебя не убили» [9, 427]. «Если для того, чтобы стереть с лица земли коммунистов, фашистов и империалистов, нужно стереть с лица земли эту страну вместе со всем населением, — мы не дрогнем и благословим собственную гибель» [9, 431].

Насколько оказалась готовой к такому повороту событий наука? Во-первых, она оказалась теоретически неподготовленной к ведению психологической войны, а тем более гибридной. В публикациях ИСИ АН СССР второй половины 1980-х гг. авторы пишут о необходимости изучения проявлений общественного мнения не только в оценочных суждениях людей о труде, политике, досуге, но и их действий, поведения, практической деятельности, причем чаще всего ограничиваются социальными группами молодежи, трудовых коллективов промышленных предприятий [1]. Одновременно, например, В. Г. Бритвин признает, что «множество явлений, фактов, сторон действительности, которые становятся объектом общественного мнения, одновременно прямо затрагивают потребности, мотивационную структуру личности и оказывают сильное воздействие на людей». Автор выделяет два недостатка подхода к общественному мнению: «отрыв идеологической, идейно-воспитательной работы от действительности, подмена правды жизни лишенными реального содержания построениями» и преувеличение роли пережитков прошлого при объяснении недостатков общества [2, 14; 2, 15]. Под сомнение ставятся принципы предыдущей работы с общественным мнением, но этим все и ограничивается. Методологически все правильно, но почему это не воплотилось в методике десятки лет назад? В чем причина запоздалости? В том, что нет «крепостных», которые обеспечили бы существование семьи в случае утраты работы? В том, что сами были в плену убаюкивающей стабильности? Помню разговор с одним из научных сотрудников ИСИ: «Какая война? Да кому мы на Западе нужны?»

Политическая наивность была присуща не всем. Анализируя события с послевоенного времени до конца девяностых годов, В. А. Лисичкин, Л. А. Шелепин издают монографию «Третья мировая информационно-психологическая война». Выберем лишь

одно актуальное для сегодняшнего дня замечание: «Вторая стратегическая задача США — удар по странам с менталитетом сопротивления. <...> К ним относятся Белоруссия, Югославия, Иран... В настоящее время поражает размах антибелорусской кампании, организуемой США. Белоруссия прикрывает Россию от появления НАТО на дальних подступах к Москве, но ОРТ и другие каналы телевидения РФ обрушили волн ненависти, представляя руководство Белоруссии как главного врага России. Буквально по любому поводу западные государства развертывают одну за другой антибелорусские кампании, откладывая, например, ее принятие в Совет Европы, одновременно открыто поддерживая расизм в Латвии и Эстонии» [8, 284].

В РФ в 2019 г. знаковым стал Федеральный закон от 18.03.2019 г. № 31-ФЗ «О внесении изменений в статью 15.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» об административном наказании за создание и распространение в информационных сетевых изданиях фейков. Обсуждение его не было простым: информацию об этом можно прочитать на сайте Госдумы [10]. Он не имеет обратной силы, иначе многие фейки, запущенные властью о политических оппонентах, пришлось бы удалять или приносить за них извинения, да и наоборот.

Набросав эскиз причин изменения исторического сознания россиян, ответим на вопрос, как отразилась поливариативность оценок Второй мировой и Великой Отечественной войн в памяти детей/правнуков «поколения победителей»? Ответить на него в общих чертах позволяет четвертое исследование исторической памяти студенчества (10 065 чел.) Подробная характеристика всех этапов исследования, проведенного Российским обществом социологов в 2020 г., представлена в коллективной монографии [12]. Сложность информационного поля и отсутствие собственного социального опыта дают существенный разброс мнений. Приведем некоторые результаты, которые свидетельствуют, что информация о Второй мировой войне откорректирована за последние десятилетия очень существенно, и разный пепел «стучит в сердца» молодежи. Естественно, что позиции респондентов в определенной степени зависят от таких объективных показателей, как место жительства и пол, хотя все живут в едином информационном пространстве, но все эти факторы незначительно

вливают на соотношение распределений [19, 28–37]. Представим их в *таблице 1*.

Таблица 1

**СЕГОДНЯ ЕСТЬ МНОГО МНЕНИЙ О СОБЫТИЯХ
СВЯЗАННЫХ СО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНОЙ.
КАКИЕ ВЫ РАЗДЕЛЯЕТЕ, % от опрошенных**

Мнения	Отвергаю	Спорно, но обсуждаемо	Можно согласиться
В войне виновны и Германия, и СССР	40,1	43,9	16,1
Нападение Германии на СССР 22 июня 1941 года НЕ было неожиданным	30,1	35,6	34,2
Помощь фашистам («Лесные братья», бандеровцы и т. д.) можно оправдать борьбой против советского строя (сталинизма) за независимость Украины, стран Прибалтики и др.	38,8	45,8	15,4
Освобождение Прибалтики, Восточной Европы в 1944–1945 гг. было оккупацией	35,8	50,8	13,4
Осквернение могил и снесение памятников советским воинам и полководцам в ряде стран — это декоммунизация (борьба с наследием СССР)	37,6	30,0	32,4

Наглядно видно, что по многим вопросам, брошенным в информационное пространство за последние 35 лет, мнения существенно разнятся и между респондентами, и между поколениями. Оценивая значение соотношения распределения ответов, напомним, что историческое сознание и историческая память это «один из феноменов социокультурной регуляции поведения индивидов и коллективов, социальных групп, страт и сословий, этносов и общества в целом. Власть, эффективно осуществляющая такую регуляцию, обеспечивает нормальное функционирование социума и свое воспроизводство. Власть, не справляющаяся с решением этой задачи, погружает общество и государство в хаос, уступая свое место контрэлите» [16, 29].

Таблица 2

**В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ В СТРАНАХ ЗАПАДА
СНОСЯТ ПАМЯТНИКИ СОВЕТСКИМ ВОИНАМ.
КАК ДОЛЖНА РЕАГИРОВАТЬ НА ЭТО РОССИЯ?**

Значения	% от опрошенных
Эти страны суверенны и вольны поступать так, как считают правильным. Россия не должна вмешиваться	48,1
Нужно сокращать сотрудничество с этими странами	22,8
За последние годы открыты архивы, стали известны многие факты, которые заставили пересмотреть роль СССР во Второй мировой войне и в послевоенное время	11,1
Мне лично все равно	7,6
Это расплата за ошибки СССР в послевоенное время	5,4
Другое	4,5
Затрудняюсь ответить	0,3
Не знаю	0,2
Никак	0,1

Налицо отчуждение не только от государства, а от страны с ее прошлым, настоящим и будущим. И как результат — ответы на вопрос: «После получения образования вы планируете жить и работать в России или постараетесь уехать за рубеж?». 33,9% выбрали вариант «Все зависит от того, где предложат хорошую работу», 11,5% — «За рубежом», затруднились с ответом 12,9%, Россию выбрали 41,7%. Можно рассуждать о моральных качествах, планирующих отъезд, но вместо этого заметим: на столь кардинальные перемены способна наиболее талантливая часть общества.

Анализируя ответы студентов, с неизбежностью выходишь на проблемы, «которые необходимо анализировать и обсуждать в рамках образовательного процесса в контексте патриотического воспитания: феномен патриотизма в современной медиакоммуникативной практике; связи с общественностью и реклама как проводники патриотической идеи; феномен патриотизма в пространстве геополитики; национальный интерес и национальная безопасность; патриотизм как приоритет развития государства

и гражданского общества; отражение патриотической идеи в праве и законодательстве; феномен патриотизма в русской и зарубежной философии; понимание патриотизма в культурно-историческом контексте; патриотизм в контексте национальной экономики, экономической и информационной безопасности» [11, 124].

В связи с задачами, поставленными перед системой образования, идет поиск новых форм работы. К таковым отнесем интересную инициативу гимназии № 209 г. Санкт-Петербурга. Школьникам предложили написать «Письмо в прошлое сверстнику, погибшему во время Великой Отечественной войны». Письма были написаны Зине Портновой, Валерии Гнаровской, Ульяне Громовой, Наде Богдановой, Александру Чекалину, Василию Курке, Вите Хоменко, Вале Котику, Лёне Голикову. Лучшие опубликованы Фондом развития конфликтологии в рамках городской программы «Патриотического воспитания молодежи» на сайте как специальный выпуск к 75-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне [14]¹.

Но насколько воспитательная работа способна сформировать позитивное отношение к настоящему и будущему страны, в которой родилось поколение Z и растет уже следующее поколение, пока не получившее названия? На XIX съезде «Единой России» в ноябре 2020 г. В. В. Путин заявил: «Словоблуды, конъюнктурщики, приставшие к правящему статусу партии, если что, сдадут не только ее, и страну сдадут. Такое было в нашей истории неоднократно, и в том числе в нашей новейшей истории» [13]. Контекст этих слов гораздо шире, чем может показаться на первый взгляд. Как и в 1980-е годы, речь идет о последствиях распространенности в обществе двойной морали, склонности затушевывать реальные проблемы ради комфорта личного существования.

Не секрет, что в общественном мнении понятия «страна», «Родина» все чаще противопоставляются понятию «государство». Приведу цитату из эссе, посвященного феномену патриотизма, студента-заочника: «Я люблю свою страну. В нашей стране можно легко общаться с незнакомым человеком, и никто за это на тебя косо не посмотрит. Еще я люблю свою страну за то, что в разных ее

¹ Не обошлось без казуса: слово «Отечественная» в названии выпуска написано с маленькой буквы, что свидетельствует о подсознательном снижении статуса события.

частях разные убеждения, традиции, обычаи, и это очень интересно. В нашей стране очень много интересных мест. Иное отношение к государству. Свою точку зрения я объясню тем, что наше правительство не дает никаких толчков к развитию промышленности и, соответственно, люди получают зарплату меньше. Государство не хочет производить свои продукты питания, промышленные товары. Государство покупает эти товары в других государствах, соответственно, это отток капитала из страны. А ведь если бы мы сами производили, то эти средства находились бы в стране и улучшали благополучие граждан. Например, возьмем Германию и Россию. После Второй мировой войны у Германии отняли практически все промышленные предприятия, отобрали часть земель. Но спустя 70 лет у них одна из ведущих в мире экономик. У России же ничего не отнимали. У России было 70 лет, чтобы наладить все сферы промышленности, социальные сферы. В итоге мы живем намного хуже Германии.

В Германии пенсионеры на свою пенсию могут позволить себе путешествовать по миру, позволяя себе закупать дорогие вещи. У нас же пенсионеры не знают, как свести концы с концами. Не то, чтобы путешествовать, иногда пенсии не хватает, чтобы купить продукты. Иногда задумываешься, и делается нехорошо от действия наших властей. Я считаю, если человек проработал всю жизнь, то государство в полной мере должно удовлетворить его потребности.

Еще, на мой взгляд, нужно жестче бороться с коррупцией. Я восхищаюсь Китаем, там, если тебя уличили во взятке, сразу расстрел. Нам также нужно бороться с коррупцией».

Выбран типичный текст. Неточности в оценках истории — результат образования и информации СМИ. Автор описывает любовь к Родине через абстрактные понятия — «своя страна», «разнообразие традиций», «легкость общения между незнакомыми людьми», «интересные места»... Но это не те показатели, которые помогают выживать здесь и сейчас. «Нелюбовь» к государству объясняется его неэффективностью, невозможностью удовлетворения на достойном уровне базовых и социальных потребностей. Отсюда следует, что патриотизм — категория классовая. Составленный в соответствии с пирамидой потребностей А. Маслоу тезаурус показателей ставит под сомнение пропагандируемое мнение о возможности «погашения» неудовлетворенности положением

дел в стране актуализацией исторической памяти, героизацией предков. «Бессмертный полк» никого из переехавших на ПМЖ за рубеж не вернул в Россию. Ностальгирующие проводят его в тех странах, куда переехали.

Следует ли из этого, что отчуждение от государства стало социальным фактом для значительной части населения РФ? И если оно распространено в современной России, то не призрачна ли социальная стабильность? К тому же в случае внешней угрозы надо защищать и то, и другое. Вопросы не просты и соотношение ответов дает представление о том, есть ли социальная база у суверенитета России. Историческая народная память, как и условия жизни, формирует проективные установки человека. Патриотизм в годы Великой Отечественной войны имел причиной не абстрактную любовь к *отеческим гробам*, а более высокие социальные статусы, полученные в результате собственных усилий, но не по факту рождения, статусы, которые были недоступны отцам, а тем более матерям. Сегодня, когда идет борьба концептов, когда социальная структура общества выстроена в форме узкой пирамиды, какую вертикальную мобильность способно предложить гражданам России российское государство?

Литература

1. Актуальные проблемы изучения и формирования общественного мнения, его использования в управлении социальными процессами. – М. : ИСИ АН СССР. 1987. – 179 с.
2. Бритвин В.Г. Общественное мнение и ускорение социально-экономического развития общества: поиск новых подходов к изучению // Актуальные проблемы изучения и формирования общественного мнения, его использования в управлении социальными процессами. – М. : ИСИ АН СССР. 1987. – С. 6–21.
3. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. – URL: http://rulibrary.ru/dostoevskiy/bratya_karamazovy/213 (дата обращения: 3.01.2020).
4. Жириновский: всегда будем помнить героев войны! 08.05.2019. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=V8waOBX6Y0M> (дата обращения: 03.01.2020).
5. Жириновский поменял мнение о водке и войне. – URL: <https://www.ntv.ru/novosti/94009/>. 15.09.2006 (дата обращения: 03.01.2020).
6. Закон СССР от 14.05.1990 г. № 1478-1 «О защите чести и достоинства Президента СССР». – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/>

- online. cgi?req=doc& base=ESU&n=3014#07915286958204331 (дата обращения: 05.01.2020).
7. Леонид Ивашов о гибридных технологиях и будущем Белоруссии. – URL: <https://argumenti.ru/society/2020/08/682803>. 18.08.2020 (дата обращения: 03.01.2020).
 8. *Лисичкин В.А., Шелепин Л.А.* Третья мировая информационно-психологическая война. – М. : Институт социально-политических исследований АСН, 2000. – 304 с.
 9. *Новодворская В.И.* Над пропастью во лжи. – М. : Олимп ; ООО «Изд-во АСТ-ЛТД», 1998. – 480 с.
 10. О внесении изменений в статью 15.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (в части уточнения информации, распространение которой в Российской Федерации запрещено). – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/606593-7> (дата обращения: 03.01.2020).
 11. *Савченко И.А., Русакова Н.Г., Горбачев В.В.* Индивидуальное творчество обучающегося как инструмент патриотического воспитания // Феномен патриотизма в трансструктурном коммуникационном поле : сборник материалов Международной научно-практической конференции 11–12 марта 2020 г. / Под. ред. И.А. Савченко ; Нижегород. гос. лингв. ун-т имени Н.А. Добролюбова. – Н. Новгород : НГЛУ, 2020. – 267 с.
 12. Спасибо прадеду за Победу... Материалы IV этапа мониторинга «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне» : коллективная монография / под общ. ред. Ю. Р. Вишневецкого ; Мин-во науки и высшего образования РФ. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2020. – 352 с.
 13. Съезд партии «Единая Россия». – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62105> (дата обращения: 05.01.2020).
 14. Специальный выпуск к 75-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне. – URL: <http://conflictology.ru/index.php/conflictology/issue/view/37/showToc> (дата обращения: 05.01.2020).
 15. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 27.10.2020). – URL: // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/be763c1b6a1402144cabfe17a0e2d602d4bb7598/ (дата обращения: 07.11.2020).
 16. *Устинкин С.В., Морозова Н.М., Семенов Д.В.* Историческая память молодежи как фактор обеспечения стабильности российского государства и общества // Феномен патриотизма в трансструктурном коммуникационном поле : сборник материалов Международной научно-практической конференции 11–12 марта 2020 г. / Под. ред.

- И. А. Савченко; Нижегород. гос. лингв. ун-т имени Н. А. Добролюбова. – Н. Новгород : НГЛУ, 2020. – 267 с.
17. *Фатима Салказанова*. Резонанс для избранных. – URL: <https://rg.ru/2007/02/13/prensa-myunhen.html>. 13.02.2007 (дата обращения: 05.01.2020).
 18. *Фрадкин И.М.* Гитлер: словесный портрет // *Пикер Г.* Застольные разговоры Гитлера / Пер. с нем. И. В. Розанова / Общ. ред., вступит. статья и предисл. И. М. Фрадкина / Худож. А. Авдошко. – Смоленск : Фирма «Русич», 1993. – 496 с.
 19. *Широкалова Г.С.* Историческая память молодежи: село vs город // Социологические исследования. – 2020. – № 9. – С. 28–37.
 20. *Широкалова Г.С.* Коммуникативная память: опыт изучения семейных историй (по материалам социологического практикума в вузе // Социологические исследования. – 2018. – № 5. (409). – С. 145–153.

Научное издание

**РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ,
ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА
И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА**

Сборник материалов научной конференции

Дизайн обложки: *М. Ю. Маяков*

Корректурa: *И. А. Птицын*

Компьютерная верстка: *О. В. Клюшенкова*

Российский научно-исследовательский институт культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачёва
129366, Москва, ул. Космонавтов, 2

e-mail: info@heritage-institute.ru